
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 8 ФЕВРАЛЬ 1975

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан 1 апреля 1923 года
№ 8 (2485)
15 ФЕВРАЛЯ 1975
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1975.

После выполнения 30-суточной программы исследований на борту пилотируемой научной станции «Салют-4» и транспортного корабля «Союз-17» космонавты А. А. Губарев и Г. М. Гречко возвратились на Землю.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

Закончена 30-дневная работа на орбите спутника Земли отважных космонавтов Алексея Губарева и Георгия Гречко. Мир привык за это время к постоянным радио- и телевизионным передачам с борта «Салюта-4». Командир и бортинженер непринужденно и даже весело рассказывали о том, как идет у них жизнь и работа, как устроен их космический дом. И в эти короткие минуты, конечно, трудно было понять, каково им там на самом деле. Они ведь знали, что у телевизоров сидят их жены, матери, дети, что люди всей планеты следят за их работой, жизнью в космосе.

А работа у них была очень напряженной. Достаточно вспомнить, как в ночь на 24 января Георгий Гречко вдруг пожаловался: так хочется посидеть у окошка, Землей полюбоваться, да все не получается, нет времени. Только на седьмые или восьмые сутки он выглянул в иллюминатор.

Да, им было трудно. Потому что это космос. Потому что до космоса закон об охране труда пока что не добрался. Вот и работал экипаж по 15—16 часов в сутки. Добавьте к этому исключительное многообразие научных и технических экспериментов, которые выполнили Алексей Губарев и Георгий Гречко. И еще огромную ответственность перед теми, кто создавал эту космическую лабораторию и дал ей право именоваться «научно-исследовательская».

Научной аппаратуры на «Салюте-4» установлено много. Одни приборы были нацелены в небесную бездну, туда, где вершатся невероятные, чудовищной силы катаклизмы — взрывы, вспышки. Другие в упор глядели на Солнце, судьба и нрав которого волнуют не только ученых. Третьи наведены к Земле, наблюдения на них помогут обрисовать в более точных красках ее геологический портрет, научат людей наконец-то предсказывать погоду или бороться за чистый воздух над своим домом.

Есть приборы, еще не получившие «гражданских прав». Они экспериментальные, но они встанут в строй в недалеком будущем и помогут человеку прокладывать космические трассы. Словом, станция многоцелевая, и космонавты были и пилотами, и инженерами, и астрофизиками, и геологами, и медиками, и биологами. Но прежде всего — мужественными и сильными людьми.

Какие же исследования провели они в космосе?

В Центре управления полетом я встретился с так называемыми «постановщиками» экспериментов — учеными и космонавтами. Они тоже несли свою тревожную вахту, но на Земле, помогая экипажу рекомендациями, добрым советом.

Этих людей мы пригласили сегодня за «Круглый стол» «Огонька». Первый вопрос к летчику-космонавту, Герою Советского Союза, профессору КОНСТАНТИНУ ПЕТРОВИЧУ ФЕОКТИСТОВУ.

РАБОТА У НИХ ТАКАЯ

КОРРЕСПОНДЕНТ. Около четырех лет прошло со дня запуска первой орбитальной станции «Салют». Как преобразилась станция за это время?

К. П. ФЕОКТИСТОВ. На борту станции «Салют-4» установлены новые и усовершенствованные приборы, позволяющие выполнять режим ориентации еще более точно и надежно.

Например, когда приходится выполнять ориентацию по Земле для проведения исследований ее поверхности над ночной стороной, делать это из-за отсутствия освещенности намного труднее: ведь бывает и так, что нет даже лунного света. Для этой цели используется прибор «ночного видения», с электронно-оптическим преобразователем.

В ходе полета станции проводилась отработка усовершенствованной системы энергопитания. По сравнению с первой системой «Салют-Союз» увеличена площадь солнечных батарей, соответственно возросла их мощность, что позволяет более щедро расходовать элек-

Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко с 3 по 5 февраля 1975 года находился в Арабской Республике Египет с официальным дружественным визитом.

А. А. Громыко был принят президентом АРЕ А. Садатом. Состоявшийся между ними обстоятельный обмен мнениями проходил в дружественной и деловой атмосфере.

На снимке: во время встречи.

Телефото ЮПИ-ТАСС.

троэнергию. Отсюда, в частности, возможность проводить более энергоемкие исследования.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь возрастающие научные задачи космических полетов требуют не только увеличения потребления электроэнергии. Для выполнения разнообразных астрономических исследований требуется многократно разворачивать станцию, каждый раз поддерживать необходимую «подвижную» ориентацию ее в пространстве. А все это требует расходов топлива, запасы которого на любом космическом аппарате всегда ограниченны.

К. П. ФЕОКТИСТОВ. И нужно стремиться расходовать топливо максимально экономно. Так вот на борту установлена и отрабатывалась система управления, которая отличается высокой экономичностью, расход топлива на ориентацию при работе на этой системе уменьшился в несколько раз.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Развитие космической техники предоставляет и новые возможности в исследованиях. Это требует более высокой специальной подготовки космонавтов, глубоких теоретических знаний и практических навыков. Работа на борту становится все более творческой.

Несомненно, что эффективность исследований космонавтов будет расти. Но вот такой вопрос. Губарев и Гречко много времени затрачивали на физические упражнения — для поддержания высокой работоспособности в полете, а также для нормальной реадаптации по возвращении на Землю. Однако полетное время очень дорого, и тратить более чем по два часа в день на тренировку все же, согласитесь, не производительно, не так ли?

К. П. ФЕОКТИСТОВ. Да, но пока без этого в полете не обойтись Медики много работают, и небезуспешно. И не только они. Инженеры тоже.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А какими еще путями повышается эффективность работы экипажа?

К. П. ФЕОКТИСТОВ. Существенно сократилось время приема экипажем радиограмм с Земли за счет использования бортового телетайпа — сейчас радиограммы на борт передаются в автоматическом режиме и экипаж их получает в виде напечатанного текста.

Вообще большое внимание при создании станции уделено вопросам рациональности компоновки внутренних отсеков, удобству расположения аппаратуры и рабочих мест, цветового решения интерьеров. Труд космонавта должен быть максимально эффективен и неутомителен.

Сейчас я заметил, что невольно впадаю в рекламный тон — приборы самые новейшие, очень точные, интерьер — загляденье, а работа станции и экипажа чрезвычайно эффективна. Конечно, все сложнее. Мы отнюдь не считаем, что достигли оптимума.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И последний вопрос, Константин Петрович. Станция «Салют-4» многоцелевая. На ней проводятся эксперименты самого разного характера и профиля. Как вы считаете: сохранится ли такой подход к исследованиям на орбите?

К. П. ФЕОКТИСТОВ. Пока что опыт использования орбитальных станций еще невелик. И потому такая «многоликость» космической лаборатории «Салют-4», несомненно, оправданна. Со временем мы приобретем необходимый опыт и знания в каждом направлении исследований. Это, в свою очередь, даст возможность разрабатывать новую аппаратуру и новые методы, которые могут быть использованы для более специализированных орбитальных лабораторий. И все же в будущем, я полагаю, останется необходимость в многоцелевых орбитальных станциях. Ведь у каждого времени свои широкие задачи.

КОРРЕСПОНДЕНТ. До начала космической эры непреложной истиной звучала фраза: «Свет — основа существования астрономии». В рассказе Герберта Уэллса «Страна слепых» незрячие жители совершенно не знали о существовании небесных тел. Ночь и день они различали лишь по изменению температуры. Эти люди не имели малейшего понятия о природе Вселенной и только теоретически предполагали, что небесный свод на ощупь должен быть гладким. Однако можно допустить мысль о том, что мы с вами, даже те, которым врачи-окулисты ставят в карточке полноценную «единицу», тоже страдаем слепотой. Вывод астрономических приборов за пределы земной атмосферы делает нас более зоркими. Всему миру известен ФИАН — Физический институт Академии наук СССР, возглавляемый академиком Н. Г. Басовым, лауреатом Ленинской и Нобелевской премий. Теперь у ФИАНа появился свой филиал — в космосе. На борту станции «Салют-4» Губарев и Гречко вели работы с инфракрасным и рентгеновским телескопами.

Инфракрасная и рентгеновская области спектра довольно далеки друг от друга. Но научные интересы у наших новых собеседников близкие. Это доктора физико-математических наук МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ МАРКОВ, руководитель экспериментов, проводимых с помощью инфракрасного телескопа, и ЛЕОНИД АБРАМОВИЧ ВАЙНШТЕЙН, «командующий» одним из двух рентгеновских телескопов «Салюта».

М. Н. МАРКОВ. Я, конечно, не хочу «монополизировать» право инфракрасных телескопов на исследование Вселенной из космоса. Излучения во всех диапазонах электромагнитного спектра интересны и важны для науки. И все же приведу наглядную цифру: примерно 80 процентов всего энерговыделения во Вселенной приходится на излучение в инфракрасном диапазоне.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Инфракрасная зона спектра отнюдь не коротковолновая, как, например, рентгеновская. А ведь известно, что чем горячее тело, тем более коротковолновое излучение оно в основном испускает. Но во Вселенной происходят невероятные взрывные процессы, сопровождающиеся выделением огромного количества энергии, процессы с многомиллионными температурами. И потому, казалось бы, следует ожидать, что «лидерство» в переносе энергии излучения должны захватить коротковолновые зоны. А ведь получается наоборот. В чем же дело?

Л. А. ВАЙНШТЕЙН. Боюсь, что на этот вопрос ни один ученый не сможет дать сейчас точного ответа. Астрофизика последнего времени все больше склоняется к изучению так называемых «нестационарных» явлений во Вселенной, таких, как, например, взрывы, вспышки. При этих процессах происходят необычайные превращения, в которых вскрываются удивительные, подчас неизвестные нам механизмы преобразования материи и энергии. Нам бы очень хотелось узнать, почему необузданная Вселенная предпочитает светить в основном в инфракрасном свете. И все же должен предупредить и, думаю, Михаил Николаевич Марков со мной согласится, что ответ на этот важнейший вопрос недавно закончившийся полет вряд ли сможет дать.

М. Н. МАРКОВ. Для ответа на этот вопрос предстоит еще не раз полетать. Вот что еще хотел я сказать о перспективах инфракрасной астрономии в космосе. Во-первых, не совсем верно, что атмосфера наша совсем уж не пропускает эти лучи. Немного все же пропускает, но с Земли исследования проводить практически бессмысленно. Дело в том, что атмосфера из-за своей подвижности вносит огромные погрешности в наблюдения. Мои коллеги забираются с аппаратурой в горы, уходят в пустыни, чтобы попытаться хоть как-то избавиться от атмосферных помех. Лет десять назад в Крымской обсерватории я проводил наблюдения Луны в «своей» зоне спектра. При этом ошибки измерений составили 300 процентов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Это очень большая погрешность.

М. Н. МАРКОВ. Большая, конечно, но на Земле трудно добиться лучшего. Есть и еще один огромный недостаток наземных исследований для инфракрасных телескопов. Это излучение самой атмосферы. Причем в инфракрасном диапазоне интенсивность этого излучения в десятки раз больше, чем самого небесного объекта, который мы исследуем. И еще для справки: в инфракрасных лучах светится буквально все. Даже... сам человек. Представьте себе,

что мощность его излучения — 1 киловатт. Тогда, если б человеческий глаз был способен чувствовать инфракрасное излучение, человеку казалось бы, что он видит миллион свечей даже в темноте.

Л. А. ВАЙНШТЕЙН. Со своей стороны, я могу сказать, что, по существу, вся рентгеновская астрономия начинается только в космосе. За недолгие годы своего существования она сделала разительные успехи.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И честь стать первым объектом исследования выпала нашему Солнцу?

Л. А. ВАЙНШТЕЙН. Да. Каждый год исследований Солнца открывает нам удивительные черты его характера. Оно влияет самым активным и непосредственным образом на многие земные явления и события. И эксперименты, проведенные на «Салюте-4» с помощью солнечного телескопа, по изучению нашего светила чрезвычайно интересны.

Вообще рентгеновская астрономия исследует объекты и процессы с высочайшими температурами. Например, такие источники, как остатки взрывов сверхновых звезд, для нас подобны больному с легким гриппом. Температура таких светил оценивается в несколько миллионов градусов. А вот источник в созвездии Скорпиона уже горячий — 50—70 миллионов градусов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы упомянули сверхновые звезды. Рентгеновская астрономия изучает и многие другие интересные и подчас даже экзотические объекты.

Л. А. ВАЙНШТЕЙН. Да, сейчас действительно много разговоров и дискуссий о двойных системах, нейтронных звездах, «черных дырах». И так далее. Причем существование многих из них даже совсем недавно предсказывалось лишь теоретически.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но инфракрасный телескоп станции «Салют-4», на котором вели исследования Губарев и Гречко, целится подчас и не столь далеко.

М. Н. МАРКОВ. Основным содержанием нашей работы являются молекулярные исследования. Нас прежде всего интересует молекулярный состав вещества в изучаемых объектах и космической среде. А молекулы при высоких температурах не существуют — они распадаются на атомы.

Итак, что же для нас интересного в ближайшем космосе? Вот на Марсе, к примеру, интересен поиск органических молекул — ведь «красной планете» пока что не отказано в наличии хотя бы примитивных форм жизни.

Очень интересны планеты-гиганты Сатурн и Юпитер. Принимая инфракрасное излучение этих планет и изучая таким образом молекулярный состав их атмосфер, мы сможем получать новые сведения об их строении, о температуре атмосфер на разных высотах.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Это, очевидно, поможет лучше понять Солнечную систему в целом, а потому больше узнать и о природе нашей планеты?

М. Н. МАРКОВ. Да. Но в то же время мы проявляем достаточно внимания и к самой Земле, ее атмосфере.

Энергия солнечных корпускулярных потоков, обрушивающихся на оболочку нашей планеты, преобразуется в другие формы энергии и влияет на нижние слои атмосферы, что в конечном счете сказывается на земном климате.

КОРРЕСПОНДЕНТ. С каждым годом нас все больше волнует вопрос о загрязнении окружающей среды. Учитывая, что выведенный на орбиту инфракрасный телескоп имеет склонность к молекулярным исследованиям, то...

М. Н. МАРКОВ. ...то он способен изучать распределение в атмосфере таких продуктов хозяйственной деятельности человека, как, например, угарный, сернистый, углекислый газы. Поэтому мы и говорим, что исследования на орбитальной станции «Салют-4» чрезвычайно важны и для исследования космоса и для изучения нашей родной планеты.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сейчас данные, полученные Губаревым и Гречко на борту станции «Салют-4», обрабатываются самым тщательным образом. Дела хватит и ученым и космонавтам. Им предстоят новые космические полеты, новые исследования...

Беседу из Центра управления полетом вел В. ЛЕВСКИЙ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ВЛАДИВОСТОКСКИЙ МАНДАТ

Борис ДМИТРИЕВ

В библиотечном каталоге я на днях нашел карточку о книге, не взять и не прочитать которую никак было нельзя. Имя и фамилия автора совпадали с моими — Борис Дмитриев, книга называлась «Буржуазия о новой войне», а выпустил ее Партиздат четыре с лишком десятилетия назад, в 1932 году. Мой далекий однофамилец рисовал тревожную картину оружейной горячки, охватившей в те годы стан капиталистов, писал о том, что буржуазные правительства и словом не хотели обмолвиться о предупреждении войны, не говоря уже о практических делах в пользу мира.

Многое из того, о чем повествуется в книге сорокалетней давности, присуще капиталистическому лагерю и сегодня. Но в нынешнем мире, шагнувшем после тяжелейших испытаний второй мировой войны в новую историческую эпоху, существуют реальные силы, которые способны сдержать и сорвать вовсе планы реакционной буржуазии по подготовке войны, заставить лидеров капитализма не только всерьез задуматься о необходимости разоружения, но и согласиться на конкретные шаги по пути к ограничению гонки вооружений. Силы эти прежде всего — Советский Союз, братские социалистические страны, миролюбивая общественность многих стран планеты. Советский Союз ведет успешную борьбу за реализацию Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, суть которой состоит в том, чтобы устранить угрозу ядерной войны и продвинуть дальше процесс углубления международной разрядки.

Насущно необходим для достижения этих высоких целей успех в решении важнейшей задачи современности — ограничении стратегических наступательных вооружений, поиски которого идут на возобновившихся в Женеве переговорах между делегациями СССР и США. Обе делегации в качестве руководства к действию имеют «владивостокский мандат» — достигнутую в итоге встречи во Владивостоке Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента США Дж. Форда договоренность относительно заключения нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Эту принципиальную договоренность представителям Советского Союза и Соединенных Штатов теперь надлежит воплотить в конкретный договор сроком действия до 31 декабря 1985 года.

Как известно, начало движения к взаимному лимитированию стратегических арсеналов СССР и США было положено на Московской встрече руководителей двух держав в мае 1972 года. Наряду с Договором об ограничении систем противоракетной обороны тогда было заключено Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений сроком на пять лет. Для разработки более широкого и длительного соглашения требовалось решить фундаментальную задачу — согласовать такие суммарные количества носителей стратегического оружия, которые обеспечивали бы равенство и одинаковую безопасность обеих сторон.

Во Владивостоке эта задача была решена. Руководители СССР и США зафиксировали согласованные «потолки», выше которых обе державы обязываются не наращивать свои стратегические арсеналы. В нынешних условиях эта договоренность наиболее точно и справедливо отражает требование паритетности, гарантирует одинаковую безопасность сторон.

Согласие, достигнутое во Владивостоке, вызвало в зарубежных политических и общественных кругах прилив оптимизма. С успехом решения проблемы ограничения стратегических вооружений народы связывают надежды на мирную жизнь, уменьшение опасности ракетно-ядерного конфликта.

Есть еще одна причина повышенного интереса к начавшимся в Женеве переговорам. В понимании многих зарубежных профессионалов - международников женевский диалог может послужить «пробным камнем» намерений сторон. По тому, как он пойдет, рассуждают иностранные обозреватели, можно будет судить о положении дел вообще в сфере взаимоотношений двух держав.

В самые последние дни со стороны правительства США последовал целый ряд заявлений о том, что во взаимоотношениях с Советским Союзом Соединенные Штаты будут продолжать политику разрядки напряженности, включая «сдерживание соревнования в стратегических вооружениях». Характер демонстрации поддержки сенатом политики улучшения отношений между СССР и США носит «владивостокская резолюция», внесенная на рассмотрение конгресса сенаторами Э. Кеннеди, Ч. Метайесом и У. Мондейлом. Авторы резолюции призывают президента США использовать «все возможные усилия», чтобы в переговорах с Советским Союзом достигнуть соглашения о дальнейшем ограничении и сокращении стратегических ядерных вооружений.

Приходится, однако, констатировать, что не бездействуют и противники советско-американской договоренности. Неблаговидное первенство здесь, как и в деле блокирования известного торгового соглашения, принадлежит группе сенатора Г. Джексона. По свидетельству прессы, на открывшейся сессии конгресса представителями реакционно-милитаристского крыла американской политики будут «предприняты серьезные попытки оказать давление на правительство» с тем, чтобы добиться ревизии владивостокской договоренности.

Борьба за решение проблемы ограничения стратегических вооружений, за разоружение показывает, что к миру нет простых дорог. И если сегодня народы с надеждой смотрят в будущее, если неуклонно, хотя и не всегда последовательно, развивается процесс международной разрядки, то этим человечество обязано тому, что есть на планете государство — Советский Союз, который весь свой высокий международный авторитет отдает на службу дела мира и безопасности народов.

КЛЮЧИ ОТ ГОРОДА

В Будапеште — праздник. Тридцать лет назад, 13 февраля 1945 года, Советская Армия освободила столицу Венгрии.

Иван Терентьевич Замерцев, ныне генерал-майор в отставке, был комендантом Будапешта в первые послевоенные годы. Его рассказ о том, как город возвращался к мирной жизни, записал корреспондент «Огонька» Б. Лабутин.

Весть о новом назначении застала меня в Карпатах, где стоял наш корпус. Хорошо помню первый вечер в Будапеште. Улицы — коридоры полуразрушенных зданий — погружались в темноту, нигде не было видно огонька. Прижавшись к стенам домов, на два-три квартала выстроилась очередь: люди записывались на прием в комендатуру на следующий день. Ночью приняв дела, я отправился в город.

109 дней шел бой. Наша армия, зная об исторических ценностях Будапешта, проводила «щадящую» тактику, не применяя массированных артобстрелов и бомбежек. Но гитлеровцы зверели с каждым часом. Специально, чтобы перегородить улицы, взрывали дома. Каждый угол, каждый перекресток становился полем сражения.

Я увидел глыбы поверженных стен, груды разбитого кирпича и бетона. Город был мертв. Люди прятались в развалинах, страшась выйти на свет и показаться русским, о которых за двадцать пять лет хортистского режима они наслышались столько чудовищного. Я вышел к реке. От шести красавцев мостов, соединявших Буду и Пешт, остались искореженные фермы. Последним фашисты уничтожили мост Маргит, взорвав его в тот момент, когда по нему шли пешеходы, автомашины и трамваи, переполненные пассажирами.

Как пробудить город к новой жизни? Как заставить будапештцев поверить в то, что пришли освободители, друзья?

Мы обратились к населению с просьбой вернуться к своим мирным делам. Открылись магазины, рестораны, кафе. Правда, в них нечем было торговать, и советское командование дало указание предоставлять жителям транспорт для поездок в деревни за продуктами. Первыми ко мне пришли с такой просьбой артисты оперного театра. Пришлось оставить без машины комендатуру, зато уже через день-другой мы смотрели любимую всеми венграми оперетту «Летучая мышь». А вскоре в город прибыл бесценный груз — 20 тысяч тонн продовольствия — дар советского правительства. Нужно было видеть лица людей, прижимавших к груди теплый, только что из пекарни хлеб! Вечером у здания комендатуры собрались тысячи будапештцев со своими женами и детьми, чтобы выразить сердечную благодарность нашему народу за спасение от голода.

В 25 километрах проходил фронт. Гитлеровцы готовили контрнаступление, чтобы вернуть Будапешт — узел железных и шоссейных дорог, ворота в Австрию, Чехословакию, Южную Германию, на Балканы. Сразу же после освобождения по призыву Венгерской коммунистической партии рабочие Кишпешта, Чепеля и других заводов наладили ремонт военной техники, которая нужна была не только для нашей, но и для создававшейся новой венгерской армии. Моя первая встреча с Чепелем, современным гигантом венгерской промышленности, состоялась в те дни. Пустые цеха (оккупанты вывезли оборудование), всюду развалины и груды мусора, лишь несколько человек возятся у ржавых станков. Я попросил помочь нам отремонтировать танки. «Приходите завтра же!» — ответили рабочие. На следующий день меня встретил гул машин: люди отрыли спрятанные станки и с энтузиазмом взялись выполнить заказ фронта.

В первые дни встала задача: расчистить главные магистрали. Но как? В городе осталось четыре пары лошадей и два грузовика. Случайно уцелели от бомбежек грузовые трамваи. Работала единственная электростанция, каждая лампочка была на счету. Чтобы пустить первый трамвай, решили оставить свет только в операционных госпиталей. Потом положение с электроэнергией наладилось: шахтеры Печа и Шалготарьяна не спали ночей, чтобы снабдить столицу углем.

По призыву коммунистов вышли на расчистку города все, кто мог держать инструмент. Изможденные голодом и войной, истосковавшиеся по мирному труду, люди работали не покладая рук. У них появилась уверенность, что фашисты не вернутся, что со старым покончено навсегда. В Будапеште понастоящему пахнуло весной.

В комендатуру пришла делегация женщин.

— Шари Вадаш, врач, коммунистка,— представилась старшая.— Партия поручила нам организовать сбор беспризорных детей. Мы подыскали уже пустующий дом. Разрешите только занять его и выделите, пожалуйста, нескольких ваших бойцов.

— Разве вы одни не справитесь? — удивился я.

— Дети напуганы, они идут только на голос ваших солдат. У тех всегда что-нибудь найдется для ребят — сахар, кусок хлеба.

Да, эту картину я видел повсюду: первыми, кто устанавливал контакт с нашими воинами, были ребятишки.

На рассвете следующего дня начался обход подвалов. Я приехал к будущему детдому, когда уже доставили первую группу ребят. При виде их защемило сердце: грязные, оборванные, с голодными глазами.

Мы отдали ребятам свой только что полученный трехдневный паек.

В тот год действительно выдалась дружная и теплая весна. Дунай грозил наводнением — в ходе боев были разрушены защитные дамбы. Будапештский комитет Венгерской коммунистической партии, которым руководил тогда товарищ Янош Кадар, сумел быстро поднять рабочих и все трудовое население. Люди победили стихию.

Коммунисты стали нашей опорой во всех делах. Жители, узнав поближе советских солдат, установили с нами самые дружеские отношения. Замечательные ребята работали вместе со мной. Большинство были направлены сюда, в тыл, после ранения, из «выздоравливающих команд». Но работа здесь требовала здоровья, и бойцы не щадили его. Слишком понятны были каждому страдания будапештцев.

В прошлом году, когда я приезжал в Венгрию, меня останавливали пожилые будапештцы и спрашивали: «Вы знаете, где сейчас капитан Вася?» «А помните, был такой боец Петя?» Не забылись добрые дела наших бойцов.

На первую первомайскую демонстрацию, на залитые солнцем улицы, вышел почти весь город — 400 тысяч человек. В этот день были открыты памятники советским воинам, погибшим в боях за венгерскую столицу,— скромные белые обелиски на площади Героев, на площади Сабадшаг. Первым поставил памятник героям-освободителям Красный Чепель. А через два года на горе Геллерт поднялся монумент Освобождения — многометровая величественная женская фигура, у подножия которой — отлитый из бронзы советский воин. Проект разработал венгерский скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль, осуществили его благодарные жители Будапешта. Как символ победы, как свидетельство нерушимой советско-венгерской дружбы, высится над городом этот монумент.

В гостях у питомцев детского дома. Будапешт, 1945 год.
Фото из архива И. Т. Замерцева.

НАЗЫВАЕМ ИХ ИМЕНА

«Кто назовет их имена!» С этим вопросом «Огонек» обратился к своим читателям в первом номере 1975 года. Там же был помещен снимок, сделанный 2 мая 1945 года у Бранденбургских ворот в Берлине.

Публикуем письма тех, кто отозвался на наше обращение.

●

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Не помню, как называлась эта площадь в Берлине, но знаю точно, что там стоял танк и было много солдат.

«Товарищи, Берлин пал! Знамя Победы водружено над рейхстагом»,— говорил тот, кто выступал на митинге. И кажется, последние слова были о том, что нам приказано освободить столицу Чехословакии. После митинга танк развернулся, и мы пошли с боями на Прагу.

На снимке — я против люка танка стою в профиль. Немного закрывает меня голова товарища. Я, в пилотке с усиками, во втором ряду, смотрю на солдата, который напоминает младшего сержанта Воронкова.

До конца моей жизни в памяти штурм и взятие Берлина. Сколько я потерял друзей от Курска до Берлина! Я очень горжусь, что мне довелось с друзьями, сержантами Л. Хабаровым, Х. Кашаевым, Д. Селешевым, П. Рыжковым, И. Воронковым, Л. Годлиным, лейтенантом Кругловым, капитаном Марченко, Сосиновским штурмовать логово фашистов.

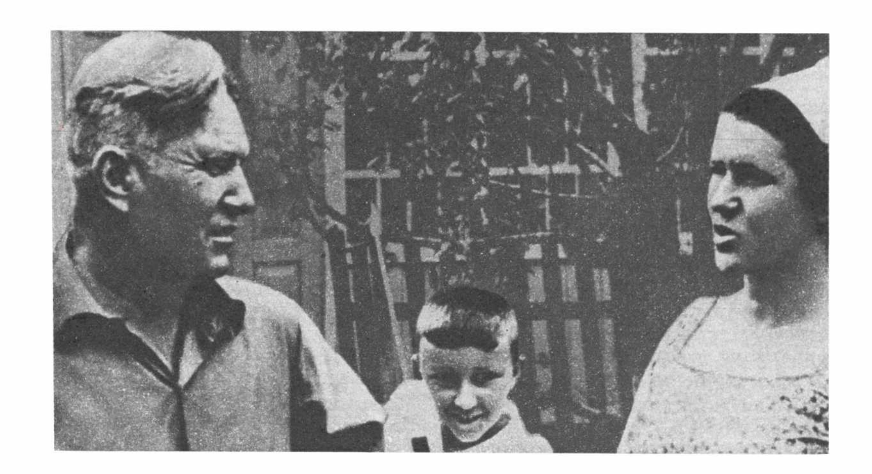
Г. ЕВСКИЙ

Кабардино-Балкария.

На снимках: командир минометного расчета старший сержант Евский. Снимок военных лет.

Григорий Иванович Евский с семьей.

ПОМНЮ ТЕБЯ, ЛЕЙТЕНАНТ!

Утром 2 мая 1945 года я и командир нашего взвода лейтенант Алексей Пономарев оказались у Бранденбургских ворот и были участниками этого митинга. На фотографии мы видны на заднем плане, у третьей колонны справа.

На западной окраине Тиргартена и северо-западнее у рейхстага еще шли ожесточенные бои — из окон домов, подъездов и с крыш еще стреляли эсэсовцы и фаустпатронщики фольксштурма, но здесь было спокойно. В это время подошла какая-то танковая часть, и стихийно возник митинг. Мы с лейтенантом стали слушать выступавшего с танка майора.

Через несколько дней возвратились в свою часть, стоявшую восточнее Дрездена, а вскоре лейтенант Пономарев был во время патрулирования убит власовцами. Родом он из Кировской области; помню, что очень любил петь песню «Глухой, неведомой тайгою...».

Ю. БАРАБАНОВ

Чебоксары.

СОБЫТИЯ В ПЕРУ

Жизнь в Перу снова входит в обычную колею. Положение в стране нормализуется. Вновь открыты магазины. Функционируют учреждения и предприятия. Попытка реакционных элементов поднять мятеж против правительства Перу провалилась...

Почерк заговорщиков напоминал методы чилийских «горилл» Пиночета: ограбление магазинов, поджоги, провокационные «забастовки» саботажников, террористические акты.

Единство трудящихся Перу сорвало замыслы заговорщиков. Прогрессивные силы страны поддержали меры правительства, направленные на восстановление порядка.

«Вместе с нашим народом мы осуждаем подобный мятеж, а также запланированную контрреволюцией эскалацию фашистских действий»,— говорится в заявлении Перуанской коммунистической партии. Такую же позицию заняли профсоюзы, крестьянские организации.

В публикуемых перуанскими газетами комментариях отмечается, что за спиной участников беспорядков стоят противники проводимых Революционным правительством социально-экономических преобразований. Указывают на причастность к заговору империалистических кругов. «Роль ЦРУ в организации беспорядков не видит только слепой»,— пишет перуанская газета «Экспрессо». «Чилийский вариант» не удался. Трудящиеся Перу сохраняют бдительность...

На снимке: в эти дни на одной из улиц Лимы.

Фото ТАСС.

Интервью «ОГОНЬКА»

ЧЕЛОВЕК ИМЕ

Первый заместитель прокурора РСФСР **А. РЕКУНКОВ**

«Как-то дома у нас собрались друзья, и зашел разговор о прокуроре. Один из моих товарищей, Володя Сидоркин, заметил, что прокурор — это, как говорится, «око государево». Он охраняет государство от всяких нарушителей закона — расхитителей государственного добра, нарушителей государственной дисциплины. И нет у него других забот. И товарищ мой сослался на печать — если в газетах пишут о делах, расследованных прокуратурой, о привлечении к судебной ответственности, то речь идет все о таких вот делах, где нарушены интересы государства. Мы поспорили. Я сослался на историю, приключившуюся с моим родственником. Его неправильно уволили с работы, и он пожаловался прокурору. Тот помог ему восстановиться на работе. А Володя мне отвечает: «Редкий случай. И возможно, что к прокурору твой родственник обратился как к депутату». Было бы интересно, если бы по этому поводу высказался кто-нибудь из работников суда или прокуратуры — они ведь часто выступают на страницах «Огонька».

В. КРУГЛОВ

Красноярск.

Корреспондент «Огонька» Ю. Чернявский беседовал с первым заместителем прокурора РСФСР А. Рекунковым, познакомил его с письмом из Красноярска и попросил высказаться по этому поводу.

ОТВЕТ. Вопрос затронут острый. Об этом же часто спрашивают нас и на собраниях и на лекциях, посвященных советской законности. Видимо, печать действительно скупо освещает очень важную сферу большой деятельности прокуратуры — охрану прав гражданина от всяких посягательств на них.

Законы, как известно, действуют во всех странах. Но в мире капитализма закон находится на службе у буржуазии. Ее интересам в конечном счете служат суд, полиция, прокуратура. В Советском государстве закон стоит на страже интересов трудящихся. В нашем обществе государство охраняет не только жизнь и достоинство человека, но и его право на труд, отдых, образование, его имущественные, жилищные, семейные, пенсионные и другие права. И здесь прокуратура столь же беспощадна к правонарушителям, как и там, где преступно расхищается народное добро, нарушаются государственная дисциплина, правопорядок.

В своей речи на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Говоря об укреплении социалистической законности, мы имеем в виду две стороны дела. Во-первых, строжайшую охрану прав граждан, недопущение каких бы то ни было проявлений произвола, в том числе со стороны должностных лиц. Во-вторых, мы имеем в виду строжайшее соблюдение советских законов, правил общественного порядка всеми гражданами. Преступность, любые формы антиобщественного поведения — это социальное зло, и бороться с ним следует повседневно, бороться твердо и решительно».

ВОПРОС. В связи с полученным нами письмом из Красноярска нельзя ли на ряде примеров познакомить читателей, как прокуратура РСФСР охраняет права граждан, борется с теми должностными лицами, которые считают, что для них закон не писан?

ОТВЕТ. Поскольку письмо пришло из Красноярска, я и начну с истории, приключившейся в этом сибирском крае.

Есть там организация, именуемая «Красноярскэлектросетьстрой». И есть у этой организации мехколонна № 39. Так вот, начальник Назаровского участка этой колонны Абдулхаликов как раз и оказался таким должностным лицом, которое считает, что закон не для него писан. Однажды шоферу Гребневу предложили доставить на дом к Абдулхаликову машину с углем. Шофер резонно ответил, что это не входит в круг его обязанностей. О строптивости водителя стало известно начальнику участка. Выждав некоторое время, он нашел повод разделаться с Гребневым. И вот главный инженер колонны Зыбковский издает приказ уволить шофера Гребнева... за прогул. Вмешалась в эту историю прокуратура Красноярского края. Самодур Абдулхаликов и услужливый главный инженер Зыбковский были привлечены к строжайшей ответственности за нарушение законодательства о труде. С них было взыскано по 120 рублей — сумма, которую выплатили Гребневу за вынужденный прогул.

Или другой аналогичный случай, происшедший в Удмуртии.

Есть в Сарапуле добровольное пожарное общество. Есть в этом обществе совет, возглавляемый коммунистом Смагиным. Вел он себя не очень достойно и не считал для себя обязательными нормы коммунистической нравственности, за что на партийном собрании по справедливости был подвергнут резкой критике. Критиковал его человек скромной должности, но принципиальный — печник А. К. Юхнин. И вот постигла его та же участь, что и сибирского шофера: Смагин без согласия месткома профсоюза увольняет Юхнина... по сокращению штатов. Решением Сарапульского городского народного суда А. К. Юхнина восстановили на работе. Смагин привлечен к строгой ответственности, и с него взыскана сумма в пределах его трехмесячного оклада — это компенсация печнику за дни вынужденного прогула.

В новом законодательстве о труде закреплены высокие правовые гарантии советских людей в сфере трудовых отношений. Закон сформулировал рассчитанные на длительное время принципиальные положения о труде рабочих и служащих. И органы прокуратуры зорко следят за строжайшим соблюдением законодательства о труде. К сожалению, поводы для вмешательства прокуратуры в область трудовых отношений еще встречаются.

В порядке общего надзора прокуроры Российской Федерации отменили немало незаконных приказов и распоряжений руководителей предприятий, учреждений и организаций. Незаконно уволенные восстанавливаются на работе, а должностные лица, виновные в нарушениях трудового законодательства, привлекаются к дисциплинарной и имущественной ответственности.

Одно из наиболее распространенных нарушений законов труда — это увольнение с работы без согласия на то фабричного, заводского или местного комитета профсоюза. Случаются и беспричинные переводы на другую работу без согласия рабочего или служащего. И уж вовсе нетерпимы незаконные увольнения беременных женщин и несовершеннолетних.

Анализ таких дел показывает, что далеко не всегда источник зла — произвол. Выясняется, что многие должностные лица, в том числе и руководители, слабо разбираются в правовых нормах, плохо знают законы о труде. Видимо, необходимо повсеместно организовать всестороннее изучение основ законодательства о труде — на курсах, семинарах, в лекториях.

Но подчас нарушение закона — результат самодурства. Того самого самодурства, которое проявляют иные руководители, возомнившие себя этакими царьками на предприятии или в учреждении. И тут многое зависит от уровня партийной, профсоюзной работы, от принципиальности партийных, профсоюзных руководителей, от их умения воспитывать, а когда этого требуют обстоятельства — прибегать к мерам суровым. Ведь речь идет о престиже советского закона, советской демократии!

Об этом никогда нельзя забывать, и за увольнением печника надо видеть проблемы большого политического значения. А то ведь бывает и такая реакция: «Эка важность — ну, уволили неправильно печника, ну, восстановим его на работе, к чему шум подымать?» Обывательский подход!

Советский закон никогда не будет защищать пьяниц, прогульщиков, лодырей, нарушителей трудовой дисциплины. Он всем существом своим направлен на борьбу за укрепление трудовой дисциплины, он беспощадно карает тех, кто ее нарушает. Но он сурово наказывает и тех, кто нарушает законность в трудовых отношениях. И тут я не могу не обратить внимание на такую статистику: судами РСФСР восстановлены на работе более 50 процентов трудящихся, которые обратились в суд, прокуратуру с требованием защитить их права. Есть над чем задуматься и хозяйственным и партийным руководителям.

ВОПРОС. В почте «Огонька» есть письма, в которых читатели сетуют по поводу нарушений жилищного законодательства. Что вы скажете в связи с этим?

ОТВЕТ. Гражданское законодательство значительно повысило гарантии жилищных прав советских граждан. Но, к сожалению, законы эти все еще нередко нарушаются. В судах разрешается немало жилищных конфликтов, которые возникают из-за того, что администрация, исполком местного Совета депутатов трудящихся нарушили порядок предоставления жилой площади или же без законных оснований предъявили требования о выселении граждан. Некоторые предприятия заселяли жилые помещения без разрешения, без ордеров исполкомов местных Советов депутатов трудящихся, основываясь лишь на распоряжении отдельных должностных лиц.

Не всегда соблюдаются установленные законом льготы для пенсионеров по старости, инвалидов первой и второй групп, семей военнослужащих и партизан, погибших при защите СССР, семей лиц, находящихся на службе в Вооруженных Силах СССР. Бывают обстоятельства, которые исключают возможность выселения из жилищ без предоставления другой жилой площади. А с этими обстоятельствами не считаются.

Вот характерный пример.

Красноуфимская передвижная механизированная колонна № 447 Свердловской области потребовала выселить в судебном порядке, без предоставления жилой площади семью Ачиниева. Почему? Он уже не работает в мехколонне. Но вместе с Ачиниевым живет его мать, муж которой погиб на фронте. И по закону эта семья не может быть выселена без предоставления жилой площади. Случай этот не единичный. Столь же неосновательны были требования, предъявленные администрацией Юргамышского свиноводческого совхоза Курганской области, дорожно-эксплуатационным управлением города Кемерова, некоторыми организациями Вологодской, Челябинской областей.

Закон предусматривает определенные преимущества и льготы для передовиков и ветера-

ЕТ ПРАВО...

нов производства, для тех, кто своим трудом вносит наибольший вклад в общенародное дело. Тем не менее кое-где на это не обращают должного внимания. Установлено, что иногда местные советские органы при составлении ежегодных списков граждан на получение жилплощади учитывают лишь меру необходимости в жилье. Как говорится, за кадром остается общественно полезная деятельность человека. Это неправильно. Следует неукоснительно соблюдать закон, требующий при распределении жилплощади предоставлять льготы и преимущества передовикам производства. Объективно это будет означать усиление мер воздействия на тех, кто злостно нарушает трудовую дисциплину, не считается с интересами общественного производства.

Нет-нет да и встречается такое грубейшее нарушение закона — гарантированное Конституцией право неприкосновенности жилища. Я имею в виду выселение граждан без решения суда или санкции прокурора.

Комендант общежития Курганского завода колесных тягачей Чернова выселила контролера цеха Толоконникову. Управляющий Кемеровской телеграфно-телефонной станцией Черноусько насильно выселил из общежития семью Сталерова. Несовершеннолетняя гражданка Евдонова была выселена из квартиры по указанию заместителя управляющего трестом «Кемеровжилстрой» Буца. Разумеется, пострадавшие обратились и в суд и в прокуратуру. Права всех этих граждан были восстановлены.

Кое-кто пытался оправдаться, что-де, мол, он не знал закона. Но незнание законов не освобождает от ответственности. Однако дело не только в этом. Изучение всех подобных дел показывает, что закон-то был известен, но его попросту игнорировали — авось, сойдет с рук! И вместо того, чтобы вникнуть в просьбу гражданина, внимательно рассмотреть все тяжело сложившиеся обстоятельства его жизни, вопрос решается формально, бюрократически, росчерком пера, вопреки закону. В особенности там, где «своя рука — владыка».

Мы требуем от органов прокуратуры РСФСР не только устранить само правонарушение, но и наказать виновных. О выявленных нарушениях жилищного законодательства прокуроры вносят представления в Советы Министров автономных республик, исполкомы местных Советов, информируются также и партийные органы.

Мы придаем большое значение рассмотрению заявлений, жалоб, предложений трудящихся. При этом прокуроры руководствуются известным ленинским требованием — чутко, всесторонне, принципиально реагировать на каждый сигнал и обращение, связанные с дальнейшим укреплением общественной безопасности, охраной прав населения и интересов государства. Это всегда было и сейчас остается нашей главной задачей. В этой связи я хочу обратить внимание на одну категорию жалоб и заявлений, которые вызывают у нас особую озабоченность. К нам все еще поступает много жалоб на несвоевременное исполнение судебных решений о взыскании алиментов. Они составляют 22,5 процента всех рассмотренных нами жалоб по гражданско-правовым вопросам. Надо ли говорить о значении подобных жалоб, ведь речь идет о защите интересов матерей и детей!

Кто же виноват? Преимущественно финансовые работники предприятий и учреждений.

Из-за безответственности бухгалтера Алтайского краевого управления «Вторчермет» Иванкиной алименты на содержание двух детей гражданки Бутиной не удерживались с должника в полном размере несколько месяцев. Вмешался прокурор района. И только после этого с управления в пользу Бутиной была взыскана задолженность в 209 рублей. Ущерб возместил покинувший семью отец, а бухгалтер была подвергнута штрафу.

По небрежности бухгалтера объединения «Радуга» в Новосибирске с гражданина Радченко не удерживались алименты в течение восьми месяцев. И опять же лишь после вмешательства суда истица получила деньги. Прокурорские и судебные органы должны более строго охранять права и законные интересы детей и матерей.

Известно, что большинство уголовных преступлений совершается на почве алкоголизма. Пьяницы причиняют вред не только производству, но и обществу в целом. От пьяниц страдают семьи, отдельные граждане. Среди правовых средств борьбы с пьянством большая роль принадлежит мерам, предусмотренным трудовым, гражданским и брачно-семейным законодательствами. Одной из таких мер является статья 16 Гражданского кодекса РСФСР. Она ограничивает дееспособность лиц, злоупотребляющих спиртными напитками и ставящих свою семью в тяжелое материальное положение. Что значит ограничить дееспособность пьяницы? Это значит лишить его возможности распоряжаться имуществом, доходами, даже получать свою зарплату — она выдается на руки членам семьи. Прокуроры Москвы, Свердловской, Владимирской, Ивановской областей проявили хорошую инициативу — в судах они решительно требовали применить упомянутую мною статью. К сожалению, так поступают далеко не все прокуроры.

Почти половина из привлеченных к ответственности за так называемое мелкое хулиганство подвергается аресту. Думается, что такая мера далеко не всегда оправданна. Ведь нередко речь идет о лицах, впервые допустивших нарушение общественного порядка и ранее ничем себя не скомпрометировавших. Иногда не учитывается, что лишение свободы на несколько суток оказывается куда менее эффективным, чем применение мер общественного воздействия, морального осуждения на собрании трудового коллектива. И там, где партийные, комсомольские, профсоюзные организации ведут действенную, а не формальную воспитательную и предупредительную работу, там случаи хулиганства заметно сокращаются.

Однако с хулиганством злостным борьба должна вестись бескомпромиссно и всей силой советских законов. А тут дела обстоят далеко не всегда благополучно.

Иные органы милиции в погоне, так сказать, за «хорошими показателями» допускают серьезные нарушения законов. Так было, например, в Костромской области, где вдруг резко пошла вниз кривая хулиганских поступков. Областная прокуратура обратила на это внимание и провела в ряде районов проверку. Выяснилось, что кривая поползла вниз не оттого, что случаи хулиганства действительно уменьшились, а потому, что дерзким, подчеркиваю, именно дерзким проступкам зачастую давалась неправильная правовая оценка. Опасные для общества хулиганы отделывались несколькими сутками (максимальная мера — 15 суток) ареста, а подчас и просто штрафами. Разумеется, прокурор области принял соответствующие меры.

В нашей деятельности немалую роль играет правовое воспитание населения. В последнее время мы стали заниматься им значительно активнее. Правовые проблемы обсуждаются на сессиях местных Советов, собраниях партийного, комсомольского, хозяйственного и профсоюзного активов, на сельских сходах граждан. Все это очень важно. Надо добиваться большей эффективности правового воспитания. Советский гражданин обязан знать содержание закона, знать свои права и обязанности. Не только сам строго выполнять закон, но и всячески способствовать выполнению законов всеми членами общества.

Киев. Открытие пленума композиторов

ПЕСНЯ В ПОХОДЕ

ВТОРОЙ ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА КОМПОЗИТОРОВ СССР, ПОСВЯЩЕННЫЙ СОВЕТСКОЙ ПЕСНЕ

Представительный этот форум открыл первый секретарь правления Союза композиторов СССР Т. Н. Хренников в городе-герое Киеве — не заседанием, а большим торжественным концертом. Главной задачей пленума было обсуждение проблем песни в связи с приближающимся 30-летием Победы советского народа над фашизмом.

Песня всегда в походе, всегда среди масс — об этом говорил А. Романовский, министр культуры УССР, в приветственном слове. А затем с гигантской сцены Дворца культуры «Украина» зазвучали аккорды патетической «Песни о Ленине». Произведение композитора А. Холминова и поэта Ю. Каменецкого в исполнении сотен певцов и музыкантов стало впечатляющим началом цикла концертов — своеобразной антологии советской песни, лучших ее образцов, с двадцатых — тридцатых годов до нынешних премьер.

На пленарных заседаниях шли творческие дискуссии. А на заводах, в колхозах, в государственном университете имени Тараса Шевченко встречались создатели песни — композиторы и исполнители — с рабочими, строителями, хлеборобами, студенческой молодежью. Встречи эти были содержательными и вдохновляющими.

А. Пахмутова в своем основном докладе, А. Хачатурян, В. Соловьев-Седой, С. Туликов, О. Фельцман, Л. Ошанин, И. Лученок и многие другие композиторы взволнованно говорили с трибуны пленума и о том, что достигнуто песенным искусством, и о насущных задачах песни, особенно массовой, которая с концертной эстрады идет к народу.

Признанные мастера Ю. Гуляев, М. Магомаев, Н. Кондратюк, Э. Хиль, И. Кобзон, Е. Серкебаев, Л. Лещенко, Т. Синявская, Э. Пьеха, М. Пахоменко, многие молодые артисты сумели щедро раскрыть в песне духовный мир советского человека. Столь же успешно выступали и музыканты — представители всех народов нашей страны.

Более двадцати тысяч зрителей аплодировали песне в зале Дворца «Украина», миллионы трудящихся следили за работой пленума, слушали концерты по телевидению.

— Советская песня стала действенным средством коммунистического воспитания трудящихся, она идет в ногу с жизнью. Поэтому ее любят и советские люди и миллионы наших друзей за рубежом, — сказал товарищ В. Щербицкий, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины, на встрече руководителей республики с представителями Союза композиторов СССР, завершившей работу пленума.

Л. ВИРИНА

Фото Н. Козловского.

Исполняется новая песня.

РУССКОЕ НЕБО

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

«Он открыл живое небо, он открыл мокрое движущееся небо»,— сказал о нем Ге.

Репин спрашивал: «Как это ты справляешься с небом такими маленькими кистями?»

«Ему было суждено внести в русский пейзаж то, чего последнему недоставало и недостает: поэзии при натуральности исполнения... Я полагаю, что русская школа потеряла в нем гениального художника»,— писал Крамской.

Он умер двадцати трех лет. Но успел открыть живое небо, влажность омытой росой травы, листву деревьев, казалось, удерживающих еще дрожь дождевых капель. Он открыл бездонность и глубину неба над нами, движение облаков, вылепленных с совершенной, фантастической изобретательностью. На его картины глядишь, будто запрокинув голову. И видишь, как тень от тучи, скользя, перемещается по земле. И слабый ветерок оставляет на воде легкую ребристость. И рыхло бродит снежное крошево в растопленной весной реке.

Автопортрет — рисунок карандашом: юношески отточенное узкое лицо с разлетом бровей, выдающим самолюбивый, гордый характер. Выпуклый лоб, прямой нос — в профиль в этом лице открылась бы еще бо́льшая скрытая сила, властность. А в глазах, чуть оттянутых к вискам, беспокойство, тревога. Спрашивающий, выпытывающий взгляд — взгляд упрямого человека. И несчастливого. Стасов так закончил свой некролог о нем: «Горька участь многих русских художников — всех лучших...»

Федор Александрович Васильев родился в Гатчине. Его детство и юность прошли в семье мелкого почтового чиновника в Петербурге. Он учился в рисовальной школе Общества поощрения художеств и закончил ее в 1868 году в восемнадцать лет, будучи уже известным в художественной среде. Познакомился с Крамским, уже тогда восхищавшимся его дарованием, и с Репиным. К этому времени Васильев написал «Деревенский двор», пейзаж «В церковной ограде», а в результате поездки на Волгу в 1870 году — «Вид на Волге», «Волжские лагуны». После «Оттепели» (1871 год) его картины посылают в Лондон на международную выставку. Но в ту же зиму молодого мастера настигает болезнь — туберкулез. Он уезжает в Ялту лечиться на средства Общества поощрения художеств. Ему 21 год. Жить осталось две осени...

Дома, в России, он писал маленькие картины, величиной в альбомный листок, вмещая в них пространства родины. Дороги уходят вдаль, мы провожаем взглядом путников — туда, в глубь картины (помните, у Грина «Дорога никуда»?). Стиснутые на первом плане домами, эти дороги не имеют границ, и беспредельна ширь раскрывшегося перед нами горизонта («Деревня», 1868 год). А вот аллея в лесу, с деревьями, шатром сомкнувшими свои кроны. Мы ощущаем неодолимую тягу войти внутрь картины, вдохнуть сухой, настоянный на солнце запах осени. Аллея вся залита желтым светом: золотисто-рыжим, рыжевато-коричневым; в это золото вкраплены зеленые мазки и лиловые, коричневолиловые тени. Это «Осенний лес».

«Оттепель»... Зябко. Свинцовая серость неба давит на нас. Равнинная необозримость пейзажа оставляет в сознании чувство обреченности. Эта раскисшая, расплывшаяся по весне дорога — словно сама весна — больная, убогая, не оставляющая никаких надежд. «Оттепель» — первая законченная, зрелая картина молодого художника. Можно сказать, программная.

Реализм и национальное, русское — под таким лозунгом в те годы объединилось все передовое в России. Природа, ее истолкование у Васильева содержало и д е ю. В пейзаже прочитывался с ю ж е т. Да, он был далек лишь от занимательности живописи, хотя это европейское наследие и было воспринято русскими художниками. Его «Пейзаж с избами, крытыми соломой» (1869 год) — почти беллетристика, рассказ. Избы, тряпье, развешанное на заборе, мостик—неторопливое, грустное повествование, с подробными деталями быта, в духе писателей-народников. Но свет, но краски, но богатая жизнь цветовой гаммы — это уже раскрепощение от «сочинительства» в сторону лирической, естественной простоты живописи французских художников-барбизонцев: Руссо, Дюпре, Милле, Добиньи, Диаза знали, любили и коллекционировали в России. Но если на каких-то этапах пути французские и русские художники сближались, главная цель у них разнилась. Это явствует хотя бы из творчества Федора Васильева.

Изощренное видение, пугающее иной раз его самого («где я ясно вижу тон, другие ничего могут не увидеть или увидят серое или черное место»),— это видение еще не дает основания причислить этого художника к импрессионистам, а такие попытки были. Васильев не отрицает естественного цвета предмета, не заменяет его произвольным, пойманным на лету, сиюминутным ощущением. Нет, лирика его картин особого рода — непосредственна и в то же время объективна. Природа предстает на его полотнах самостоятельной, в неизменности бытия. Она может быть и фантастичной, например, в «Заброшенной мельнице». День ли, ночь ли — все в дымке. Таинственная заводь — ворожба, колдовство. Дымный, блеклый лунный свет. Но это исконно русская фантастика. Как у Тютчева: одухотворенность природы, близкой человеку, и в то же время таинственной; мир загадочен, и в нем «шевелится» хаос. Мы сами не раз испытывали завороженное состояние, созерцая природу — море, движение облаков, ощущали почти физически эту вековечную тайну, давящую на нас и одновременно дарующую радость единства, родства со всем, что живет и дышит вокруг. Эта двойственность настроения человека наедине с природой всегда присутствует в картинах Васильева. Поэтому даже самые скромные, будничные его пейзажи заставляют подолгу в них всматриваться.

«Пейзажисты бывают двух родов,— писал Васильев в письме к Крамскому,— первый род пейзажистов происходит из бездарности, которая не в состоянии охватить человека, как большую задачу, а потому бросается на более легкое, как им кажется,— на камни, деревья, горы и т. д.; другой род — люди, ищущие гармонии чистоты, святости; они невольно становятся поклонниками природы, не находя ничего такого полного в человеке, этом венце творения».

Какой полноты он искал?

«Если написать картину, состоящую из одного этого голубого воздуха и гор, без единого облачка, и передать это так, как оно в природе, то, я уверен, преступный замысел человека, смотрящего на эту картину, полную благодати и бесконечного торжества и чистоты природы, будет отложен и покажется во всей своей безобразной наготе. Я верю, что у человечества, в далеком, конечно, будущем, найдутся такие художники, и тогда не скажут, что картины — роскошь развращенного сибарита. Это может показаться или безумным, или совершенным незнанием человека и его стремлений. А впрочем, какое мне дело до этого? Я верю в это, и потому прав, и никакие доводы не заставят меня думать иначе».

У него-то и биографии, по сути, не было, не успела сложиться. Остались картины, письма к друзьям...

«Я все-таки думаю, что судьба не убьет меня ранее, чем я достигну цели»,— пишет он в своем предсмертном письме к Крамскому. Конечную его цель мы не можем знать: к двадцати трем годам и к ближайшим-то не все успевают подступиться. Но он, Васильев, видел известные лишь ему далекие вершины, шел к ним, как на маяк. Примеривался к великим, и при его работоспособности, всегдашней неудовлетворенности, которой он истерзал себя, такой взгляд не кажется излишне самоуверенным, нескромным.

Он думал: почему Рафаэля знает каждый человек? Возможно ли стать с ним вровень? Скопировать, повторить уже однажды найденную истину? Нет, конечно, нет. «...ставит на один уровень только, конечно, в т о м с л у ч а е, е с л и б у д е т д о к а з а н о, ч т о м ы с л ь э т а н е у к р а д е н а, а с а м о б ы т н о п р и ш л а в г о л о в у». В письме своем к Крамскому Васильев выделил эти слова, показывая таким образом, насколько они для него принципиально важны. Самобытность! Вот что всегда было и есть главная цель всякого творчества. «Я открыл живопись,— писал Делакруа,— когда у меня уже не было ни зубов, ни здоровья».

Открыть живопись, открыть в живописи себя. Жизнь Васильева прервалась, когда он был лишь на подступах к этому. И все же как много он успел! Остро чувствовал, как истекает отпущенное ему время, и потому торопился. Потому так болезненно переживал каждую неудачу.

В то время русская реалистическая пейзажная живопись переживала этап своего становления. Отрицание академической системы; влияние «дюссельдорфцев», с одной стороны, и «барбизонцев» — с другой; кристаллизация своего, национального. Стасов, передвижники, Саврасов, Шишкин, Куинджи. Победы, завоевания. Но случались и срывы. Даже такого талантливого, чуткого ко всякой фальши художника,

Ф. Васильев. (1850—1873). ПЕРЕД ГРОЗОЙ. 1868.

Ф. Васильев. ПЕЙЗАЖ С ИЗБАМИ, КРЫТЫМИ СОЛОМОЙ. 1869.

Государственный Русский музей.

МОКРЫЙ ЛУГ. 1872.

Государственная Третьяковская галерея.

НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ

КИНО

Сюжет документального фильма «Возвращение Игоря Винокурова» в пересказе выглядит и героическим и в то же время хорошо знакомым: человек попадает в авиационную катастрофу, ему ампутируют обе ноги, но он все-таки находит в себе душевные силы, чтобы вновь вернуться к своей профессии. Но один только сюжет не в состоянии дать истинное представление об этом фильме — ленте необычной, в высшей степени волнующей.

Начать хотя бы с того, что профессия главного героя — рыбак тралового флота. Человек на протезах отправляется в многомесячные морские плавания — такого, пожалуй, еще не бывало! Но что особенно интересно: обычно такие документальные фильмы снимаются по следам событий, а это в известной мере сужает возможности широкого показа происходившего в действительности, заставляет в основном ограничиваться рассказом о нем, сопровождая такой рассказ чисто иллюстративными перебивками. Лента «Возвращение Игоря Винокурова» сделана принципиально иначе: авторам удалось найти еще одного человека аналогичной судьбы — моряка Валерия Сараева. Таким образом, фильм приобрел стройность и законченность. Наблюдая за сомнениями и первыми шагами Валерия Сараева, зритель узнает в них недавнее прошлое Игоря Винокурова, а встречаясь с Игорем Винокуровым на рыболовецком траулере в море, предвидит будущее Валерия Сараева.

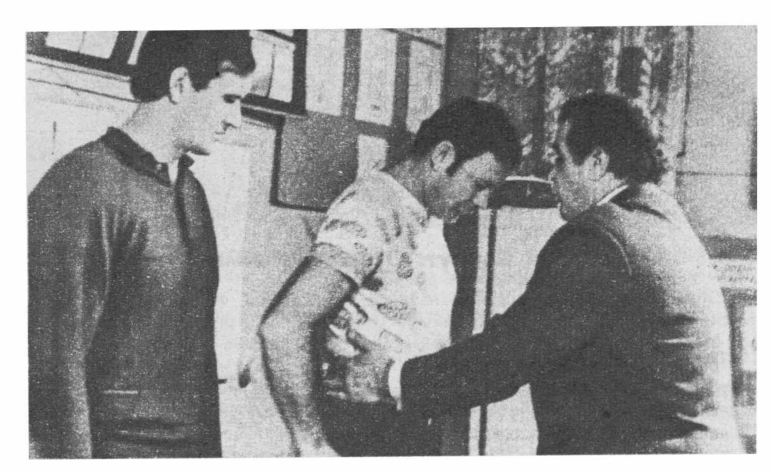
Есть в этом фильме и еще одна чрезвычайно прочная «связка», дарованная самой жизнью и умело использованная создателями ленты. Сложные операции, благодаря которым оба моряка смогли вернуться в море, им делал один и тот же хирург — профессор Киевского НИИ ортопедии Олег Александрович Бухтиаров. Человек, который в годы Великой Отечественной войны получил тяжелое ранение, потерял ногу, но, несмотря на протез, по многу часов в день простаивает у операционного стола. Его руки лечат героев фильма, его жизненный пример их вдохновляет. И когда Бухтиаров говорит Винокурову и Сараеву, что вопрос не в том, чтобы просто жить, а в том, чтобы вернуться к прежней профессии, его слова воспринимаются как приказ, который нельзя не выполнить. И Бухтиаров имеет право на такой приказ.

Три сложных человеческих жизни так густо и многопланово переплелись в этом фильме, что порой зрителю начинает казаться, будто перед ним игровая, а не документальная лента. Этому, кстати, в большой мере способствует и то обстоятельство, что все три главных героя удивительно кинематографичны. Мужественные, сильные лица, уверенность движений, очень искренние и свободно проявляемые перед кинообъективом чувства.

Винокуров работает, живет да и вообще держится так, что если бы не поясняющий дикторский текст, зритель не догадался бы, какая беда пережита им. Конечно, вернуться в море ему помог не только Бухтиаров, но также товарищи, многие, казалось бы, чужие люди, принявшие самое горячее участие в его судьбе. Без нажима, сдержанно, но зато очень точно в фильме акцентирована первопричина такого отношения к человеку, попавшему в беду. Эта первопричина заключена в советском образе жизни. Когда Винокуров, слегка раскачиваясь на протезах, вместе с другими членами своего экипажа шагает по улицам одного из портовых городов Запада, он встречает там моряка, который в свое время также попал в катастрофу и остался инвалидом. Этот моряк поражен и потрясен: Винокуров снова плавает! Сам он не только навсегда списан на берег, но даже мысль о возвращении в море ему кажется фантастической: он никому не нужен, коллеги давно забыли о нем.

Как бы в контрасте с трагической темой, затронутой в «Возвращении Игоря Винокурова», сам фильм сделан в очень светлой, оптимистической гамме. Красивые люди, великолепные пейзажи... А тот факт, что все происходящее на экране не художественный вымысел, а конкретные судьбы конкретных людей, заставляет зрителя воспринимать киноленту с особым волнением.

А. САЛУЦКИЙ

Кадр из фильма. Слева направо: В. Сараев, И. Винокуров и О. Бухтиаров.

«Возвращение Игоря Винокурова». Сценарист Б. Костин, режиссер Т. Семенов, ЦСДФ, 1974.

как Васильев, захлестывала иной раз ложная, чуждая его натуре волна. И появилась поверхностная, вялая, бессодержательная картина «Эрикклик», созданная по заказу. Васильев сам предчувствовал неудачу: «Вчера начал картину... преглупейшая и преказеннейшая штука будет». Но, может, как раз эти неудачи подсказали художнику такую важную для каждого творца мысль, что «иметь талант — еще очень мало. Нужно при одном таланте иметь другой — талант правильно и в лучшую сторону развиваться...»

Мудрость не может прийти без опыта. Горечь в ней тоже, вероятно, необходимый компонент. И нет гладкого пути, как бы краток он ни был. Путь не может быть гладким, если его выбирает талант.

Приехав в Крым, Васильев увидел не праздничность, не нарядность юга. Иная земля, иное небо, как ни странно, приблизили его к самому себе, помогли сосредоточиться на том, что пережил и полюбил на родине. Из Ялты он пишет Крамскому: «О болото! болото! Если бы Вы знали, как болезненно сжимается сердце от тяжкого предчувствия! Неужели не удастся мне опять дышать этим привольем, этой живительной силой просыпающегося над дымящейся водой утра? Ведь у меня возьмут все, все, если возьмут это. Ведь я, как художник, потеряю больше половины...»

В 1872 году Васильев пишет в Крыму «Мокрый луг». Для него это образ России, воссозданный издалека, преображенный художником. Восстановлено в первозданном. Никакой случайности, лишь раскрытие самого существа. Пространство развернуто в глубину: не мимолетное видение, нет, самостоятельность, предметность, обоснованность. В «Мокром луге» современников поразила, как сказал Крамской, невозможная, варварская для художника задача. Эти деревья «несомненно мокрые»! Влажность, влажность! «И потом счастливый какой-то фантастический свет, совершенно особенный, и в то же время такой натуральный». И, наконец, это изображение движущейся по лугу тени от тучи...

Он был болен. Вечная нужда в деньгах. Ложное положение «незаконнорожденного». Но была и дружба, восхищение товарищей, верящих в его редкий талант. И еще эта мука мученическая, без которой нет творчества.

«Ни одна черта, ни один тон, ни одна комбинация не похожи на то, что я хочу выразить; все так далеко от идеала моего», «...каждую картину я пишу не красками, а пóтом и кровью». Начатая картина всегда так много обещает, но какая неудовлетворенность остается после окончания! Как мучительно видеть недостатки в своих работах! «Мой рай, но и мой ад заключаются в природе, в моей любви к искусству».

Далекие вершины манят, зовут его к себе: «Нет, я никогда не в состоянии буду видеть верно своих картин, т. е. всегда буду хуже видеть настолько, насколько выше и выше будет подниматься мой идеал». Эта постоянная неудовлетворенность собой изматывает, как болезнь. Не потому ли в его пейзажах раскрывается человеческая душа, страдающая, вобравшая в себя чужие страдания, беды,— душа подлинного таланта.

Великие художники, писатели, музыканты помогают нам лучше узнать себя. Всем знакомо благодарное чувство узнавания собственных мыслей, ощущений, о которых напоминают нам гении. Они приближают нас к самим себе — в этом сила искусства.

Когда мы смотрим на картины молодого, так рано умершего художника Федора Васильева, мы узнаем то, что видели когда-то своими глазами. Может быть, в детстве, может, чуть позднее, но был такой счастливый миг, навсегда вошедший в нашу память.

Мы вспоминаем предгрозовую, настороженную тишину: все замерло в ожидании первого удара грома. И свинцовая туча низко нависла, как губка, впитав в себя свет, поглотив все дневные яркие краски. Но вдруг будто полоснули по ней ножом — и прорвался свет — слепящий, яркий. Только мгновение длится это единство сумрака и света. И вот уже все небо мрачно. Скорее, скорее домой... Мы вспоминаем это и додумываем дальше свою жизнь, когда глядим на картину «Перед дождем» девятнадцатилетнего Федора Васильева.

Бейрут. Открытие симпозиума редакторов литературно-художественных журналов Азии и Африки.

Анатолий СОФРОНОВ

БЕЙРУТСКИ

Вот и снова Бейрут. Года три не был я в столице Ливана, а сейчас вместе с узбекским писателем Лазизом Каюмовым и редакторами литературно-художественных журналов Индии, Афганистана, Шри Ланка, Японии и Филиппин подлетаем мы к многострадальному бейрутскому аэропорту, сколько раз за последние годы подвергавшемуся агрессивным действиям израильской авиации.

Под нами свинцово-серые волны Средиземного моря. Бурые скалы над берегом. Время здесь по календарю считается зимним. Впрочем, так оно и есть, если не считать яркого, словно весной в Сочи, теплого солнца.

Здесь, в Бейруте, должен состояться впервые в истории созываемый симпозиум редакторов литературно-художественных журналов Азии и Африки.

Как он пройдет? Найдем ли мы общие точки зрения? Или мелкие разногласия помешают этому? Известно нам только одно, что симпозиум этот, созываемый по инициативе дружественного нам Союза писателей Ливана, был внесен в план работы Ассоциации писателей стран Азии и Африки в январе 1974 года в Каире, а затем детально разработан на заседании Постоянного бюро Ассоциации в Москве в июне прошлого года. Остальное все оставалось за деятельными ливанскими писателями, внесшими в последние годы ценный вклад в успешную работу Ассоциации. Через широкие окна таможни мы замечаем прилетевшего из Дамаска секретаря правления Союза писателей Казахстана Ануара Алимжанова и перелетевшего в Бейрут из Каира редактора журнала «Дружба народов» Сергея Баруздина. Звездный слет нашей делегации для встречи в Бейруте завершился. В отель «Красивый берег» мы едем вместе с председателем Союза писателей Ливана Сухейлем Идрисом.

— Как книжка моих рассказов в библиотеке «Огонька»?— спрашивает он, садясь за руль.

— Сдана в набор... Ермаков недавно закончил переводы ваших рассказов.

Идрис делает характерное движение головой, оно должно означать, что он удовлетворен ответом.

— Много ли приехало участников симпозиума?

— Из двадцати стран... Думаю, что будет немного больше. Будет представлено журналов тридцать,— говорит Идрис, выезжая на широкое асфальтовое шоссе, лежащее вблизи берега моря.— Мы все здесь находимся под большим впечатлением визита Ясира Арафата в Москву. В арабских странах то, как его приняли в Советском Союзе, вызвало горячий отклик.

* * *

Это бывает всегда очень удобно, когда какие-либо деловые встречи происходят в тех отелях, где ты живешь. Все друг друга видят, могут обменяться мнениями. Так было и на этот раз. К вечеру в отель прибыл премьер-министр Рашид Сольх, председатель Прогрессивной социалистической партии Ливана Камаль Джумблат и другие общественные деятели Ливана. Сухейль Идрис предоставил слово премьер-министру.

— Правительство нашей страны придает большое значение этой встрече,— сказал Рашид Сольх.— Литература всегда сближала народы. Культура одного народа всегда обращена не только к своему народу, но и к другим. Таким образом, происходит обогащение всего человечества. Литература и культура несут ему мир. Желаю успеха и согласия в вашей работе.

Мы с удовольствием слушали выступления Сухейля Идриса и главы нашей Ассоциации Юсефа эс-Сибаи, также призывавших к согласию в работе симпозиума.

Что же, это и есть задача нашей Ассоциации, возрожденной после некоторых трудностей именно здесь, в Бейруте, на III конференции весной 67-го года. Дорога создания единства — нелегкая дорога. Но основные задачи Ассоциации: силами и средствами литературы бороться с империализмом, колониализмом, расизмом и сионизмом — объединяли и сплачивали все эти годы писательскую организацию и помогали стать ей единой, пренебрегающей ради больших и благородных целей расхождениями по мелким вопросам. Да и когда и где литература, писатели, все те, кто причастен к творчеству, обходятся без дискуссий и острых споров? Литература и искусство — не для равнодушных.

ЯЗЫК ЕДИНСТВА И СОГЛАСИЯ

Каждый раз, когда сейчас собираются литераторы Азии и Африки, невольно возникают в памяти все наши встречи. 1956 год — Первая конференция писателей Азии в Дели. Еще только — Азии. Африка тогда была почти закрытым континентом. Помнится, был тогда в Дели один ливанский писатель в качестве наблюдателя. От него впервые в жизни я услышал печальные песни пустыни... Потом после тройственной агрессии встреча в Каире с президентом Египта Гамаль Абдель Насером. И слова, сказанные Насером, в ответ на просьбу нашей миссии доброй воли, возглавляемой покойным уже членом индийского парламента Анупом Сингхом, разрешить проведение первой конференции солидарности в Каире. «Каир в вашем распоряжении»,— сказал нам тогда в конце трехчасовой беседы Гамаль Абдель Насер. И тогда же помнится еще дымящийся Порт-Саид... И простреленные каски на могилах его защитников...

1958 год. Столица Узбекистана Ташкент. Первая конференция писателей теперь уже стран Азии и Африки. Исток писательского единства писателей двух великих континентов. И снова Каир. И еще одна встреча в президентском дворце с Гамаль Абдель Насером. И весенний Бейрут. 1967 год. Не забудется Бейрут. Нет, не забудется. Не забудется и IV конференция в Дели осенью 1970 года. Растет организация. Тесны старые рамки. Писательская молодежь Азии и Африки заявляет о себе в полный голос. И Индира Ганди, вручающая впервые присужденные премии «Лотос» писателям Азии и Африки. Ее спокойная, мудрая речь, в которой она отдает великую дань писательскому слову.

И еще один большой рубеж. Пятая конференция в Алма-Ате. Потрясенные от встречи и внимания писатели почти из всех стран Азии и Африки. Выставка произведений афро-азиатских писателей, выпущенных в Советском Союзе за годы работы Ассоциации. Открытие конференции, на которой прозвучали сердечные слова приветствия Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Леонида Ильича Брежнева: «Дух дружбы и взаимопонимания, живого и плодотворного общения постоянно сопутствовал писательским конференциям стран Азии и Африки. Пусть этот дух восторжествует и на алма-атинской конференции. Пусть она войдет в историю писательского движения афро-азиатских стран как важная веха в упрочении братского содружества деятелей культуры, чье призвание — отстаивать мир, оберегать и развивать достижения цивилизации для своих современников, для грядущих поколений!»

И еще Ереван. Поэтический симпозиум. Первая «отраслевая», жанровая встреча поэтов двух континентов. Когда-то нам пророчили раскол. И справа и слева. От империалистов до маоистов. Впрочем, кто их сейчас разберет? Все выдержало по кирпичику собираемое здание единства писательского движения Азии и Африки. Нелегкий труд, но труд благородный. Приближается двадцатилетие создания Ассоциации. Может, пора бы уже писательским пером (не только пером диссертантов) начать создавать историю единства писателей?!

Итак, первая встреча редакторов литературно-художественных журналов.

Что они, «владетели», «хозяева» печатного слова, скажут?

Длинный стол, на котором, как гроздья цветов, флажки стран, представленных на симпозиуме.

Что же они говорят?

Шамран эль-Ясири (Ирак):

— Сейчас боевая роль наших журналов усиливается. Они сплачивают читающих, внушают им прогрессивные идеи. Имея в виду, что идейная борьба усиливается, ответственность журналов повышается. Мы обязаны крепить связи между журналами и читателями. Ни газеты, ни журналы не могут быть оторваны от народа. Мы обязаны бороться против изоляционизма и раскольников. Следует чутко слушать интеллигенцию в наших странах и держать постоянные связи с писателями. Журналы, стоящие в стороне от интересов народа, не следует издавать.

Гунасена Витана (Шри Ланка):

— Журналы должны иметь постоянные и определенные ориентиры в борьбе против империализма. Усилия наших журналов должны быть направлены на социальные вопросы. У нас должна быть программа подъема культурного уровня народа. Любыми доступными способами мы должны знакомить народы с прогрессивной литературой. В этом отношении мы должны пользоваться большим опытом советской литературы: это поможет нам в борьбе с влиянием литературы американского империализма.

Амаду Диак (Сенегал):

— Есть попытки изоляции одних литератур от других. Это опасно. Мы должны всячески содействовать развитию литератур «третьего мира», чтобы они не оказались под воздействием шовинистической литературы в изоляции.

Хусейн Мурувве (Ливан):

— Совещание войдет в историю. Мы и дальше должны продолжать эту традицию и тщательно готовиться к таким встречам.

Крис Ванджала (Кения):

— Народам, обретшим недавно независимость, еще бывает трудно создавать свою литературу. Наши большие писатели часто печатаются в других странах. Только потом попадают к себе. Надо передавать опыт создания литературно-художественных журналов.

Адали Морти (Гана):

— Я очень рад, что могу участвовать в этой встрече. Рад видеть советских писателей. Мы знаем, что в Советском Союзе любят литературу, театры, искусство. Мы рады встретиться с писателями такой страны, как Монголия. Это все обогащает нас и наш опыт. У нас одна из самых тяжелых проблем — неграмотность. В Гане всего двадцать пять — тридцать процентов умеют читать. Колониализм сделал все, чтобы мы встретили свободу неграмотными. Но мы начали выпускать первые литературные журналы. В частности, «Черный Орфей». Он выходит один-два раза в год. К сожалению, у нас вышла из строя типография. Мы думаем, что сможем печатать наш журнал в Японии...

Ахмед Ибрагим эль-Факих (Ливия):

— Я представляю и еженедельный и ежемесячный журналы. После анализа могу сказать, что еженедельник пользуется бо́льшим влиянием. У себя в Ливии мы несколько отстали от других арабских стран в издательском деле. Уровень грамотности у нас невысок. Таким образом, перед нами стояли задачи поиска и читателей и авторов. Мы начали скромную деятельность по организации писателей. Начали издавать ежемесячный журнал в двадцать четыре страницы. Печатали в нем политические материалы. Публицистику. Рассказы и стихи. Почувствовали интерес к журналу и перевели его на еженедельный выпуск. Сразу повысился тираж. Так мы победили.

Мохамед Садек Рухи (Афганистан):

— Литература и политика неразделимы. Это видно из истории любой литературы. Сейчас, когда мы представляем свободные государства, мы не должны вмешиваться во внутренние дела других стран. Все проблемы мы должны обсуждать, уважая законы наших стран.

Дипендра Бандоподхайя (Индия):

— Примите любовь и уважение Индии. Я являюсь главным редактором журнала «Паричай», издающегося в Калькутте. Великий Рабиндранат Тагор был организатором этого журнала. Окреп журнал под влиянием Октябрьской революции. Его знают во всем мире. Хочу сказать, что создание СССР и победа социализма в России — это самое главное событие двадцатого века и в Азии и во всем мире. Мы освобождены от колониализма. Что может быть в мире важнее этого события? Советская литература оказывает благотворное влияние на нашу литературу. Опыт советских литератур — школа для всех многоязычных народов. Нам пытаются мешать правые и левые экстремисты, которым не нравится, что в одной из самых больших стран в Азии демократизм все больше укрепляется. Но всем экстремистам мы обязаны противопоставить наш коллективный опыт.

Яшар Наби Найир (Турция):

— Последний раз на подобном симпозиуме я был в шестьдесят третьем году. Он проходил в рамках европейских журналов. На том симпозиуме мы дискутировали только о вкусах. Нам, конечно, было что рассказать и тогда. Когда-то, при Ататюрке, у нас был ренессанс в литературе. Тогда были открыты окна, и можно было дышать и видеть новые горизонты. Потом в этом отношении наступили длинные паузы. Они не способствовали повышению грамотности. Да и сейчас у нас только десятая часть населения может читать. И все же необходимость издания журналов очевидна. Все журналы выходили в свет на средства тех, кто их издавал. Эти журналы можно назвать подвижниками. Конечно, журналы получали какие-то пожертвования от университета, от школ. Но что они имели сами? Я сам пережил драму основателя и редактора журнала. Теперь у нас можно работать. Можно издавать журналы. Каждый из нас, руководя журналом, участвует в формировании сознания и вкуса читателей. Участвует в объединении литературного и разговорного языков. По этому поводу я получаю письма от читателей. Конечно, мы хотели бы больших связей со школами. Но бесплатно высылать журнал мы не можем. Студенты тоже не имеют возможности покупать наши журналы. Журналы должны получать дотации от правительства.

Аида Идрис (Ливан):

— Из-за того, что правительство не помогает журналам, процветают журналы, издающиеся частными лицами. Для того, чтобы журналы распространялись, издатели идут на любые ухищрения. В этом случае не приходится говорить о содержании. То, что можно на Западе — искусство ради искусства,— заполняет и ливанские журналы. Эти журналы развращают молодежь. Конечно, есть у нас и независимые и партийные журналы. Но их судьба нелегка. Они встречают ограничения при продаже за рубежом. Но наши свободные журналы борются за свободу и независимость. В том числе и за свободу писателей. Мы ведем длительную борьбу, отражаем империалистический натиск врагов арабского мира. И в это же самое время враги арабского мира пытаются покупать некоторые наши журналы. А поскольку издание журнала — это всегда большие материальные затраты, то не всегда наши журналы выдерживают конкуренцию. Для борьбы с этими явлениями я бы предложила создание постоянного совета редакторов журналов.

Леонидас Бенеса (Филиппины):

— На основе нашей новой конституции президент Маркос объявил

о свободе издания разных политических и литературных журналов. Наши писатели играют значительную роль в их создании. К счастью, правительство реально помогает нашим журналам. И мы, писатели, чувствуем, что для нас наступила новая жизнь, и мы активно в ней участвуем. Мы стремимся укреплять солидарность с другими странами и писательскими организациями. Скоро в Маниле состоится творческий симпозиум, на котором будут обсуждены вопросы состояния афро-азиатской литературы для детей и юношества. Союз писателей с нетерпением ждет к себе гостей из стран Азии и Африки...

...Это короткие, схематично записанные мысли участников Бейрутского симпозиума. Но и по ним можно убедиться, какой различный конгломерат мнений и взглядов изложили афро-азиатские редакторы.

С большим вниманием были выслушаны выступления Ануара Алимжанова о становлении казахской литературы, Лазиза Каюмова о современной узбекской литературе, Сергея Баруздина об опыте такого уникального журнала, каким является журнал «Дружба народов», завоевавший в последние годы большое уважение советских читателей. Интересным было сообщение нашего друга монгольского писателя Д. Тарвы, рассказавшего о современной монгольской литературе. Шла оживленная дискуссия, в которой принимали участие и другие участники симпозиума. Я не случайно представил последнее в своей записи выступление Леонидаса Бенеса, ибо действительно впереди предстояла встреча в Маниле. О единстве мнений и чувств можно судить и по Декларации, единодушно принятой участниками симпозиума. В Декларации, в частности, говорится:

«...Участники пришли к заключению, что литературные и общественно-политические журналы могут являться ценным и эффективным оружием в борьбе против тирании империализма, колониализма, цепляющегося за последние опорные пункты, и неоколониализма, который потерпел крах, пытаясь проникнуть в нашу литературу и культуру, против расовой дискриминации, сионистского влияния, эксплуатации и ущерба материальным и духовным ценностям.

Участники подтвердили свою твердую решимость продолжать почетную борьбу с помощью литературных произведений и литературных и общественно-политических журналов.

Они подчеркнули, что литературные и общественно-политические журналы являются общественным революционным достижением и высокой трибуной, которую необходимо использовать в целях служения людям, мобилизации их творческих возможностей и удовлетворения их культурных и духовных потребностей.

...Принимая вышеизложенное за отправную точку, участники симпозиума подтверждают свою решимость с помощью журналов и художественных произведений разоблачать и неустанно бороться с искусственностью империалистической культуры, ее изоляционистскими, пессимистическими и нигилистическими тенденциями. Они готовы вложить все свои силы творцов и новаторов, свой оптимизм, свою решимость разделить с народом его трудности и надежды, защитить его и объединить усилия в борьбе за социальный прогресс, за упрочение веры в огромную духовную созидательную энергию человека, его способность служить неисчерпаемым источником сил в борьбе за будущее, истоки которого заложены уже в настоящем со всеми его трудностями, за будущее справедливости, свободы, достоинства и мира».

В ГОСТЯХ У МИХАИЛА НУАЙМЕ

17 октября прошлого года ливанскому писателю Михаилу Нуайме исполнилось 85 лет. В 1973 году ему была присуждена премия «Лотос».

Во время одного из перерывов работы симпозиума мы отправились к нему домой для вручения премии.

Уже не было и в помине солнечной бейрутской погоды. Два дня гремели грозы. По бейрутским улицам мчались потоки воды. Газеты сообщали, что температура понизилась до +3 (прилетели мы при +20). Завтракая по утрам в ресторане, возле широких окон мы чувствовали себя словно рыбы в аквариуме. При такой погоде кажется, что ты не едешь в машине, а плывешь на амфибии.

Я познакомился с Михаилом Нуайме в один из предыдущих приездов в Ливан. Интересна у него биография. Давно, еще в начале века, он провел четыре с половиной года на Украине. Учился в христианской семинарии. Отлично знает русский язык. Когда-то писал на русском языке стихи. Не один раз бывал в Советском Союзе. Однажды представлял ливанских писателей на праздновании юбилея Шота Руставели в Тбилиси.

— Я слушал выступление Михаила Нуайме в МГУ,— сказал в машине наш молодой переводчик арабист Игорь Ермаков.

В просторной комнате многоэтажного дома нас ожидал Михаил Нуайме. Никак и подумать было нельзя, что он уже перешагнул рубеж 85 лет. Перед нами стоял человек с молодыми, живыми глазами.

— Закуривайте,— предложил он на выбор сигареты.— Как, успешно идет симпозиум?

— Лучше, чем мы предполагали,— ответил Юсеф эс-Сибаи.

— Что нового в египетской литературе?

— Много различных направлений. Большая разница стилей.

— Это хорошо.

— Хорошо,— согласился Сибаи,— идет борьба поколений.

— И как же вы справляетесь с этой борьбой? — хитро улыбаясь, спросил Нуайме.

— Пытаемся их сблизить.

— И удается?

— Старые писатели не всегда признают молодых,— вмешался в разговор Сухейль Идрис.— Чувствуется разница между традиционной поэзией и современной. Это я говорю, как редактор журнала.

— Дело не только в традиционности. Некоторые пытаются и в традиционном стиле выразить современность,— не согласился с Идрисом Сибаи.

— Думаю, что, когда литература дает возможность для спора,— это хорошо,— заметил Нуайме.

— Это правда, но мы, старшее поколение, чувствуем ответственность за молодежь,— сказал Сибаи.— К сожалению, некоторые из них, получив образование, не получили знания жизни и чувства слова. Лично я бы хотел сохранить и свою молодость и мудрость Таха Хуссейна.

Нуайме покачал головой и не торопясь ответил:

— К сожалению, жизнь не всегда подвластна нашим желаниям. Поэтому ее приходится принимать такой, какая она есть. В конце концов то, что не годится, исчезает, уходит в сторону. Один любит одно блюдо, другой его не любит и говорит: «Я его есть не буду». Ну и на здоровье. Не хочешь — не ешь. Сейчас не разберешь, кто ходит в брюках — юноши или девушки, все длинноволосые... А бедуину, умывающемуся в пустыне песком, все равно, кто в чем ходит. Если ты уверен в своей жизни, в деле своем, твердо стоишь на земле,— не бойся, делай свое дело.

— Не хочется, чтобы были лишние жертвы.

— У писателя есть перо. Из него можно сделать ракету. Все дело в том, что писатель должен творить добро. Ну, хорошо, что еще интересного в Ассоциации?

— За шестнадцать лет сделано много. Большую роль играют переводы. На русский язык переведены многие книги афро-азиатских писателей. На другие языки... Впереди встреча на Филиппинах. Симпозиум по драматургии в Дамаске.

— А еще дальше? — улыбнулся Нуайме.

— Потом шестая конференция в Кении.

— А я вот запомню этот симпозиум тем, что у меня побывали в гостях Сибаи и Сухейль Идрис... А также Софронов, которого я попрошу передать сердечный привет моему старому другу Николаю Тихонову.

Сибаи поднялся:

— Разрешите вам, дорогой наш старший друг, вручить премию «Лотос».

— Спасибо,— на этот раз взволнованно сказал Михаил Нуайме.— Кто придумал эту премию?

Сибаи улыбнулся:

— Мы и советские друзья.

— «Лотос»... Прекрасное название для писательской премии,— сказал Михаил Нуайме, пожимая на прощание руки.

НА ЮГЕ ЛИВАНА

Много раз бывал я на юге Ливана. Как-то всегда, когда вспоминаешь об этой красивой и благодатной земле, то, кроме гор, припоминаешь дорогу от Бейрута до Сайды и дальше к Тиру и другим селениям, расположенным вдоль границы Ливана. Вспоминаешь долины с вечнозеленой растительностью, цитрусовыми деревьями. Небольшие лавочки вдоль дороги, где навалом лежат апельсины и мандарины, помидоры и капуста, орехи и миндаль. И на этот раз ливанские писатели предложили нам отправиться в экскурсию. Сначала речь шла о том, чтобы побывать в Сайде, Набатии и Тире... А потом Тир вдруг отпал. Уже позже Сухейль Идрис сказал, что нам не разрешили проезд в Тир, чтоб не подвергать опасности: здесь ливанская территория постоянно обстреливается израильской артиллерией.

Так и катили мы двумя машинами к Сайде по знакомой дороге. Нашу машину вел поэт Фуад. Рядом с ним сидела его жена, тоже поэтесса. И всю дорогу мы вели разговор о советской и ливанской поэзии и о том, как было бы хорошо сделать книгу советских поэтов в Бейруте, а у нас к тому, что раньше выходило в Москве, прибавить новые стихи ливанских поэтов. Но разговор о поэзии прекратился, как только мы подъехали к лагерю палестинских беженцев, расположенному возле большого дома, разрушенного израильской авиацией.

Что такое лагерь палестинских беженцев? Хибары из досок, ржавого железа, старых мешков. И много детей. Очень много детей. Они мгновенно окружили нас.

— В этом доме жили двести двадцать семей. Это было полгода назад... В июне,— сказал человек в выцветшем синем комбинезоне, с черными горячими глазами.— В одиннадцать утра прилетели израильские самолеты. Ракета «воздух — земля». Несколько десятков человек убитыми... Много раненых.

— Как ваше имя?

Человек покачал головой.

— Какая вам разница? Я палестинец.

Мы молча стояли у разрушенного дома, прислушиваясь к свисту ветра и глухим ударам арматуры по серым, обваливающимся стенам.

Нас повезли в другой квартал. Там раньше были небольшие строения.

— Перед сессией Генеральной Ассамблеи ООН, на которой должен был выступать Арафат, Израиль целую неделю бомбардировал этот район ракетами. Здесь помещалась контора поселка палестинских беженцев.

...И на выезде из Сайды еще несколько разбитых израильскими ракетами домов.

И снова дорога. Дорога без машин. Только изредка встречались ливанские патрули — солдаты в защитных комбинезонах, с автоматами на груди. В стороне от Набатии на широком взгорье стояла сельскохозяйственная школа. Около ста студентов обучаются здесь агрономии. Некоторые молодые преподаватели говорят на русском языке. Они учились в Москве. Мы слышали слова: «почвенный анализ», «шелковичный червь», «ботаника», «птицеводство», «кооперативная практика»... Слышали слова. Видели улыбки, а из памяти все не уходили разбитые дома. Все это мы видели. На своей земле. Во время войны.

И снова крутая дорога в сумерках, при кроваво садящемся за холмами солнце. Небольшой городок Набатия. Мертвая зона. И снова палестинец:

— На месте этой воронки был дом. Попала ракета. Погибла вся семья. Девять человек... А там еще... Еще...

Накрапывал дождь. Померкло солнце. Пора было возвращаться в Бейрут. Где-то уже на выезде из Набатии нас остановил патруль. Подсветил номер машины, а затем, узнав, кто мы такие, рукой дал знак — езжайте.

СООБЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ АГЕНТСТВ

Все они появились уже после нашего отъезда из Бейрута.

«Обстрел палестинских учреждений

Бейрут, 10 декабря. Сегодня утром в разных районах ливанской столицы почти одновременно раздались взрывы.

Нападению подверглись помещения представительства Организации освобождения Палестины (ООП) в Бейруте, Центр палестинских исследований, расположенный в густонаселенном центральном районе, и квартира одного из сотрудников организации «Фатх». Окна в трех этажах дома, который занимает представительство ООП, выбиты, металлические жалюзи на окнах разорваны, в стенах зияют крупные пробоины. Потолки и стены во всех комнатах усыпаны осколками, взрывной волной вырваны радиаторы отопления.

Как рассказали представители ООП, по этому помещению было выпущено около 8 ракет из стоявших на противоположной стороне улицы двух «Фиатов». Пассажиров в автомашинах не было, и ракеты, очевидно, были выпущены с находившихся в машинах пусковых устройств либо с помощью часовых механизмов, либо посредством дистанционного управления.

...Точно таким же образом было обстреляно здание Центра палестинских исследований — научного учреждения по изучению истории палестинского народа и палестинской проблемы в целом. Пока еще нет данных о возможных жертвах в центре.

Предварительное расследование полиции показало, что автомашины, которые использовали преступники, были арендованы после предъявления иностранных паспортов в автопрокатных компаниях. Расследование продолжается.

В связи с этой бандитской акцией палестинские учреждения в Бейруте находятся под усиленной охраной. Палестинские командос приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Провокации продолжаются

Бейрут, 11 декабря. Израильская военщина продолжает вооруженные провокации против Ливана. По сообщению печати, вчера израильская артиллерия вновь обстреляла южноливанские населенные пункты Блида, Рашайя аль-Фуххар, аль-Хрейбе, Хальта и Духейра, расположенные в непосредственной близости от ливано-израильской границы. В результате обстрела нанесен значительный ущерб сельскохозяйственным плантациям.

В этот же день израильская военная авиация неоднократно нарушала воздушное пространство Ливана.

Израильский воздушный налет

Бейрут, 12 декабря. В 16 часов по местному времени 4 израильских «Фантома» совершили бомбардировочный налет на палестинский лагерь, расположенный в Бейруте, неподалеку от центральной части города. Этот лагерь сливается с одним из крупнейших и густонаселенных лагерей палестинских беженцев — Шатила.

Израильские самолеты вынырнули из низко нависших туч и сбросили около десяти бомб. Со всех концов города был виден столб черного дыма, поднимающийся из района лагерей. Три бомбы не взорвались и были обезврежены.

Зенитная артиллерия открыла огонь по развернувшимся над горами и вновь заходившим на город «Фантомам» и заставила их уйти в сторону моря. Раздались сирены воздушной тревоги.

Очевидцы налета сообщили, что один израильский самолет получил повреждения в результате зенитного огня. Бейрутское радио также сообщило, что неподалеку от побережья в море был отмечен взрыв, напоминающий взрыв сбитого самолета.

С 17 часов бейрутский международный аэропорт вновь открыт.

Провокация Израиля

Бейрут, 14 декабря. Израильская военщина усиливает варварские бомбардировки южноливанских населенных пунктов, проводимые тяжелой артиллерией. Во время вчерашнего обстрела г. Набатия, например, использовались орудия калибром 175 мм. В результате разрушено более 100 домов, 10 человек ранены, главным образом дети. Городу нанесен большой материальный ущерб. На месте обстрела побывали наблюдатели Организации Объединенных Наций, которые направили доклад о разрушениях и жертвах в штаб-квартиру ООН.

Артобстрелу подверглись вчера также деревни Тири, Вади Слуки, Айта, Аш-Шааб, Марвахин, Вади Сальхани и Тейр-Арафа в районе г. Бинт-Джбейль.

Израильская военная авиация систематически вторгалась в воздушное пространство Южного Ливана в течение последних четырех дней в районе городов Тир и Сайда».

И еще и еще сообщения почти каждый день.

«Выступая перед журналистами по окончании совещания руководства Прогрессивной социалистической партии Ливана, Камаль Джумблат заявил, что «лучше было бы, если бы американский посол остался в Вашингтоне и если бы Ливан покинули те 400 американских сотрудников, которые превратили посольство США в Ливане в центр шпионской деятельности против Ливана и других арабских стран в пользу Израиля».

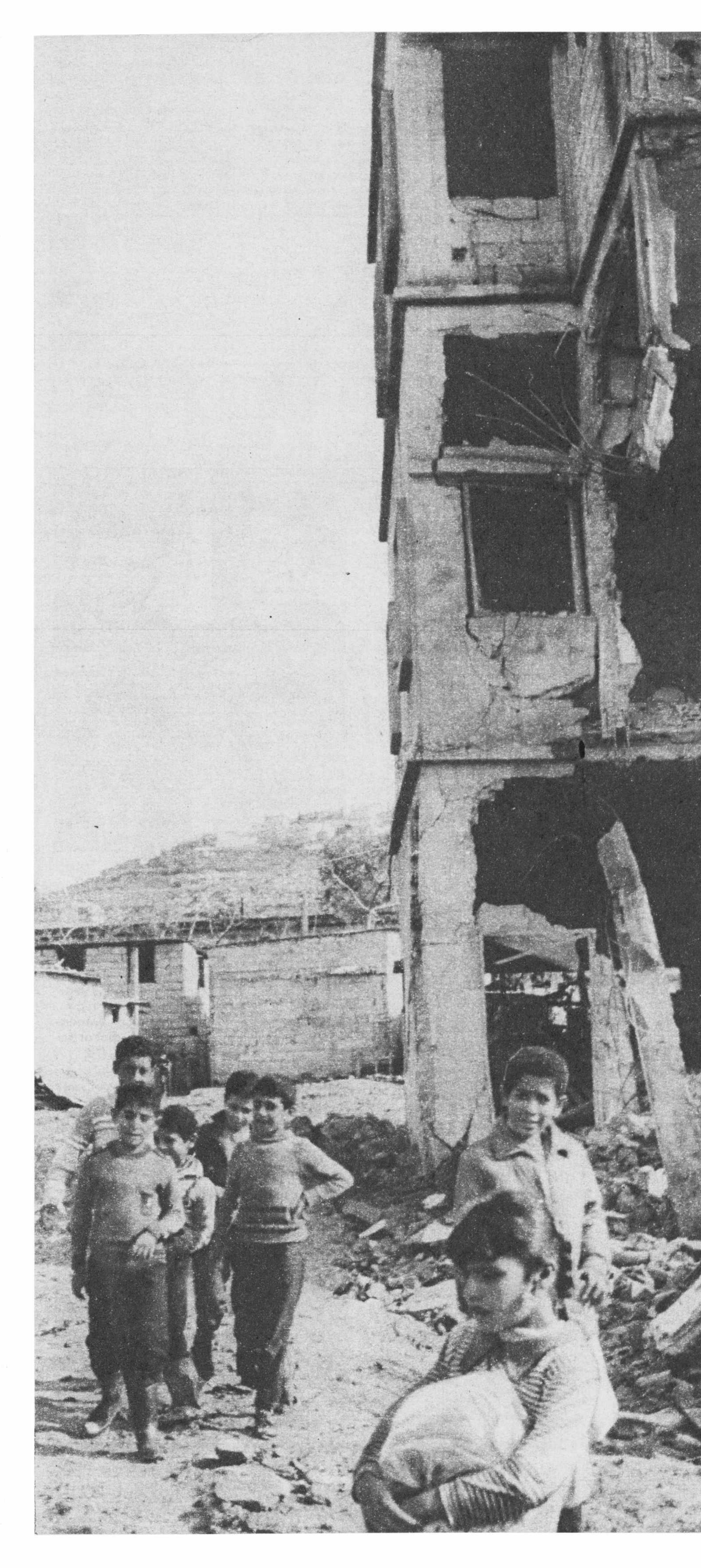
Что еще можно прибавить к этому?!

* * *

Тихой ночью мы улетали из Бейрута. Всего несколько дней и ночей были мы под ливанским небом и на тревожной в эти дни земле Ливана. Многое, наверно, уйдет из памяти: слова дискуссий и писательские споры, какие-то недомолвки и случайные встречи. Но одна встреча останется в памяти навсегда. Вечер, проведенный в школе для палестинских детей, родители которых погибли во время израильской агрессии. Расположена она в пригороде Бейрута Сук Эль-Гарб. Здесь не было ни свиста пуль, ни осколков, ни разрушенных зданий. Здесь были только дети палестинцев, в построенном для них ливанцами здании, которые приветствовали гостей и пели песни надежды о возвращении на родные земли Палестины. «Мы боремся за мир и за наше счастье,— говорили слова песни,— и в этой борьбе рождаются новые поколения».

Бейрут — Москва.

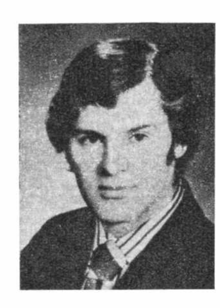
Декабрь 74 г.— январь 75 г.

Сайда. Следы израильских бомбардировок.

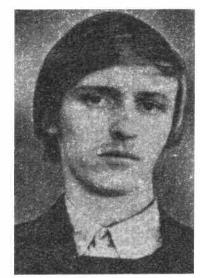
ПОЗДРАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ ФОТОКОНКУРСА «ОГОНЕК-74»

Редакционная коллегия журнала «Огонек» подвела итоги фотоконкурса «Огонек»-74» и присудила участникам следующие премии:

ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ:
Г. Волкову, Ю. Ищенко, В. Чин-Мо-Цаю и А. Шумкову (Норильск) — за цветной репортаж «Тундра стала меньше» (№ 52, 1974 г.).

ВТОРЫЕ ПРЕМИИ:
Н. Данилову (Москва) — за серию «Фотографирует токарь Данилов» (№ 2, 1975 г.);
И. Гаврилову (Москва) — за серию фотографий «Этюды» (№ 7, 1975 г.).

ТРЕТЬИ ПРЕМИИ:
В. Кардашевскому (Камчатка) — за цветную фотографию «У таежной пихты...» (№ 8, 1974 г.);
А. Кулешову (Москва) — за фотографию «Русская красавица» (№ 8, 1974 г.);
В. Матвееву (Москва) — за цветную фотографию «Осень золотая» (№ 45, 1974 г.).

Эти фотографии мы воспроизводим на страницах журнала. Редколлегия «Огонька» благодарит всех участников фотоконкурса и сообщает, что решено продлить конкурс фотолюбителей и профессионалов на 1975 год.

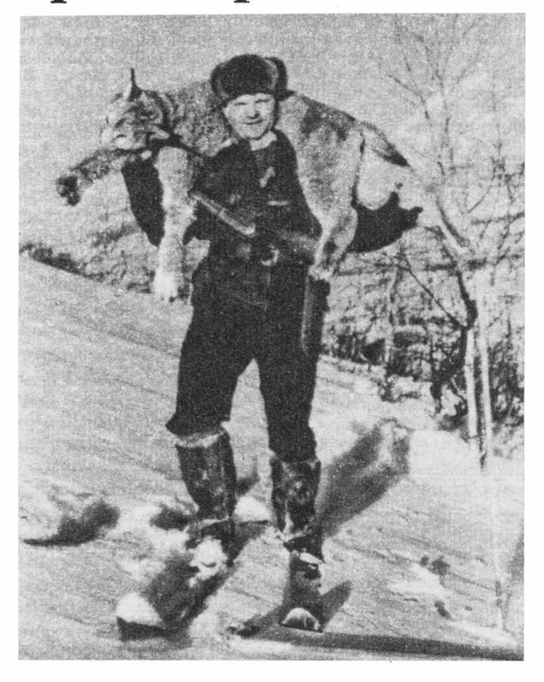
Первая премия

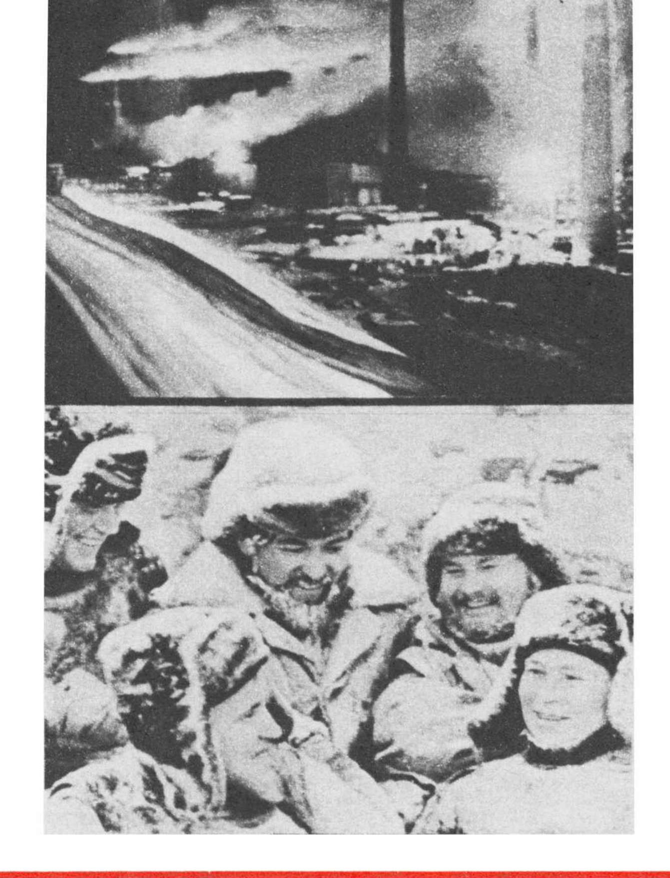
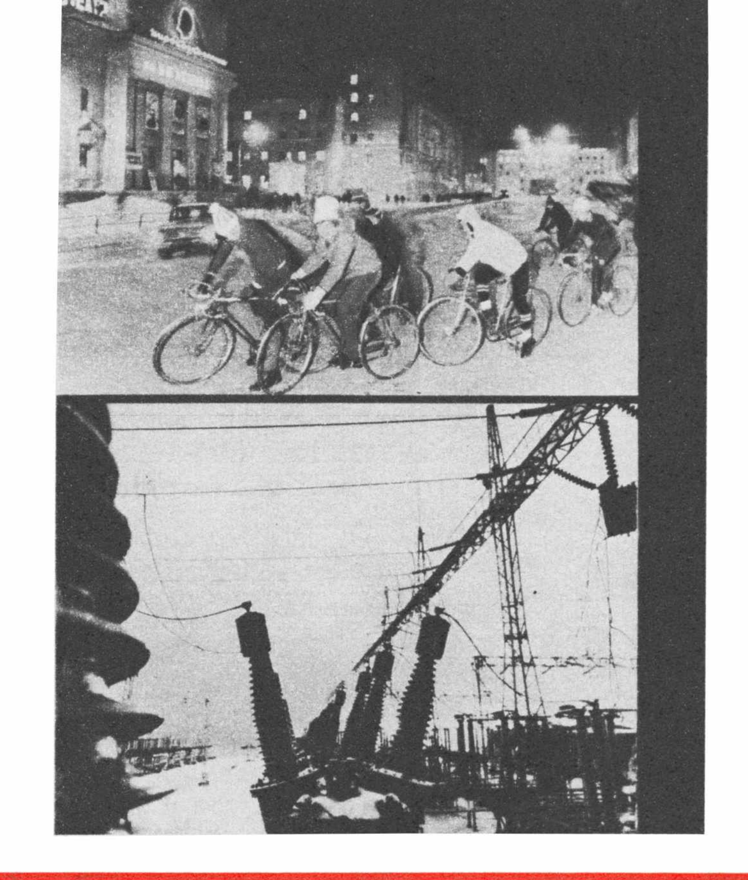

Вторые премии

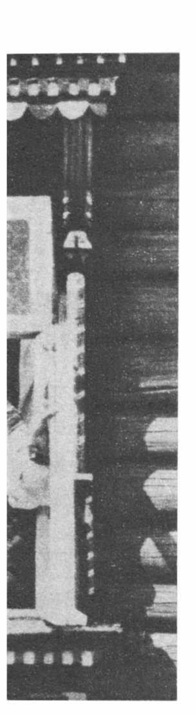
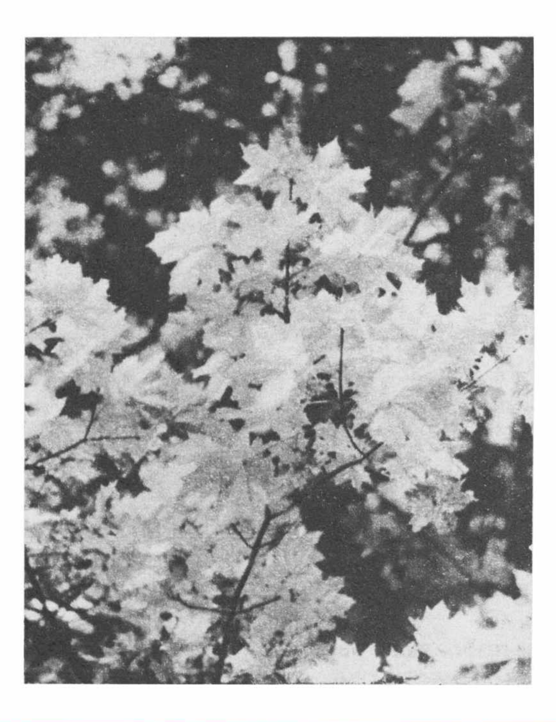

Третьи премии

Мы хотим, чтобы участники конкурса в своих черных и цветных фотографиях рассказали о событиях этого года, завершающего девятую пятилетку. Присылайте фотографии, раскрывающие облик советского человека, показывающего его борьбу за выполнение пятилетки.

В этом году наша страна отмечает 30-летие Победы в Великой Отечественной войне. Мы просим участников фотоконкурса «Огонек»-75» присылать фотографии и на эту тему.

Для победителей конкурса устанавливаются следующие премии:
одна первая — 500 рублей,
две вторых — по 250 рублей,
три третьих — по 150 рублей.

Фотографии цветные и черно-белые можно присылать любого размера, но не меньше 18×24 сантиметра. К присылаемым фотографиям необходимо дать название, фактическую подпись, дату съемки, указать свою фамилию, имя, отчество и свой адрес.

На конвертах пометьте: «Фотоконкурс».

Фотографии не рецензируются и не возвращаются.

И ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ПОТОМКОВ

какая она сегодня, сибирь?

«...А за Уралом — Зауралье, а там своя, иная даль». Своя, иная даль! Это сказано поэтом, и сказано о Сибири. У нее своя судьба, свои герои. Гигантская строительная площадка, она, как никогда прежде, привлекает ныне внимание советского народа.

Сибирь в пору борьбы советского народа за выполнение заданий завершающего года пятилетки, сибиряки в пору огромного напряжения сил — герои репортажа, который наши специальные корреспонденты ведут с огромной территории сибирской земли.

Итак, какая она сегодня, Сибирь!

**М. ЛАВРЕНТЬЕВ,
академик,
председатель Президиума
Сибирского отделения
АН СССР,
Герой
Социалистического Труда**

Я заметил, что почти каждая статья о Сибири начинается с перечисления ее богатств — нефти, алмазов, угля, железных и медных руд, золота, древесины, водной энергии, редких металлов, пушнины. Все это так. Но самое удивительное то, что каждый год приносит все новые данные, красноречиво говорящие: наши представления о богатствах Сибири быстро устаревают. Давно ли мы удивлялись грандиозным планам, поставленным перед страной XXIV съездом КПСС, а теперь уже можно уверенно сказать, что они выполняются успешно. Какие же новые высоты наметит предстоящий, XXV съезд нашей партии? Какое место в этих планах займет Сибирь? Ведь в нашей стране, пожалуй, нет республики, края, области, которые бы в той или иной мере не вносили свой вклад в освоение природных богатств восточных районов Советского Союза,— проектами, оборудованием, кадрами, как нет, видимо, такого уголка, где бы не ощущалось дыхание экономической мощи Сибири.

Когда под Новосибирском закладывались фундаменты первых институтов Академгородка, большую сибирскую нефть и газ еще не открыли. А сейчас Сибирь уже вышла на первое место в стране по добыче нефти, причем наши ученые предсказывают, что не меньшие ее запасы будут найдены в Восточной Сибири. На земле нет океана нефти и газа, равного сибирскому. Океан этот найден совместными усилиями ученых и практиков, и перед ними же ставится вопрос: как разумнее и проще выкачать его из недр?

Наше время поставило передовую науку в самый центр решения важных государственных вопросов. Никогда еще ученые не чувствовали такой прямой ответственности за судьбы народного хозяйства страны. Сегодня мы, советские ученые, понимаем, что народнохозяйственные задачи настолько переплелись с задачами науки, что нет науки без промышленности и нет области промышленности, строительства, планирования, которая могла бы обойтись без достижений передовой науки. За последние годы я побывал на Крайнем Севере, в Якутии, на берегах Ледовитого океана, в Приморье и на Камчатке. Сибирь и Дальний Восток превратились в невиданную по масштабам строительную площадку: в необжитых местах сооружаются промышленные комплексы, растут новые города, промыслы, рудники, шахты, гидростанции, железные дороги, мосты. Идет планомерное, целенаправленное наступление на северо-восток СССР. Причем это наступление находится в русле единого, составленного на основе научных данных, комплексного плана развития всей огромной Советской страны. Это одно из значительных преимуществ нашей социалистической системы по сравнению с капиталистической. В капиталистическом мире природные ценности рассматриваются только с одной точки зрения: за какой кратчайший срок можно извлечь из них максимальный доход. Следствием такого потребительского подхода было во многих случаях попросту варварское уничтожение природы. Это уроки всему человечеству. Поэтому сейчас, когда мы со всей мощью техники, со всеми своими грандиозными планами двинулись в Сибирь, об этих уроках забывать нельзя. И в комплексных планах освоения Сибири и Дальнего Востока правительством предусмотрено не только использование богатств природы, но также и создание новых заповедных зон по охране природных ресурсов, меры по охране жемчужины не только Сибири, но и всего мира — озера Байкал. В разработке этих мер наши ученые принимают самое непосредственное участие.

Северо-восток ставит перед наукой много специфических проблем — научных и научно-организационных, причем в их решении нельзя использовать опыт районов юга и средней полосы СССР. Назову, к примеру, чисто технический вопрос, на котором необходимо сконцентрировать силы: техника и транспорт в северном исполнении. Металл, резина при сильных морозах становятся хрупкими, как стекло. Сейчас борьба с этим злом сводится, как правило, к запрещениям работать при низких температурах. Ученые вместе с инженерами, проектировщиками должны разработать наконец удобное, теплое, экономичное жилье, качество которого на Севере пока неудовлетворительно. Необходимо решить ряд задач по усовершенствованию технологии добычи полезных ископаемых, прокладке трубопроводов, строительству железных дорог в условиях вечной мерзлоты. А проблема борьбы с гнусом, отравляющим на Севере существование человека в летний период?..

За последние годы сделаны важные открытия в физике, геологии, математике, химии, биологии и в других

●

Дорога через топи, через снега — к самотлорской нефти.

Он неожиданно красив, Центральный товарный парк, он так изменил унылый пейзаж лесотундры.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Виктор Васильевич Китаев — старожил Самотлора, буровой мастер одной из самых знаменитых бригад.

...И до Москвы рукой подать!

Над заснеженной землей песня пролетала: «Море Губкина под нами, самотлорские огни!..»

ТЛО

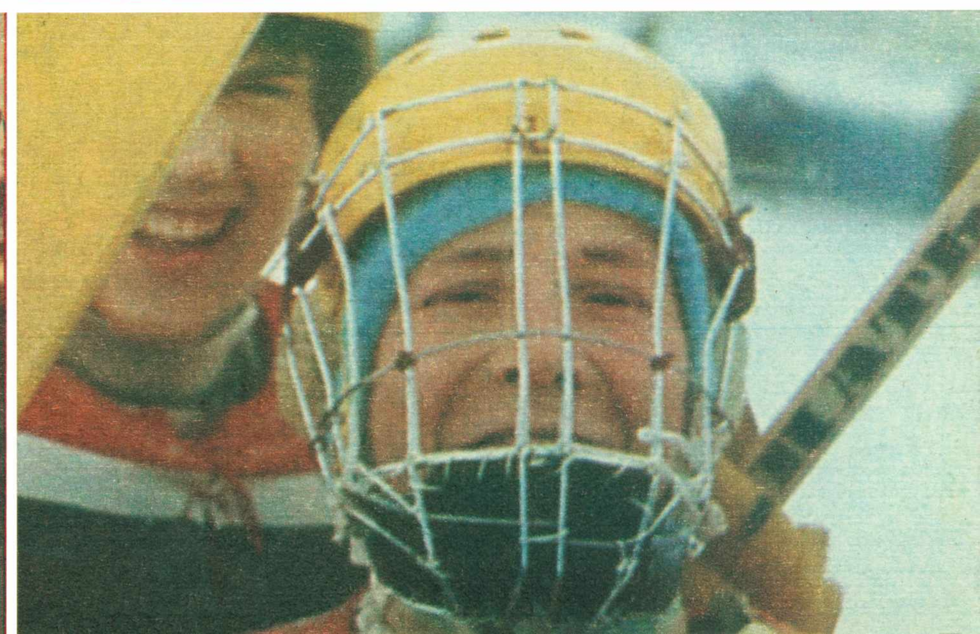

наукax. По ряду главных направлений сибирская наука уверенно выходит на передовые рубежи мирового фронта исследований. Ведущиеся работы отмечены Ленинскими и Государственными премиями. Опыт показал: фундаментальные исследования, являющиеся прямой обязанностью академических институтов, стимулируют единение науки и практики.

Один из самых мощных инструментов исследований — от изучения космоса до познания микромира — спектральный анализ вещества. Сотрудники Вычислительного центра и Института органической химии СО АН СССР создали на базе ЭВМ информационную систему «Спектр». Она позволяет, в частности, установить, какому веществу соответствует предъявляемый машине спектр. К этой справочной библиотеке спектров постоянно обращаются многие научные учреждения и промышленные предприятия страны.

Сибирские ученые разработали оригинальный метод сварки взрывом, с помощью которого могут быть получены различные композиции металлов, обладающие антикоррозийностью, жаростойкостью и другими уникальными свойствами при большой дешевизне и простоте технологии.

Биохимические и генетические исследования на молекулярном и клеточном уровне помогли найти, в частности, высокоэффективные средства для борьбы с такими заболеваниями, как клещевой энцефалит, тяжелые вирусные поражения глаз,— против этих болезней не было достаточно эффективных лекарств.

Повторяю, уже сегодня сибирскими учеными сделано немало, сотни научных разработок внедрены в производство, но нам предстоит сделать куда больше и притом в самых разных направлениях. До сих пор много сокровищ Сибири спрятано под такими замками, ключи к которым может подобрать только вся мощь современной науки и техники. И все эти работы надо, разумеется, вести так, чтобы богатств сибирского края хватило и внукам и правнукам нашим и поколениям грядущим. Мы, советские ученые, приложим все силы, чтобы добиться новых крупных успехов на благо нашего Отечества. В мире, еще полном неразгаданных тайн, человек благодаря прогрессу науки почувствовал, что ему по плечу решение любых, самых дерзких задач. Что может быть прекрасней этого ощущения? Не сомневаюсь, что наука в будущем еще более укрепится в той ведущей роли, какую она играет сейчас в жизни человека, что она поднимется на новые высоты.

●

В Директивах XXIV съезда КПСС записано:

— Создать в Западной Сибири крупнейшую в стране базу нефтяной промышленности; довести в 1975 году добычу нефти не менее чем до 120—125 млн. тонн...

ЗАДАНИЕ ПАРТИИ ВЫПОЛНЕНО НА ГОД РАНЬШЕ СРОКА. И в 1975 году вместо 120—125 миллионов тонн нефти сибиряки добудут не менее 147 МИЛЛИОНОВ ТОНН ЧЕРНОГО ЗОЛОТА.

МОРЕ ГУБКИНА

Николай БЫКОВ, фото И. ТУНКЕЛЯ, специальные корреспонденты «Огонька».

НАЧАЛЬНИК КАЗАКОВ

Мчится по заснеженной пойме Ваха стальной гусеничный вездеход ГАЗ-71. Ревут моторы, снег клубами взрывается. За рычагами молодой бородач. Вспотел, шапку сбросил. Вездеход вылетел на крутой берег и ринулся в узкую просеку. Трещат под гусеницами кусты, машина прыжками одолевает частые пни. Вцепился в скобу, держусь, смотрю в окошко, как в амбразуру. Ни дать ни взять танковая атака! Лихо, но жутко. Весело, но и напряженно чего-то ожидаешь. Впереди грянул взрыв.

— Они!— крикнул бородач и сбросил скорость.— Мои ребята.

Я посмотрел еще и еще раз на водителя. Молод, а ведь уже восьмой год «воюет» — то в тундре за Тарко-Сале, то на Тазе, то вот здесь, рядом с легендарным Самотлором. Нет еще и тридцати Владимиру Павловичу Казакову, а давно уже ходит в начальниках сейсмологической партии. Сейсмологи! Последние рыцари бездорожья. Первопроходцы. Сейсморазведочная станция, взрывчатка, магнитограммы для ЭВМ. И — прямая! Которую надо пройти. Нигде, ни при каких обстоятельствах не сворачивая. Так делаются сейсмические карты. Пройти прямую, мурлыкая, между прочим, «гладко было на бумаге»...

Владимир Казаков в люке вездехода — достаточно сильное впечатление от новой поездки по стране Мегионии, по контуру нефтяного разлива, скрытого в толщах мезозойского чехла. Такие, как Владимир Казаков,— это уже второе поколение заселяющих Мегионию. Взрывными волнами, турбобурами, шаровками добираются ребята до черных горизонтов Сибири. Пока молоды, пока ревут двигатели и не слетели гусеницы, их ничто не остановит.

— Энергетический кризис? — хитровато переспросил Владимир.— А что это такое?..

Расхохотался парень в заиндевелую бороду и выжал сцепление. И мы снова помчались — через ломкий лед топей, через замшелую тайгу лесотундры. Через белую стужу. По снегам, по бездорожью. По болотам болотоходом!

Под нами было море Губкина. Под — потому что гудит оно где-то в районе отметок 2 000 метров — 2 200 метров — 2 400 метров...

ДО И ПОСЛЕ САМОТЛОРА

Сначала было... Нет, не слово, сначала было болото. Ржавые безбрежные топи. Реки, сотни озер, последнее перед тундрой редколесье — это все как бы не в счет. Потому что среднее Приобье — страна болот. Затем было все же слово, слово Ивана Михайловича Губкина, его гипотеза: за Уралом, под зыбкой болотиной Западной Сибири, может быть, должно быть море. Нефтяное море!

Мало кто помнил о гипотезе Губкина, высказанной в первой четверти столетия. Но геологи-энтузиасты помнили. И хотя лет через тридцать, кажется, в сентябре 1953 года, нефть дала знать о себе сибирским первооткрывателям, еще годы и годы спустя горели-разгорались жаркие споры на тему, верить ли научному завещанию Губкина, какая разница между гипотезой и прогнозом, наконец, разумно ли строить государственные планы на песке, то бишь на болоте? Геологи разделились на оптимистов и пессимистов. И чем больше партий выходило «в поле», тем больше оптимистов перебегало в стан пессимистов. Неудача за неудачей — это ведь тоже аргументы в пользу тех, кто сомневался в существовании подземного моря Губкина. И все-таки геологи ныне легендарного Эрвье из Тюменского управления нефтеразведки снова и снова улетали, уплывали на ржавые берега средней Оби. На берега ее притоков — Меги, Ваха, Сухого Баграса. Звучал в глухомани пароль «Губкин» и отзыв на него — «Нефть». Вскоре — это произошло уже после 1957 года — геологов-оптимистов поддержали строго математические расчеты академика, Героя Социалистического Труда А. А. Трофимука: запасы сибирской нефти в 30 раз больше тех, что когда-то были обещаны геологами-оптимистами. О, с какой страстью окунулись в новые споры противоборствующие стороны! Будто шпаги, скрестились «про» и «контра»... И доводы маловеров поначалу одолевали. Однако работники Института геологии и геофизики тогда только что рожденного Сибирского отделения Академии наук СССР были вооружены новейшим методом оценки нефтегазоносности. Его назвали объемно-генетическим. Теперь стратегия поисков опиралась не только на смелую гипотезу, но и на прочную научную основу. На теорию.

Черные фонтаны Шаима, Уренгоя, Самотлора салютовали в честь нефтеразведчиков. В честь И. М. Губкина. В честь А. А. Трофимука, научившего единомышленников видеть сквозь землю. В честь неистового тюменского кладоискателя

Резервуары с нефтью.

Днем и ночью машина за машиной идут к Самотлору.

В этом передвижном доме строителей нефтепровода есть электрокухня, гостиная, спальня, душ, холодная и горячая вода.

Вот столько же и новых месторождений нефти в одном только Нижневартовском районе, Тюменской области.

Новый город нефтяников Нижневартовск.

Женя Парфенюк из нижневартовской школы № 4 выводит «великолепную пятерку» в ледовое сражение.

Ю. Г. Эрвье и его гонцов — первооткрывателей Ф. К. Салманова и В. А. Абазарова, ныне тоже лауреатов Ленинской премии.

...Бродит в водах Балтики траулер «Самотлор». Сказка? Еще бы! Десяти лет не прошло с тех пор, как я старательно, разборчиво записал впервые: «Скважина Р-1 на озере Самотлор». И все боялся, что не запомню названия неведомого озера. Теперь кто же не знает в стране — да что в стране, в мире! — это уникальное месторождение сибирской нефти. А скоро предстоит выучить «Мыхпай», «Ваньёган», «Варьёган»... Трудные названия? Ничего, придется запомнить эти новые месторождения нефти.

...Я спрашивал у нефтедобытчиков, живущих в городе Нижневартовске, почему нет песни о новом городе, об озере Самотлоре, о море Губкина. Оказалось, что поэты и композиторы на все просьбы отвечают: «Очень уж неблагозвучны слова «Самотлор» и «Нижневартовск». Не поются!..»

А по-моему, удивительно песенно звучит — Самотлор! Разве не так?

СВАДЬБЫ НА Р-1

Бортпроводник самолета, летевшего рейсом № 259 Москва — Нижневартовск, зачитал по радио справку: «Под крылом нашего воздушного лайнера Тюменская область. Она занимает территорию, равную нескольким сибирским областям вместе с Алтайским краем. И еще останется кусочек в три тысячи квадратных километров! Это земля героев, земля первооткрывателей сибирской нефти. В области живут и работают шестьдесят восемь Героев Социалистического Труда и двадцать шесть лауреатов Ленинской премии, десятки лауреатов Государственной премии и сотни орденоносцев».

Бортпроводник поделился сведениями о запасах сибирской нефти и газа, сказал, что торфа здесь хватит лет на двести пятьдесят, что через двенадцать лет после открытия нефти на земле хантов бригада бурового мастера Григория Ивановича Норкина из Мегионской экспедиции нефтеразведки пробурила скважину на Самотлоре. Перевернулась новая страница в истории Сибири!

Помню, помню тот майский день 1965 года на берегу Самотлора. Яростно гудело пламя на скважине Р-1; тяжелый, довольно фотогеничный шлейф дыма стлался над пораздвинутой тайгой, над болотинами, взявшими огромное озеро в плен. Огонь, и дым, и грохот рвущегося ввысь воздушного потока!.. Вахты менялись через сутки. Людей, инструмент из Мегиона доставлял вертолет. Он садился на толстенные бревна, сколоченные и увязанные тросами в сравнительно устойчивый плот. Этот зыбкий квадрат и служил посадочной площадкой. Дальше к балка́м надо было пробираться по мхам и кочкам, по тем же бревнам. Несколько балков на Р-1: тут и спали, тут и столовались, и рация тут же для связи с тогдашним начальником Владимиром Алексеевичем Абазаровым.

Гнуса в мае еще не было. Зато какая богатейшая рыбалка! Теперь рассказываю — не верят. А щук до кухни на коромысле едва дотаскивали... И бесконечные разговоры. Разговоры и самые невероятные мечтания: как ее, нефть, практически взять. Места гиблые. Безлюдье. А ведь ее надо и собирать и транспортировать! И куда? Трубу класть? Но как ее класть, трубу? По этим болотам? Через сотни рек и озер и вновь по болотам? Через таежные буреломы... Непонятно. А все равно мечтали, помню...

«Снятся людям иногда голубые города»... Я стою на том же самом месте — на берегу Самотлора. Никакой тайги. Никакого под ногами болота. Справа — белое безмолвие знаменитого озера. Слева — ослепительные под солнцем резервуары с нефтью. Чуть дальше КНС-2, раскрашенная во все цвета радуги. Гордый лозунг: «Покорим тебя...» На месте исторической Р-1 теперь серебряная батарея со штурвалами — обустроенная промысловая скважина — торчит из-под снега. А рядом — обелиск. Высоченный обелиск, и доска с золотыми буквами. На ней изложена вся история открытия самотлорской нефти. Даты. Фамилии героев. Названия служб: Мегионская экспедиция, буровые управления, транспортные конторы, строительные тресты... Золото вечных букв: разведчики, геологи, сейсмологи, буровики, вышкомонтажники, строители, автомобилисты. Имена самых первых — навечно!

Сюда — и это уже стало красивой традицией — каждую субботу подкатывают свадебные кортежи: «Волги», «Жигули», «Уазики». Лопаются на ледяном ветру разноцветные шары, молодые люди хлопают пробками «шампани», хохочут подружки в осненженных тулупчиках. Свадьбы, свадьбы!.. Великое чувство к тем, самым первым, привело сюда нынешних, из второго поколения обживающих эти места. Именно сюда, где полыхало, гудело, рвалось над лесотундрой пламя первой скважины! Очень справедливое чувство.

Была неустойчивая, пляшущая гать. А теперь бетонная дорога. Она проложена сюда из Нижневартовска, нового города нефтяников на Оби. По бетонке, не вертолетом приезжают ныне буровики на работу. Каждый день, в теплых автобусах. Бетонка обегает озеро, так что до любой буровой можно проехать. От города до озера минут сорок езды. А бригада первых вышкомонтажников добиралась до озера сорок... дней. Сорок минут и сорок дней! Тут шутники даже частушку сложили:

Я по ягоду летела,
Сто болотин подо мной!
А душа тихонько пела:
— Вертолетчик молодой!
Ой, вертолетчик, вертолетчик,
Не боюсь ни ям, ни кочек...

Рассказывают, что еще совсем недавно в тогдашнем поселке Новый Нижневартовск дорогу праздничной колонне в Первомай пробивал... тяжелый гусеничный вездеход. Такое разливанное море бывало по весне на улицах! И еще рассказывают горожане: на работу ходили, как на танцы,— туфли в газетку и под мышку. А сами в болотных сапогах.

И вот 1975 год. Шереметьевский аэропорт на болоте (по имени Юрия Григорьевича Шереметьева — начальника уважаемого СУ-909, осуществившего мечту о настоящем аэропорте). Бетонные дороги того же Шереметьева. И город! Поистине сибирское десятилетие. И пять своих Героев Социалистического Труда. Тут особая семейная гордость всех нижневартовцев.

ЕЩЕ РАЗ О КАЗАКОВЕ

Он чертом выскочил из тайги на самотлорскую бетонку. Осыпан снегом, на бороде сосульки, из-под пушистой шапки пар. А сидел он на каком-то коньке цвета жухлого апельсина. Остановили, чтобы понять, что к чему, узнать, кто он, этот совсем еще молодой бородач.

Оседлал парень, оказывается, мотосани «Буран». Аппарат вроде мотороллера, только на гусеницах и на лыжах одновременно. Точнее, лыжа одна, впереди, как бы направляющая бег этого конька-горбунка. Гусениц сзади две — хваткие, широкие, из резины. А почему «сани»? Ни одного признака саней, но так уж назвали это средство передвижения по снежному раздолью.

— Значит, из партии сейсмологов? И кем же вы там?

— Начальник, Казаков, Владимир Павлович. Приезжайте. Тридцать первый километр и сразу направо, а там рукой подать. Мы сейчас на пойме Ваха...

В первое же воскресенье — в гости к Казакову! Нашли быстро. Тайга, белая лента Ваха, вагончики, мастерские. Словом, типичная картина базы. Из проиндевевшей столовой на полозьях пробивается простуженная песня на мотивчик довольно безразличный, дорожный:

Здесь не Клондайк, не Оклахома,
Здесь не игра и не набег.
На Самотлоре мы, как дома!
Мы всюду дома, мы всюду гомо,
А гомо значит человек...

В балке́ Казаковых никого из взрослых не оказалось. В кроватке спали полугодовалый Дмитрий и Тигр, котофеич огромных размеров. По всей видимости, сам хозяин сибирских лесов.

Пятилетняя Таня серьезно проинформировала:

— Начальника нет. Папа повез аккумулятор Васе Никулину, он где-то засел на вездеходе...

Казаков сам из Новосибирска. Точнее, из пригорода с плохой славой. Шпаны там было много, а в люди трудно выходили. Отец — железнодорожник, Володя был пятым. Год его рождения — год Великой Победы, 1945-й. Рос в трудное время, и его не миновала чаша, из которой пригубили пацаны послевоенного лихолетья. Но Казаков, светлая голова, вырвался из тесного круга дружков, державших в страхе приобский поселочек. Он любил учиться. А это великое дело! Он уехал учиться и вскоре стал разведчиком нефти. В двадцать два года уже был назначен в Надыме начальником объединенной партии (а это более трехсот человек, публика разношерстная и аховая).

Сейсмологи делают сейсмокарты, оконтуривают месторождения. Дело и само по себе трудное. А тут еще полярная тундра. А тут еще старая техника и ноль жилья. А тут еще калымщики всех марок, бывает, что и пьяни тьма тьмущая. Трудно было начинать Казакову, очень трудно. Однако парень волевой. С ним или контачить или воевать. Но охотников воевать было все меньше и меньше...

— А сюда, на Самотлор, давно мечтали попасть,— рассказывал вечером Владимир Павлович. Его рассказ о житье-бытье на колесах внимательно слушали и жена Светлана с Димкой на руках, и Таня, серьезная не по годам, и добрейший великан Тигр.

— В поле поздно вышли, только в декабре. Тут болото на болоте, температура в недрах высокая, никак не промерзают. А летом — ни ногой. Только зимой работаем. Схватит морозом — и в поле. И все равно за сезон каждый трактор раз десять проваливается. Вчера домой в полночь вернулся — трактор на Вахе ухнул. Собрал технику, дали фары. У нас свое изобретение есть, поэтому всегда сами вытаскиваем технику. А другие так и оставляют. Тут, знаете, сколько железных мастодонтов потонуло!.. Не тащить надо, так никакой трос не выдержит. А надо поднимать, имея точку опоры. Архимед, он умница был!..

План у нас — километров тридцать прострелить за месяц. План посильный, да ведь тайга, тут свои сроки. То горючки нет, то нет взрывчатки, то технику из болот тащим. В Надыме хоть земля твердая под ногами была...

Таня обрадовалась: «Ох, не легкая это работа, из болота тащить бегемота». А Тигр когти вдруг выпустил и уши поднял.

— У нас дело деликатное. Сейсмографы чуткие, им даже дятел мешает. И вообще взрывные работы таят опасности. А люди пришлые, разные. Однажды уехали километров за двадцать на вездеходе новом, на ГАЗ-71, а разгильдяй один запасные баки заправил соляркой. У нас вся техника, кроме именно этого вездехода, работает на дизельном топливе. Ну и пришлось назад всю ночь топать... Чуть кулаками не поучил водителя! Теперь чаще сам за рычагами...

ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ — БАКУ

В городе я видел карту, изданную четыре года назад: «Основные стройки пятилетки». На карте обозначен Сургут, даже есть непонятная пометка «Самотлорское». Не знаю, имелся ли в виду поселок, но такого здесь никогда не бывало. Так вот на карте тот нет Нижневартовска! Ни старого поселка на Оби, ни города. Еще одно доказательство, как нефть и ее добытчики, самая жизнь заставили на ходу менять и планы и представления планирующих организаций о местах, якобы неперспективных с точки зрения капитальных вложений. Прошли год-два, и на берегу Оби поднялись первые здания нового города. Ему-то и предстояло стать одной из строек пятилетки. А все она, нефть!

Заговорило, закипело белое безмолвие. По размерам капитальных вложений тюменцы занимают третье место в стране. А какова отдача? Только одно Самотлорское месторождение за нынешний год даст нефти в четыре с половиной раза больше, чем весь Азербайджан. В Нижневартовске так и говорят: «У нас один Кузоваткин через Баку тянет!» Роман Иванович Кузоваткин возглавляет НГДУ-1, то есть Самотлорское нефтегазодобывающее управление. А ведь есть в Нижневартовске еще и НГДУ-2 «Мегионнефть». Это главный застройщик нового города нефтяников. Так что к концу девятой пятилетки нижневартовцы должны дать нефти никак не меньше, чем вся Татария. Это сколько же получается, если за единицу измерения взять промыслы Баку?..

Полюс нефти... Он открыт в центре нашей державы. И это так кстати! Ибо не далее как в минувшем году мировой конгресс энергетиков в Детройте прямо поставил вопрос: по плечу ли человечеству энергетические проблемы, доста-

точно ли вообще на земле запасов ископаемого топлива, чтобы безбедно дотянуть до времен иных источников энергии? Как прожить эру двигателей внутреннего сгорания? Вот в какое время забили черные фонтаны Самотлора. Самотлора и его меньших братьев — новых месторождений в Западной Сибири. Только одна Мегионская экспедиция открыла девять месторождений за минувшие четыре года пятилетки. В Нижневартовском районе их уже девятнадцать. Созвездие.

Разумеется, век ядерного топлива не за горами. Но до него еще надо дожить. Доля угля в начале XX столетия в топливном балансе составляла более девяноста процентов. А сейчас, на пороге последней четверти века, нефть и газ дают более шестидесяти пяти процентов всей энергии, получаемой на планете. У нас в стране вполне достаточно нефти и газа для удовлетворения нужд в течение нескольких поколений. Советский Союз сейчас близок к добыче пятисот миллионов тонн сырой нефти в год. Рубеж вполне реальный, дело завтрашнего дня. 500 миллионов! И пятую часть будет перекачивать только один Нижневартовский район, Тюменской области. Каждая пятая тонна отсюда — от одного лишь залива моря Губкина. Дань того памятного мая 1965 года.

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

С Великопольским я познакомился года четыре назад. Он и тогда был уже секретарем райкома партии, охотно показывал «город», который был в основном только в его мечтах. И вот у трапа встречает новый Сергей Дмитриевич, теперь первый секретарь городского комитета партии в новом городе Нижневартовске.

Слово Сергею Дмитриевичу Великопольскому:

— Прежде чем говорить о настоящем и будущем нашего района, надо вспомнить одну дату из прошлого. 28 февраля 1969 года. В тот день бригада героя Самотлора Семена Ананьевича Повха дала на скважине № 200 первую промысловую нефть. Догадались, к чему клоню? Только шесть лет идет добыча, только шесть лет. Собственно, в прошлую пятилетку нас вообще не планировали. Ни по части нефти, ни по части строительства города... Но жизнь, как говорится, велела жить. Новоселы, переселенцы такой уж народ. Деятельный, живучий. Пошла нефть, стали прибывать нефтяники, бригады буровиков из Башкирии, Татарии, Азербайджана. Нужен был город. И вот он перед вами. А по-настоящему наш нефтерайон будет представлен только в плане следующей, десятой пятилетки. Пока же мы только начинали обживать район. Пока строили город больше за счет собственной инициативы, энтузиазма. Помогло большое внимание Министерства нефтяной промышленности и городов-побратимов. Здесь строят Иркутск, Омск, Тюмень, Пермь, Уфа. По тридцати многоэтажных домов за год — и это не имея железной дороги! Тут все привозное: панели, кирпич, кровля. Трудно? Еще как! Учтите, Нижневартовск — город на сваях! Слышите могучие удары — это забивают сваи под кинотеатр. Тысячи тысяч свай, тысячи тысяч кубометров грунта на отсыпку. И дома, и улицы, и все буровые — на сваях.

К нам хлынул поток переселенцев — с Кубани, Украины, из Татарии... Каждый год приезжают десять и более тысяч человек. В городе, который поначалу рассчитывали на сорок тысяч, уже сейчас более шестидесяти тысяч жителей. И снова пересматриваем планы...

Теперь о нефти. Из девятнадцати открытых месторождений нефть дают четыре. Пятнадцать как бы в резерве. Огромное богатство. Сильный козырь в спорах о судьбах сибирской экономики. Еще запишите: в конце пятилетия дадим сто миллионов тонн нефти. За год, конечно, за нынешний год.

Итоги девятой? Целый год впереди, но уже сейчас восемь коллективов в нашем районе выполнили свои пятилетние планы. И еще. Триста пятьдесят нижневартовцев выполнили личные пятилетние задания. Сейчас за год мы бурим больше миллиона метров скважин, ставим по четыреста вышек, кладем по пятьдесят километров бетонных дорог. Эти темпы будут расти и в следующие годы. Размах сибирский!

Теперь о сибиряках. У многих «сибирский стаж» исчисляется двумя-тремя, много пятью годами. Но характер и у башкир, и у кубанцев, и у татар, и у волжан сложился подлинно сибирский! Стойкий, напористый, целеустремленный и, конечно, веселый. Условия жизни и работы здесь архитрудные. Летом гнус, дышат гнилью болота. Зимой морозы, леденящие ветры. Были на буровых? Видели, как среди заиндевелого металла, в полумраке Приполярья работают новые сибиряки? В этом году особенно трудно. Обь стала недели на две раньше, а это значит, что сотни тысяч тонн грузов до Нижневартовска так и не дошли. Вмерзли в Обь. Сейчас налажен авиамост. К нам летают даже «Антеи»! Но по воздуху перебрасывается только самое необходимое, сами понимаете... Конечно, не всегда жители Нижневартовска будут зависеть от Оби, от летной погоды. Началось строительство железной дороги Сургут—Нижневартовск. У нас в конце концов должен быть и свой речной порт...

Вся страна знает имена замечательных мастеров, Героев Социалистического Труда А. Д. Шакшина, Я. С. Вагапова, коммунистов В. В. Китаева, В. Т. Громова, комсомольца Владимира Глебова. Бригады Геннадия Михайловича Левина и Григория Кузьмича Петрова первыми в стране пробурили за год более ста тысяч метров каждая. Бригада Геннадия Михайловича близка к тому, чтобы уже в нынешнем году завершить две пятилетки. Год за два, как на войне!.. Понимаете, техники у нас много, методы разбуривания и эксплуатации месторождений все время совершенствуются. Наука тут днюет и ночует. И если бы эту же нефть открыли лет на двадцать раньше, то ее бы, пожалуй, тогда не смогли взять! Возможности были не те. Но есть у нас еще серьезные проблемы, их надо решать. И на ходу и побыстрее...

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ФАКЕЛЫ!

Да, проблем еще много. Идет небывалого масштаба наступление на страну болот, миллионы лет таившую свои богатства. Но сибирскую землю, суровую и труднодоступную, обживать надо умеючи. Умеючи. Тут все впервые. Город на сваях впервые. Зимники и лежневки впервые. Монтаж металлоконструкций при минус сорока впервые. Впервые отыскиваются многие решения в, казалось бы, безвыходных положениях. Впервые здесь на буровых применили электродвигатели вместо дизелей, впервые освоили наклонное бурение и бурение кустами. А как лучше организовать труд бригады — иметь ли по семь вахт на двух буровых одновременно или оставить обычные четыре, как на «материке»? Это не досужая арифметика, но проблема, которая всерьез волнует и буровых мастеров, и их начальство, и технологов.

— Труд титанический!— повторял неулыбчивый Григорий Михайлович Кокуевицкий, заместитель начальника НГДУ «Мегионнефть».— Титанический труд... И главные герои — те, кого мы называем трассовиками. Кто прокладывает дороги, трубы, ставит вышки, живет в походных условиях. Пока город строили без своей промбазы, не имея строительной индустрии...

И Самотлор и все тюменское созвездие с готовностью отозвались на жажду, нетерпение людей, пришедших сюда за нефтью. Но теперь ясно, что распыление сил привело в общем-то к заметному отставанию в главном — в обустройстве уже открытых месторождений. И в строительстве города. Что важнее: кинотеатр, телестудия или добыча нефти и укрощение факелов попутного газа? Жизнь не отделяет одного от другого, от третьего и четвертого. Тут каждая промашка обходится государству в копеечку. А копеечка-то сибирских масштабов! Если иметь в виду хозяйское отношение к природным богатствам. Факелы горят... И они, вероятно, долго еще будут гореть. Красиво! Но убыточно. А когда случается остановка на перекачивающих станциях, то сжигают и нефть. Бывает еще, бывает...

МЕГИОН, ЛЮБОВЬ МОЯ

И в Мегионе, в достославном поселке нефтеразведчиков, живет и трудится уже второе поколение. Как было не познакомиться! Мчимся в Мегион на «Волге». Тридцать минут. Не верится. Еду и себе не верю...

...Все тот же крутой берег над Мегой, смирившейся до весны. Все та же символическая вышка буровой, все та же контора орденоносной экспедиции. А в кабинете В. А. Абазарова, ныне лауреата Ленинской премии, теперь Валентин Андреевич Гавриков. Встал, пригласил сесть поближе. Всем видом подчеркивает, что готов к разговору без эмоций, без лирических отступлений. У каждого времени свои герои. Валентин Андреевич заметил, что времена первооткрывателей, энтузиастов прошли. Есть теория, есть наука, есть опыт. Значит, к делу. И по возможности без лишних восклицаний. А я вспоминал мастера Норкина, как вахту отработали ночью, как карасей жарили...

— Дел у нас, у нефтеразведки, более чем достаточно,— говорил между тем Валентин Андреевич.— Месторождение «Русское» — это уже восемьсот километров от Самотлора. Восемьсот, но мы летаем и дальше. Левый берег Оби считался неперспективным. Кстати, как и правый когда-то... Однако сейсмологи показали — нефть есть и здесь, на левом берегу. Будем искать...

Валентин Андреевич так четко формулировал, он так основательно не сомневался в истинах, которые лет десять назад его предшественник вынужден был доказывать. В памяти возникла песенка, которую услышал, кажется, в мегионском клубе «Прометей»:

Мы геофизики,
Мы геолирики,
Мы первожители одной страны.
Тайги коррозия,
А в центре озеро,
Пейзаж доподлинной антилуны...

Мне кажется, что Гавриков из геолириков. Только в отличие от меня, грешного, он землю любит глубинно. Во всей ее геологической доподлинности! И любит ее и служит ей. И болит у него, внешне строгого, душа за все безобразия, которые творятся на земле и в недрах земных. Он наставительно сказал:

— Мало внимания уделяем технологии, собственно, тому, каким образом делать дело, как творить его более эффективно. Технология связана с экономикой. Всегда была связана, но сегодня, как никогда. Нарушение технологии — это антиэкономика. Не покорять, а познавать!..

Я так понял этого рационалиста Гаврикова: важно не изгадить геологию месторождения. Важно бережно вскрывать горизонты, не перемешать то, что отлежалось в недрах за многие миллионы лет. Поспешишь — людей насмешишь. Драматическая ситуация, если на тонну добытой нефти сгорают десятки кубометров попутного газа, если грубое нетерпение ведет к тому, что на глубине в две тысячи метров (под ногами) в нефтеносные слои врываются и газ, и вода, и, может быть, еще что-то. А ведь сейчас разворачивается фронт работ, по существу, для следующих поколений! Так что же им оставить? Гавриков любит формулировать четко, он, может, и поправил бы меня, но эмоции имеют право на проявление.

— Как Мегион далеко ушел от хантыйских чумов, так и мы, разведчики, улетаем все дальше... Надо, надо искать,— посмотрел глаза в глаза начальник Мегионской экспедиции.

Искать, но где?

Геологи отвечают: повсюду. Сибирь повсюду богата. Уже предсказаны нефтяные пласты даже под открытыми месторождениями. Значит, бурить еще глубже? Да, глубже. Нижний этаж недр Западной Сибири — палеозой — даст, в свою очередь, нефть более качественную. Ну и, конечно, идти на север, на Крайний Север. Там уже открыты месторождения «Русское», «Норкинское» (названное так в честь мастера Г. И. Норкина), «Повховское» (названное в память С. А. Повха, недавно трагически погибшего на весенней Оби). И будут новые месторождения, будут!

...Под крылом самолета, взявшего курс на Москву,— море Губкина. Я вижу его сквозь землю. А вы все же дайте песню самотлорцам, песенники! Впрочем, они и так поют:

Ой, болота, пропасти,
Ой, раскрутились лопасти!
Милый, я сказать хотела,
Не уйти мне от судьбы:
Я б с тобою полетела
На Варьёган по грибы.

Варьёган — это далеко. Это еще одно месторождение большой сибирской нефти. Так что «грибы» — маленькая девичья хитрость. Где грибы, там любовь и очаг. Там жизнь.

Михаил АЛПАТОВ,
доктор исторических наук

ИСТОКИ «ТИ

Прочитал четвертую часть «Цыгана» Анатолия Калинина. О многом эта повесть заставляет подумать. В числе прочих дум есть и такая, где далеко не всё додумано до конца. Речь идет о донцах «в масштабе всей казачьей проблемы», а узлом этой проблемы была гражданская война. Даже люди, считающие себя знатоками дела, в этом, казалось бы, ясном вопросе по сей день «всю историю переиначивают шерстью наверх». Одни, оценивая донцов в гражданскую войну, убеждены, что это «русская Вандея». Если и были красные казаки, то Вандея — правило, красные казаки — исключение. Другие в пику им полагают, что большинство донцов состояло из бедноты, а посему казаки дружно взялись за шашки и всю гражданскую войну защищали революцию. А Краснов и красновщина? Оказывается, за Красновым пошли лишь те, кого атаману удалось запугать или обмануть. Революция — правило, белогвардейцы — исключение.

Но дело-то обстоит гораздо сложнее. Чтобы разобраться в этом, надо внимательно перечитать В. И. Ленина. Он пристально следил за поведением донцов в русской революции, а тем более в годы гражданской войны. При этом надо брать непременно все, что говорил Владимир Ильич о донцах на протяжении всей революции и всей гражданской войны, а не вырывать отдельные цитаты и толковать их на свой манер. И еще одно. У нас есть книга удивительно правдивая, книга потрясающей художественной силы, рассказавшая языком литературы о донцах в лихую пору гражданской войны,— речь идет о «Тихом Доне». Если сопоставить историческую концепцию гражданской войны на Дону, развернутую в эпопее М. А. Шолохова, с концепцией В. И. Ленина, то они полностью совпадут.

Почему? Ведь Шолохов тогда не был знаком с ленинскими работами, в которых разбиралась позиция казачества. Но было другое... Гражданская война на Дону прошла у будущего писателя на глазах, он наблюдал ту самую историческую действительность, анализ которой дал Владимир Ильич. Являясь современником, а подчас и очевидцем этих событий, будущий автор «Тихого Дона» глубоко и всесторонне знал, «как дело было», знал вдоль и поперек участников народной драмы того сурового времени и изобразил это силой своего могучего таланта. Все повороты в судьбе Григория Мелехова обусловлены поворотами подлинных событий. Правильно понятая историческая действительность — не последняя причина убедительности и художественной силы шолоховских образов. Эта верность исторической правде неизбежно привела к естественному следствию: концепция «Тихого Дона» совпала с ленинской концепцией гражданской войны.

Вспомнить об этом вполне уместно: скоро мы будем отмечать 70-летие корифея советской литературы Михаила Александровича Шолохова.

* * *

История донского казачества — неотъемлемая часть общероссийских исторических процессов. Именно Россия оказалась тем гордиевым узлом противоречий мировой истории, который уже нельзя было развязать, его можно было только разрубить. И он был разрублен, и именно в России. За первую четверть XX века наш народ прошел через три войны и три революции. Ни одному народу не довелось выдержать такую нагрузку истории.

Это был мучительный, противоречивый, порой кровавый процесс. Все привычные представления крупнейших политиков во всех странах были опрокинуты, прогнозы опровергнуты, расчеты спутаны. В самой России потерпели крах все политические партии, рухнули все политические авторитеты. И только одна партия выдержала это суровое испытание — партия российских коммунистов, только один авторитет возрос — авторитет В. И. Ленина. История пошла «по Ленину». И если XVI век был «нидерландским» веком, если век XVII был «английским», а XVIII и XIX были «французскими», то век XX стал «русским» веком, потому что ход его истории определился Великой Октябрьской социалистической революцией в России.

* * *

Донцы были непосредственными участниками бурных событий в стране. Характерной чертой социально-экономического развития России на рубеже XIX—XX веков — и на Дону тоже — был быстрый рост капитализма. Капитализм разрывал, казалось бы, прочный круг общинности, казачьего равенства и боевого братства; шло формирование основных классов капитализма. Казачьи традиции в известной мере тормозили этот процесс, но остановить его они не могли. В хуторах и станицах появлялся казак-капиталист и казак «без кола и двора». Оба они ходили в шароварах с лампасами, но принадлежали к разным и при том непримиримым социальным категориям, к разным классам.

Развитие капитализма повлекло за собой крупные перемены и в самих казачьих традициях, складывавшихся исторически. В отличие от других казачьих войск России (а их было более десятка), созданных самим царизмом и в интересах царизма, донское казачество, как и запорожское на Украине, создавалось не только без ведома русского самодержавия, но и вопреки ему, оно выросло как прямой протест против крепостничества и боярского произвола в феодальной России. На этой почве родилась традиция знаменитого казачьего свободолюбия. Традиция эта была многовековая. Если мы сейчас говорим о четырехсотлетней истории донского войска, то это носит слишком условный характер; счет ведется с 1570 года, когда Грозный призвал донские полки на Ливонскую войну. Но сам этот факт означает, что донское войско к этому времени уже существовало: что же касается времени его складывания, то его нужно отодвинуть вглубь на добрую сотню лет.

Донцы издавна гордились, что их степь была тем мятежным краем, куда тянулись все, кто не хотел мириться с угнетением, и где они находили надежную защиту, ибо «с Дону выдачи нет». Московский подьячий Григорий Котошихин рассказывает, что донцы состояли из людей, которые «пограбя бояр своих уходят на Дон» и «Доном от всяких бед освобождаются». Еще раньше голландец Исаак Масса, проживший немало лет в России, хорошо знал, что донцы — это «по большей части бежавшие от своих господ холопы», они «строго соблюдают между собою справедливость и добрый порядок, сами избирают себе начальников, коим беспрекословно повинуются и называют их атаманами...». В особенности донцы были горды тем, что именно из их краев вылетали такие «сизы орлы», как Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев.

С другой стороны, уже с ранних пор донское казачество стало использоваться самодержавием не только для охраны границ, но и для «внутренних нужд» государства. Отсюда начинает вырастать реакционная традиция «службицы царю белому», его защиты от «врага внутреннего». С тех пор история донского казачества есть история борьбы двух тенденций — тенденции казачьего свободолюбия и реакционной тенденции «тишины и порядка» в России.

Тенденции эти были не только политическими, но и социальными. Носителями идей казачьей свободы и равенства были широкие массы казачества, носителями идей русского самодержавия были казачьи верхи, хотя и они, к своей выгоде, не прочь были порой вспомнить, что Дон «у Москвы, как жить, не спрашивал». С развитием капитализма их борьба обострилась, классовые различия приобретают все более глубокий, необратимый характер. Начиная с рубежа первой русской революции бурная полоса русской истории еще более углубила и обострила расслоение донской деревни и в социальном и в политическом отношениях.

* * *

Сложнейшим участком этого трудного пути были годы гражданской войны. Когда спорят о донском казачестве в гражданскую войну, то речь, в сущности, идет не обо всем казачестве, а только об определенной его категории — о середняке. Что касается кулачества и бедноты, то тут, по сути дела, спорить не о чем. Кто станет сомневаться в том, что политическая программа кулачества — программа контрреволюции — соответствует социальному статуту этого класса? Кто будет брать под сомнение, что казачья беднота и батрачество выступают за Советскую власть потому, что их социальное положение — нечто противоположное положению кулачества? Другими словами, когда речь идет о кулачестве или бедноте, то в обоих случаях историк имеет дело с социальными группами, у которых весьма стабильная политическая линия поведения.

Правда, тут бывали свои сложности. Скажем, ушел богатей к белым и батрака увел. Что произошло? Произошло исключение из правила: представитель одного класса перешел на сторону другого. Бывали и обратные примеры. В годы «поднятой целины» работал я в станице Романовской. В слободе Мартыновке (тогда Мартыновка входила в Романовский район) еще до революции было немало хлеботорговцев. В гражданскую войну иногородние мартыновцы, окруженные казачьими хуторами и станицами, стали на сторону красных. И по сей день в тех местах вспоминают о знаменитой «Мартыновской обороне», когда летом 1918 года мартыновцы героически отбивались от белых, наседавших на их слободу. Прорвавшаяся из-под Царицына красная конница освободила их и увезла с собой вместе с семьями. Но в годы нэпа некоторые из мартыновцев снова стали заправскими кулаками. И когда пришла пора ликвидировать класс кулачества, в Романовском райкоме партии долго размышляли: что же делать с этими кулаками с краснопартизанскими книжками? Однако подобные «перелеты» ничего не меняют в расстановке классовых сил в стране. Они лишь показывают, что в живой жизни дело обстоит куда сложнее, чем положено по социологической схеме; они подтверждают, что нет правил без исключения, но исключения эти вовсе не отменяют правила.

Другое дело — середнячество, а это была основная масса донцов. Отдельные середняки бывали от начала до конца гражданской войны на какой-либо одной стороне — кто у Мамонтова, кто у Буденного, но это еще не решает вопроса о позиции середнячества как социальной категории. Положение среднего крестьянства при капитализме, как известно, очень сложное. Оно является поставщиком и кулачества и бедноты. Это промежуточное положение в социальной области порождает неустойчивое положение середняка в области политической. В определенные периоды середнячество примыкает то к революции, то к контрреволюции. Если у кулачества и бедноты их политическая программа — величина постоянная, то у середняка это величина переменная. Донец-середняк проделал собственную, трудную, ухабистую и далеко не прямую дорогу по полям гражданской войны. Разобраться в этом маршруте очень важно, ибо дело идет об исторической судьбе основной массы донского казачества в острейший период нашей истории. Поведение середняка было далеко не простым в масштабах страны, тем более оно было сложным, когда речь идет о таком специфическом крестьянстве, каким было донское казачество.

* * *

Действия русской армии, в том числе и казачьих полков, в Февральской революции были принципиально иными, чем это было в прошлом. Если в 1905 году самодержавию удалось удержать власть над армией — и в этом была одна из коренных причин поражения первой русской революции,— то в 1917 году произошло совсем другое: армия, в том числе и казачьи полки, вышла из повиновения, и в этом была одна из важнейших причин победы революции в России. Донцы в февральские дни отказались стрелять в народ на улицах столицы. В дни корниловщины они также отказались загораживать дорогу революции. Другими словами, донское казачество не только не выступило против буржуазно-демократической революции, но открыто перешло на ее сторону.

Но еще более остро встал вопрос о казачестве в период подготовки революции социалистической. В данном случае речь идет о донцах. Многочисленные высказывания В. И. Ленина о казачьих войсках свидетельствуют о том, что их поведение было далеко не безразлично для большевиков. Проследуем за ленинской мыслью в наиболее острое для донцов время — с сентября 1917 года, когда готовилось Октябрьское восстание, и до марта 1920 года, когда у черноморского берега завершилась ликвидация деникинского фронта, а в Москве собрался I Всероссийский съезд трудовых казаков.

Говоря о соотношении классовых сил накануне Октября, Ленин принимал во внимание и позицию донского казачества. «Что касается до казачества, то здесь мы имеем слой населения из богатых, мелких или средних землевладельцев (среднее землевладение около 50 десятин) одной из окраин России, сохранивших особенно много средневековых черт жизни, хозяйства, быта. Здесь можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи. Но что же показали *факты*, относящиеся к корниловско-калединскому движению? Даже Каледин, «любимый вождь», поддержанный Гучковыми, Милюковыми, Рябушинскими и К°, массового движения *все же не поднял!!* Каледин неизмеримо «прямее», прямолинейнее шел к гражданской войне, чем большевики. Каледин прямо «ездил поднимать Дон», и все же Каледин массового движения никакого не поднял в «своем» крае, в оторванном от общерусской демократии казачьем крае!..

Объективных данных о том, как разные слои и разные хозяйственные группы казачества относятся к демократии и к корниловщине, не имеется. Есть только указания на то, что большинство бедноты и среднего казачества больше склонно к демократии и лишь офицерство с верхами зажиточного казачества вполне корниловское.

Как бы то ни было, исторически доказанной является, после опыта 26—31 августа, крайняя слабость массового казачьего движения в пользу буржуазной контрреволюции» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 219—220. В дальнейшем ссылки даются на тома ПСС.— **М. А.**).

Здесь с предельной ясностью сформулирован подход В. И. Ленина к этой проблеме. Зажиточность донцов — это социально-экономическая основа для русской Вандеи, но речь идет не о совершившемся факте, а о возможности этого факта. Чтобы эта возможность превратилась в действительность, нужно, чтобы это нашло выражение в политической сфере, то есть чтобы основная масса казачества повернулась против революции. Не всякий зажиточный мужик — вандеец; им становится только тот, кто борется против революции. Но в том-то и дело, что этого с казачеством тогда не произошло. Почему? Донцы — это расслоенная масса, где «большинство бедноты и среднего казачества» выступало в те месяцы против контрреволюции; вот потому-то Каледин и не сумел поднять Дон. И только казачьи верхи и офицерство были на стороне контрреволюции.

Следует обратить внимание: это единственный случай, когда Ленин, говоря о донском казачестве в годы революции и гражданской войны, прибегает к термину «Вандея», и то речь идет о несостоявшейся Вандее. Это приводит нас вплотную к вопросу о том, как относится В. И. Ленин к термину «Вандея». Откуда пришел этот термин? Несмотря на то, что контрреволюционное движение в департаменте Вандея во времена Французской буржуазной революции было явлением сложным, а крестьянство принимало в нем участие лишь на первых порах, тем не менее в исторической литературе термином «Вандея» стали обозначать всякий контрреволюционный мятеж с участием зажиточного крестьянства.

В большом почете этот термин у белогвардейских историков гражданской войны и у многочисленных мемуаристов-эмигрантов. Одна из книг такого плодовитого автора, как П. Н. Краснов, так и называется — «Русская Вандея». Такого рода авторы совершенно единодушны в понимании термина «Вандея». При помощи этого термина донское казачество изображалось как сплошная контрреволюционная масса, единая в своих социальных и политических устремлениях. Термин «Вандея» нес у них особую идейную нагрузку — он должен был изолировать казачество от остальной крестьянской массы России, доказать, что казачество по самой своей природе враждебно Советской власти.

Тезис о сплошной реакционной массе казачества был также на вооружении троцкистов. Известно, что реакционной массой троцкисты считали не только казачество, но и крестьянство в целом.

Но у В. И. Ленина термин «Вандея» явно не в ходу. Владимир Ильич прибегает к нему для характеристики самой Вандеи XVIII века, французского крестьянства времен Наполеона III, для характеристики русских черносотенцев. Говоря о русском крестьянстве, В. И. Ленин употребляет общепринятую терминологию — революция и контрреволюция. И это далеко не случайно.

В августе 1918 года Ленин писал: «Допустим, что у нас в России около 15 миллионов крестьянских земледельческих семей... Из этих 15 миллионов, наверное, около 10 миллионов бедноты, живущей продажей своей рабочей силы или идущей в кабалу богатеям или не имеющей излишков хлеба и особенно разоренной тяготами войны. Около 3-х миллионов надо считать среднего крестьянина, и едва ли больше 2-х миллионов кулачья, богатеев, спекулянтов хлебом» (т. 37, стр. 40). Естественно, что идет борьба внутри крестьянства. «Не осталось ни одной деревни, где бы не происходила классовая борьба между деревенской беднотой и частью среднего крестьянства, у которого нет излишков хлеба, которое давно их проело, которое в спекуляции не участвовало,— классовая борьба между этим громадным большинством трудящихся и ничтожной кучкой кулаков; классовая борьба эта проникла в каждую деревню» (там же, стр. 11). В ситуации, когда в деревне переплелись две социальные войны — вся крестьянская масса боролась против помещика и царя, и в то же время шла классовая борьба внутри самого крестьянства,— термин «Вандея» явно не годился для характеристики политической позиции расслоенного русского крестьянства. Этот термин по смыслу мог быть применен по отношению к кулачеству, но и в этом случае Ленин не вспоминает о нем. О бедноте и кулачестве он говорит не «революция и Вандея», а «революция и контрреволюция». Нужды в устаревшем термине явно не было.

Казалось бы, о нем можно было вспомнить, когда на Дону победила контрреволюция и деникинский фронт двигался к Москве, но и здесь этот термин был бы неточен, ибо и в этот период речь не шла о белогвардейской позиции казачества в целом. Казачья беднота и часть середняков боролись в рядах Красной Армии. Термин «Вандея» мог бы подходить для той части казачества, которая заняла контрреволюционную позицию, но и здесь Ленин не вспоминает о нем, он довольствуется более современным и более точным термином «контрреволюция».

Это находит свое подтверждение во всем ленинском анализе обстановки 1917 года в России, о чем у нас идет сейчас речь. В. И. Ленин внимательно изучал поведение казачьих войск. Дело шло к социалистической революции, и было очень важно, какую позицию займут эти войска. Говоря о казачьих полках в Финляндии, Ленин 27 сентября 1917 года писал: «Часть их Керенский и К° нарочно вывели из Выборга, например, боясь «большевизации», и поставили в Усикирко и Перкъярви, между Выборгом и Териоки, в безопасной (от большевиков) изоляции. Надо изучить все сведения о расположении казаков и организовать посылку к ним *агитаторских отрядов* из лучших сил матросов и солдат Финляндии. Это необходимо» (т. 34, стр. 266).

Через два дня в известной статье «Кризис назрел» Ленин высказывает уверенность: «Целый ряд фактов показал, что *даже* казацкие войска не пойдут против правительства мира! А сколько их? где они? А вся армия разве не отрядит частей *за* нас?» (там же, стр. 283). В начале октября 1917 года, взвешивая шансы на победу восстания, Ленин опять не забывал о казаках: «В борьбе Корнилов и Керенский могут опираться только на дикую дивизию да на казаков. А теперь разложение началось и у казаков, а кроме того, им изнутри их казачьих областей грозят гражданской войной крестьяне» (там же, стр. 388). Наконец, грянула Октябрьская революция. Керенский и Краснов пытались бросить донцов против революционного Петрограда, но дело кончилось тем, что в Гатчине казаки побратались с матросами. Керенский бежал, а самого Краснова Дыбенко увез в штаб революции.

Словом, донские казачьи части оказались на стороне Октябрьской социалистической революции, и эта истина общепризнана в нашей науке. В чем состояла причина? Она состояла в совпадении коренных интересов основных масс казачества с интересами подавляющего большинства народа России. Декрет о мире и Декрет о земле были первыми декретами Советской власти именно потому, что они решали

ХОГО ДОНА»

наиболее острые, давно назревшие вопросы нашего народа. Правда, для середняка-донца вопрос о земле не имел того первостатейного значения, какое он имел для казачьей бедноты, иногороднего крестьянства или крестьянства всей России. Но Декрет о земле вовсе не ущемлял его земельного пая; больше того, донец решительно не имел ничего против ликвидации помещика, которого он всегда недолюбливал.

Тем более отвечал его насущным интересам Декрет о мире. Вместе со всей солдатской массой донец видел в Советской власти единственную власть России, способную вырвать его из обрыдлой, ненавистной войны. Кроме того, казак рассчитывал, что революция избавит его от военной службы как тяжелой пожизненной повинности, которая разоряла казачье хозяйство. Характерная черта этого периода состояла в том, что вместе с рабочим классом и беднотой выступил середняк в лампасах. Именно это обстоятельство и определило тот знаменательный факт, что за вычетом казачьих верхов, всегда занимавших контрреволюционные позиции, за Советской властью в это время пошла подавляющая часть донцов.

Но этим дело не ограничилось. Фронтовые казачьи части принимали непосредственное, боевое участие в установлении Советской власти на самом Дону. После Великой Октябрьской социалистической революции начался период триумфального шествия Советской власти по стране. Область войска Донского не составляла исключения. Она имела свои индустриальные центры — Ростов, Таганрог, Александровск-Грушевск, Сулин, Макеевка,— это был сильный отряд рабочего класса в стране, поднявшейся на борьбу за Советскую власть. Поднялось иногороднее крестьянство, поднялось донское казачество. Перед ними стоял очень сильный враг. Потерпев поражение в центре, контрреволюция пыталась превратить окраины огромной России в плацдарм для собирания сил и похода на Москву. Особая роль отводилась Дону, который, по расчетам контрреволюции, должен был стать «русской Вандеей». То были планы не только донской, но и всероссийской контрреволюции, речь шла о триумвирате генералов: Алексеев — Корнилов — Каледин.

Вполне понятен поэтому пристальный интерес В. И. Ленина к делам на Дону и к поведению донского казачества, от которого многое зависело в этой части России. В постановлении Совнаркома от 30 декабря 1917 года мы читаем: «Вокруг Каледина группируются собравшиеся со всех концов России контрреволюционные элементы из помещиков и буржуазии. Против Каледина стоит явно большинство крестьян и трудового казачества даже на Дону» (т. 35, стр. 211). В январе 1918 года Ленин отмечает: «На Дону 46 казачьих полков на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым» (т а м ж е, стр. 321), теперь там предстоит борьба с «жалкими остатками контрреволюционных войск Каледина, которому на своем Дону, кажется, приходится спасаться от революционного казачества» (т а м ж е, стр. 323).

Подводя итоги периоду от октября 1917 года по март 1918 года, Ленин указывал, что в это время «все открытые стычки революционных и контрреволюционных сил показали контрреволюционерам, даже главарям донских казаков, на которых больше всего рассчитывали, что их дело потеряно, потому что большинство народа везде против них. И всякая новая попытка, даже в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых, как казаки,— везде, без исключения, всякая попытка контрреволюции приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле» (т. 36, стр. 402—403). Итог этого полугодия был таков, что «даже на Дону, где больше всего богатых казаков, живущих эксплуатацией наемного труда, где больше всего надежд на контрреволюцию, даже там Богаевский, руководитель контрреволюционного восстания, должен был признать и признал публично: «наше дело проиграно, потому что за большевиков громадное большинство населения даже у нас» (т а м ж е, стр. 459—460).

Такова позиция донского казачества в этот период, таков взгляд Ленина на положение дел на Дону. И все, кто писал о донцах этого периода, как в лагере революции (Антонов-Овсеенко, Подвойский, Скворцов-Степанов и др.), так и в лагере контрреволюции (Алексеев, Краснов, Африкан Богаевский, Деникин и др.), подчеркивают, что донское казачество пошло вместе с большинством народа своей страны. «Настроение казаков мало чем отличалось от общего настроения крестьян России»,— признавал Африкан Богаевский.

В январе 1918 года на Дону друг против друга фактически стояло два войсковых правительства: правительство Каледина, за спиной которого была донская и всероссийская контрреволюция, и Донской Казачий Военно-революционный комитет во главе с Подтелковым и Кривошлыковым, который признавал власть Совета Народных Комиссаров. Новочеркасск и окружная станция Каменская были враждебными, воюющими центрами. Перевес военных сил был на стороне Военно-революционного комитета. К зданию в Каменской, где помещался тогда казачий ревком, то и дело подходили фронтовые казачьи полки, чтобы заявить о своей поддержке. И каждый раз начинался митинг.

Я, тогда гимназист 3-го класса, старался захватить позицию поудобнее, лучше всего, если удавалось забраться на акацию, чтобы все видеть. Первым обычно выступал высокий, шумливый Подтелков — во всем кожаном, с золотистыми погонами подхорунжего. Слегка расставив ноги, жестикулируя, а то и подняв вверх кулаки, он говорил горячо, убежденно. Он громил «всю эту дворянскую сволочь», громил капиталистов, которые «хотят, чтобы наш брат всю жизнь в дерьме ковырялся», громил господ «донского домашнего покроя», громил «черное воронье, какое слетелось на Дон со всех всюд...».

Его сменял Кривошлыков. Трудно себе представить более разных людей, чем были Подтелков и Кривошлыков. В отличие от своего огневого друга Кривошлыков казался совершенно невозмутимым. Говорил тихо. Сухощавый, среднего роста, в шинели без погон, он говорил, стоя, как свеча. Левая его рука была за бортом шинели, правая делала какой-либо скупой жест. Но горели глаза, оглядывавшие это бескрайнее скопление фронтовиков, державших коней в поводу. На главной улице Каменской то стояла напряженная тишина, то бушевало негодование, то взрывался смех — оратор удачно поддел какое-то «благородие» или «превосходительство». На всю жизнь остались в памяти эта вооруженная казачья махина, охваченная порывом революции, и вожди, из нее вышедшие.

Каледин делал все, чтобы справиться с положением. Он расформировывал полки, заводил переговоры с подтелковским ревкомом, стремясь выиграть время. В Каменскую приезжала его делегация во главе с Агеевым. В Новочеркасск ездила делегация Военно-революционного комитета во главе с Подтелковым и вручила Каледину ультиматум с требованием передачи власти на Дону Военно-революционному комитету (впоследствии казачий ревком слился с общегражданским ревкомом в Ростове). Вопрос о власти был решен оружием. Сколотив отряд Чернецова, Каледин бросил его на разгром Военно-революционного комитета. Станция Глубокая была последним рубежом, которого достиг Чернецов. На Глубокой и в ее окрестностях стояли фронтовые казачьи части, им на помощь пришел тысячный красногвардейский отряд Григория Петрова (впоследствии один из 26 бакинских комиссаров) — они разгромили чернецовцев, а сам Чернецов погиб от руки Подтелкова. Это было рядом с нашим хутором Сибилевым, я помню, сколь велико было впечатление этой победы фронтового казачества над Войсковым кругом.

С этого начинается поход казачьих полков совместно с красногвардейскими отрядами на Новочеркасск. Поняв безнадежность положения контрреволюции на Дону, Каледин застрелился. Новочеркасск был взят революционными войсками. Остатки донской белогвардейщины и корниловские части ушли на Кубань и в Сальские степи. От всех планов российской контрреволюции на юге осталась лишь «прозябающая в Сальских степях белая идея». Не осталось в живых и генеральского триумвирата Алексеев — Корнилов — Каледин.

Завершился начальный период гражданской войны на Дону, когда всероссийской и донской контрреволюции не удалось превратить Дон в свою базу. В нашем крае, как и во всей стране, подтвердилась та истина, что без помощи извне российская контрреволюция не имела сил победить. На это не было способно не только русское дворянство, но и русская буржуазия, которая была более слабой и менее опытной, чем буржуазия западноевропейская; в то же время русской буржуазии противостоял сильный, боевой рабочий класс России — авангард международного пролетариата, который повел за собой революционное и многочисленное русское крестьянство. Противостоять пролетарской революции оказались неспособными не только буржуазно-дворянские, но и мелкобуржуазные партии России. Меньшевики имели слабую базу в рабочем классе из-за отсутствия рабочей аристократии, а эсеры дискредитировали себя перед крестьянством неспособностью по-революционному решить вопрос о земле. В России не оказалось такой общественной силы, которая могла бы помешать большевикам как в проведении Октябрьской революции, так и в достижении ее победы во всей стране. Дон не был исключением в этом триумфальном шествии Советской власти.

Окончание следует.

РАЗГОВОР ЗА КНИГОЙ

За одним из видных наших критиков — В. К. Панковым давно установилась известность признанного летописца советской послевоенной литературы. «Главный герой», «На стрежне жизни», «Воспитание гражданина», «Традиции в движении» — уже только один перечень этих книг убедительно свидетельствует о глубоком внимании их автора к коренным проблемам творчества, о его постоянном интересе к самому широкому кругу явлений современного литературного процесса. Новое издание монографии В. Панкова «Время и книги (Проблемы и герои советской литературы 1945—1973 гг.)» подводит на сегодня итог этого вдумчивого труда исследователя.

Не просто назвать другую литературоведческую работу, автор которой так полно охватывает отдельные произведения, так разносторонне анализирует главные закономерности развития нашей литературы на протяжении последних десятилетий ее истории. Прослеживая этап за этапом, как проза и поэзия вторгались в современность и обогащали знание славного прошлого нашего народа, как в плоть и кровь советской литературы входили новые идеи, темы, характеры, В. Панков рисует впечатляющую картину творческих исканий художников слова — наших современников. При этом исследователь никогда не теряет главных ориентиров в море больших и малых книг. Партийность, народность, историзм советского искусства, высокий идейно-художественный уровень произведений — вот главные критерии, которыми руководствуется критик.

Естественно, чему-то В. Панков в своей книге отдал повышенный интерес, что-то немаловажное в литературном процессе оказалось за ее рамками. Это относится как к творчеству отдельных писателей, так и к характеристике тех или иных сторон литературной жизни. Работы В. Панкова всегда отличает не только внимательное исследование поэтических и прозаических произведений, но и скрупулезное рассмотрение критических откликов и дискуссий вокруг них. Но вот драматургия — одно из основных и самых глубоких русел, по которым движется литература, — лишь изредка появляется в поле зрения критика.

Но тут мы должны вспомнить, что «Время и книги» не учебник истории литературы, а живой разговор о нашей литературной современности. Особую непринужденность этому разговору сообщает свободная форма, в которой В. Панков ведет свои наблюдения над процессами в нашей литературе: здесь и воспоминания о собственном творческом пути, и личные впечатления от встреч с авторами книги и работы с их рукописями, и зарисовки событий, характеров, судеб своих современников.

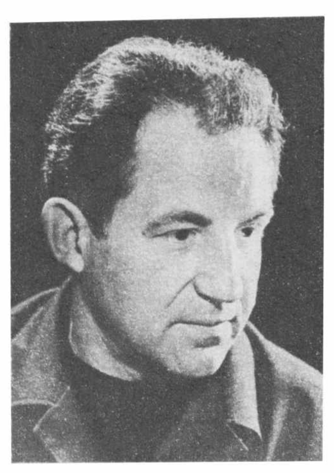
Все это делает новую книгу В. Панкова еще более привлекательной для самого широкого читателя, интересующегося тем, как в нашей литературе воплощается наша жизнь.

Д. ИВАНОВ

В. К. Панков. Время и книги. М., «Просвещение», 1974, 528 стр.

ЩЕДРОСТЬ ПАХАРЯ

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

ВОРОНЕЖСКИЕ КРУЧИ

Где стоим трамвая ждем,
на горе, ветрам открытой,
где забором огражден
котлован, в сугробы врытый,
где народ стоит, лепя
самородный говорочек,
чувство странное тебя
затуманит, заморочит.
Из немыслимых веков
в этих нови переплесках
ты услышишь стук подков,
звон уздечек половецких.
Дрогнут дали, блестки див
пестрым ворохом обрушив,
новый день соединив
с днем давным-давно минувшим.
Вязь у вымысла своя,
на песке, горой намытом,
там, где дамба, вижу я
невозможное: Никитин!
Удивленье затаи,
если здесь возблещут снова
из-за снежной кисеи
очи жаркие Кольцова.
Сумрак дымчат и лилов.
Он не то еще отколет:
к ночи в сто колоколов
тени круч восколоколят.
На заснеженном лугу
в ожидании ночлега
столько галок на снегу,
что совсем не видно снега.
Мысль блеснет тебе лучом,
что для живописи этой
взят тобою, толмачом,
миг один из тьмы столетий.
Тьмой событий и имен
дразнят слух и полнят зренье
с бесконечностью времен,
жизнь, твои соизмеренья!

ЩЕДРОСТЬ ПАХАРЯ

I

Вспахано-взорано
черное месиво.
То-то ли зоряно,
то-то ли весело!..
Прянет под солнышко
все, что посеяно,—
то-то ли полюшко
всплещется зелено!
Ливнями мытое,
свежести полное,
сплошь глянцевитыми
вздыблется волнами.
Зеленогривое,
плещет-волнуется,—
сеятель нивою
не налюбуется...
Зелено-молодо
вызреет на лето.
Каждое золотом
зернышко налито.
Заколоколится
главная музыка
спелого колоса,
колкого усика.
...Песня дана
колосящейся силище.
Это она
в Алексее Васильиче
отозвалась отголоском —
не чудо ли? —
родственно свойским
и грусти и удали.

II

Ширь не без мелоса,
даль не без голоса.
Так вот и пелася
партия колоса.
Вся она в том,
как пахалось и сеялось.
Вник в ее тон
Николай Алексеевич.
Тону и слово-то
дал самородное:
«Золото, золото —
сердце народное!..»

III

«Встали небужены,
вышли непрошены.
Жита по зернышку
горы наношены».
Так бы сегодня
сказали едва ли мы:
больше, чем горы,
в уборку навалены.
Видел одну
я студентку на практике.
Так по зерну,
как по звездам Галактики,
к звездам и шла
абсолютно божественно,
грузчица, славная
русская женщина.
...Русская ширь
подошла к элеваторам:
Дон, да Сибирь,
да Поволжье с Саратовом.
Люди двужильные,
закром огруз...
Ты ль не обильная,
ты ль не богатая,
ты ль не всесильная,
матушка Русь!

МОЛНИИ НАД САДОМ

Южного августа щедрая милость:
днем в одуряющий зной
перед окном моим роза раскрылась
желтая — перед грозой.
Тем, как она безмятежно сияла,
тем, как милела, она
странное чувство покоя вселяла,
пышно-влажна и нежна.
В возлеоконном моем карауле
только и виделось мне:
парами пчелы дремотные льнули
к пышной ее желтизне.
Грома не зная, не ведая ливня,
детски чиста и мила,
кажется, даже с улыбкой наивной
роза до полдня цвела.
Солнце меж тем позавесили хмары,
ливень рванулся вразнос.
Пол из-под ног вышибали удары
самой свирепой из гроз.
В каждую горку стихия садила,
будто бы в громоотвод.
И наблюдать удивительно было:
молния в розу не бьет!
...Некой красавицы желтоволосой,
думал я, жребий таков:
ластятся к ней кавалеры, как осы,
благо она без шипов.
Злая молва ее всю исхлестала
пуще любых непогод.
Только и злобствовать нам не пристало
молния в розу не бьет.

ПЕЧАЛИ БРАТЬЕВ МЕНЬШИХ

Парень зелен откровенно,
и вольно ему весь день
под окошком блеять: «Лена!» —
словно раненый олень.
В современном самом стиле
здесь и драма и роман:
строго Лене запретили
с ним водиться — хулиган.
Жаль, что это не Верона.
По закону нежных встреч
там сумела бы канцона
эти выкрики облечь.
Там звучала б серенада,
колыхалась бы вуаль...
Впрочем, может быть, не надо
залетать в такую даль,—
потому что хочет сбыться
в романтической судьбе
не Ромео, а Синицын
из второго класса «Б»,
потому что неизменно
полнит думы огольца
не Джульетта, а Елена,
дочь гневливого отца.
...Ах, отцы! Таких на свете
вас достаточно еще.
То, что вы не Капулетти,
очень даже хорошо.
Все же насмерть не уложит
тот, кто крикнет: «Обормот!»
Чтоб утешиться, быть может,
разве уши оборвет.
Вновь бы свод ребячьих правил
вам примерить на себя:
если ножку и подставил,
так, поймите же, любя!
Дернул за косу. Но, братцы,
был же дружеский предлог:
так в задачке разобраться
он сокласснице помог.
Вы подумайте про это:
вы бестрепетный почти,
а Елена, как Джульетта,
горько плачет взаперти.
Как беднягу-парня взашей
вы ни гнали бы отсель,
он и завтра дочке вашей
поднести придет портфель.

* * *

В предгорьях Альп или Родопов,
в бахчах селений горных их
находит заступ землекопа
скопленья раковин морских.
И знают школьники, не споря,
хоть нет ни волн, ни берегов,
что в некий срок, конечно, море
здесь покрывало все кругом.
Природа старого сравненья
в таком сближении верна:
на поколенье поколенья
находит новая волна.
Но на скрижалях плоскогорий
не все они оттиснут след:
там, где людское билось море,
глядишь, скорлупки малой нет.
Я знаю город на Цейлоне,
в нем, в облака вонзая шпиль,
стоит маяк на крутосклоне,
от океана за пять миль.
Так мы живем в работе рьяной,
надеждой тою высоки,
что отступают океаны,
но остаются маяки!

Алексей **ИОНОВ**

ЗАРЕВО НАД ДОНБАССОМ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

XIX

Утром со всеми обдуманными накануне делами Стругов управился быстро и разумно. Васюте и Голубкову он написал командировочные удостоверения и записку к одному из видных работников в Москве, уроженцу Донбасса. В этой записке он просил земляка, всегда проявлявшего необычную отзывчивость к нуждам родного края, послать и Васюту как горного инженера и Голубкова, имеющего солидный опыт работы с шахтерскими коллективами, на работу в Караганду, куда в начале осени были эвакуированы с семьями и другие донбасские партийные работники, инженеры и шахтеры.

Напутствуя сослуживцев и искренне желая, чтобы они в самом деле были посланы в Караганду, Стругов вовсе не хотел осчастливить их своей милостью, а лишь, предугадывая неизбежный исход войны, заботился о том, чтобы обкому легче было возвратить нужных работников, когда немцы будут изгнаны из Донбасса.

Леонид Иванович намеревался написать и письмо для передачи жене, но теперь, после вчерашней нелепой выходки Васюты, усомнился в его порядочности и попросил Голубкова, когда он окажется в Караганде, разыскать там Ольгу Сергеевну и передать на словах все, что может ее интересовать, а также сказать ей, что он ждет от нее подробное, очень подробное письмо в адрес Луганского обкома.

Предвидя, что не сегодня-завтра он наденет шинель армейского политработника, Леонид Иванович поручил Голубкову сдать в Центральный Комитет круглую, с трехзначным номером посередине печать Торецкого обкома. Когда он достал из кармана эту завернутую в кусок мягкой клеенки печать, а из чемодана — карту Торецкой области, на него нахлынуло необычайное волнение.

— Нет, дай еще разок взгляну, — сказал он хрипловато, выхватывая из рук Голубкова карту и расстилая ее на всю ширину стола.

Карта эта с плавными очертаниями границ области и районов, с кружочками помеченных на ней донбасских городов и поселков и устремленными от этих кружочков в разных направлениях стрелками была похожа на оперативную штабную карту, с той лишь разницей, что все изображенное на ней напоминало Стругову о делах сугубо мирных, о его повседневных секретарских заботах: встречах, беседах, заседаниях — словом, обо всем, что было недавно содержанием и смыслом его жизни. Маленькими штриховыми рисунками и начертанными на стрелках словами «уголь», «сталь», «чугун», «прокат», «врубовые машины», «соль», «станки», «ртуть», «сода», «цемент» и многими другими названиями изделий донецкой промышленности карта перечисляла, нет, в восприятии Стругова вдохновенно славила неистощимое изобилие, индустриальную мощь и красу донецкого края. Какие богатства таились в его недрах, какие творили чудеса и какими выглядели здесь силачами труженики, которые одаряли родную страну плодами своего труда! С неистощимой славянской добротой делились они богатствами и с другими народами.

Упершись руками в край стола, сокрушенно опустив плечи, Леонид Иванович долго, угрюмо, почти не дыша, стоял над картой, перечитывал магические наименования, а в его памяти с поразительной отчетливостью возникали сизые, в текучем мареве хлебородные степи, рыжие исполинские папахи терриконов, суровые громадины доменных печей, добела раскаленные чрева мартенов и багряные в отсветах плавок, все в бусинках пота лица кудесников-сталеваров...

Голубков и шофер смущенно отвернулись: им тягостно было видеть это печальное прощание.

Боясь обнаружить перед людьми излишнюю сентиментальность, Стругов бережно сложил карту по ее прежним изгибам и возвратил Голубкову.

— Ты... эту карту... сохрани любой ценой, — как всегда, когда он волновался, хрипловато попросил Стругов.— Кто бы ни вернулся в Торецк, для каждого это будет дорого и свято.

XX

Месяц спустя бригадный комиссар, член Военного совета только что сформированной полевой армии Леонид Иванович Стругов постепенно входил в круг обязанностей фронтового политработника и делил с солдатами и командирами все превратности и тяготы фронтовой жизни.

Над восточным Донбассом опять сгущались грозовые тучи. Гитлер непрестанно напоминал о том, что захват Донбасса для исхода всей кампании на востоке важнее, чем взятие Москвы или Ленинграда, и требовал от командующего группой армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта овладеть этим промышленным краем без малейших проволочек.

После кровопролитных боев советские войска перешли помутневший к осени Миус и окопались на его пустынном левобережье. В студеном ноябре для армии, где находился Стругов, настало трудное время. Еще раньше, в разгар погожей южной осени, гитлеровцы, сосредоточив в Приазовье войска, танки и самолеты, форсировали Миус в его нижнем течении, захватили Таганрог и теперь очертя голову рвались на Дон, к Ростову. Сначала они попытались обойти его с севера, вклиниться в середину донского края через шахтерский город Шахты и казачий Новочеркасск. Но советские войска разгромили их в районе Цымлянки.

В штабе Рундштедта созрел новый замысел: ударить на Ростов с северо-запада, перехватить железнодорожную магистраль, соединяющую срединную Россию с Кавказом, и тем самым лишить русских бакинской и грозненской нефти. Танковая армия Клейста ринулась на Ростов, но в тот же день в «хвост» ей ударила 37-я армия генерала Лопатина, а 9-я и 18-я армии и кавалерийский казачий корпус генерала Хоруна стали с ожесточением обрубать немецкие фланги. В эти дни на притихшие после побоища Донбасс и Придонье налетел снежный буран, и города, станицы, осокори на хуторских околицах, дороги, овраги — все побелело, потонуло в бешеной круговерти. Черные немецкие танки, приземистые бронетранспортеры, набитые продрогшими до костей вояками в нахлобученных суконных мютцен[1] метались по бездорожью в поисках пристанища, но всюду их настигало возмездие. Сквозь посвисты бури еле просачивались позывные радиостанций. Они звучали сигналами бедствия. В снежном, неведомо куда несущемся вихре красноармейцы налетали на ошалелых пришельцев, вершили над ними суд праведный и скорый.

В эти дни Стругову довелось увидеть леденящий лик войны, как никогда, близко. Хотя высшему командному составу разрешалось принимать непосредственное участие в бою лишь в случае крайней необходимости, комиссару не терпелось самому, из своего автомата вогнать в землю хоть одного фашиста. Командующий армией разрешил ему находиться в батальонах, брошенных на подавление прорвавшейся вражеской части, лишь для того, чтобы поднимать своим присутствием воинский дух бойцов, наблюдать за общим порядком.

В темноте по снежным заносам он помчался на своей «эмке» вслед за грузовиками с пехотой к слободе Большекрепинской, куда накануне прорвались немецкие танки с пехотой на броне и где завязалась смертная кутерьма. Шахтеры кидались в бой с отчетливым сознанием, что эта ночь, быть может, станет последней в их жизни, что, может, где-то в степи у хутора Астахово или в камышах скованной лютым морозом речки Тузлов они найдут последний свой приют.

Ночь, проведенная Струговым среди стрелков и артиллеристов, в снегу за крутым увалом, обрывающимся у берега Крепкой, осталась в его памяти как наваждение. Он помнил лишь, как выла пурга, вязли в сугробах грузовики, опрокидывались на обледенелых косогорах пушки, беспорядочно, не поймешь, в какой стороне, рявкали гаубицы... Ружейных выстрелов, криков, стонов невозможно было расслышать.

На рассвете, когда кончился бой, красноармейцы, расстегнув на морозе нагольные полушубки и ухарски сдвинув на затылок треухи, ненасытно глотали снег.

На степь опустилась тишина, улеглась метель, и еще свирепее стал мороз. Вспахивая валенками скрипучий снег, Стругов спустился по косогору к берегу Крепкой. Изо льда, искромсанного взрывами мин и снарядов, сре-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1 — 7.

[1] Шапках.

Ф. Васильев. БОЛОТО ОСЕНЬЮ. 1872.

Государственный Русский музей.

СОСНОВАЯ РОЩА У БОЛОТА. 1871—1873.

Государственный Русский музей.

Ф. Васильев. ВЕЧЕР В КРЫМУ. 1871—1873. Государственная Третьяковская галерея

БУХТА НА ВОЛГЕ. 1871. Государственная Третьяковская галерея.

ди вздыбленных и смерзшихся глыб, торчала скрюченная заиндевелая рука, а чуть дальше — залубеневшая пола шинели и нога в кургузом немецком сапоге. С дубовой сваи разметанного моста свисал измочаленный китель с фельдфебельской нашивкой. Черный лохматый пес, опасливо озираясь, лизал расползшееся по крупичатому снегу яркое пятно крови.

По улице от дома к дому устало брели два красноармейца с винтовками за спиной. Один из них, тот, что был постарше, держал в руках опущенный к земле миноискатель. У дороги, на утоптанном снегу, лежали обезвреженные ими мины, а рядом покачивалась поставленная для приметы вешка — палка с полынным веником наверху.

Увидев идущего к ним Стругова и его адъютанта, молодцеватого юношу в новенькой, еще не облегшей его фигуру шинели, солдаты почтительно посторонились. Стругов приостановился и поздоровался с ними.

— Богатый у вас улов! — сказал он, желая подбодрить этих неприметных, как видно, смертельно уставших бойцов скупой похвалою.

Усатый минер неторопливо сдвинул с ушной раковины эбонитовый телефон-наушник.

— Улов, говорю, богатый! — громче повторил Стругов.— Стараетесь. Молодцы!

— Стараемся, товарищ комиссар, как же. Хочется и немца перехитрить и домой вернуться здоровым, с руками и ногами, а то жинка в дом не пустит.

А где он, его дом, и где она, его жена?..

— Семнадцать дур выхватили,— кивнув на сложенные штабелем мины, пояснил красноармеец.— Почти все были натыканы по берегу, близенько от моста, а одну взяли в той вон хатенке. Нахальная мина: немец ухитрился сунуть ее под порог, а прикопать не успел. Только проводок от нее к дверной скобе приспособил, сучий сын.

Стругов молча поглядывал на минеров, восхищенный их непоказной отвагой.

— Метель нам подпортила,—продолжал солдат, учуяв во взгляде комиссара явный интерес к их работе.— Под снегом ничего не видно. Спасибо, у моего напарника нюх собачий. Не обижайся, Харитоша: точно. «А ну,— скажет,— послушай тут». Протяну своей сковородкой,— он с хитрецой кивнул на миноискатель,— точно: жундйт!

— «Жундит»!..— лукаво хмыкнул Стругов.— Ты откуда родом-то — орловский или курский?

Боец был не на шутку озадачен таким поворотом беседы. Хитровато прищурившись, он обирал с усов сосульки и медлил с ответом. Его поразило, что комиссар лишь по одному словечку сумел распознать его родовой корень.

Молодой минер, с аккуратно завязанными «ушами» шапки, с опаленными морозом скулами, подышав на пальцы и сунув руку в варежку, ждал, что скажет старшой. Продрогший до костей адъютант перестал пританцовывать, постукивать сапогами.

— Можно сказать, курский, из-под Обояни,— ответил пожилой красноармеец.— Но с малолетства живу в Донбассе. Запальшик. И в шахте имел дело со взрывчаткой. Через то и поставлен на эту проклятую работенку.

— Что ты шахтер, это я слышу,— с лукавой усмешкой сказал Стругов, знавший, что не «запальщик», а «запальшик» в Донбассе говорят лишь исконные шахтеры.

Стругов всегда был необыкновенно чуток к языку, и это выпорхнувшее у минера «жундит» вместо «жужжит» и другие отнюдь не ходовые донбасские глаголы знал и помнил со времен своего отрочества, когда его дружками были босоногие сорванцы, чьи родители, безлошадная голь, приехали на Сорокинский рудник из черноземных русских губерний. Адъютант комиссара уже не раз поражался его памятливости, начитанности, дотошному знанию промышленности, сельского хозяйства, народной психологии и быта и теперь прямо-таки ликовал в душе, став свидетелем неожиданного открытия еще одного таланта своего командира.

— Ты слушай и мотай на ус,— обернувшись к нему, сказал Стругов.— Запиши фамилии и напомнишь мне: скажем редактору, чтоб написали про них в газету.— Так! Значит, ты — запальщик... Как фамилия-то? — обратился он к пожилому минеру.

— Игнат Беседин, с «Ново-Мушкетовой».

— А вы — тоже землячок? — спросил Стругов у молодого бойца. Ему хотелось, чтобы отважные красноармейцы оказались шахтерами, его земляками.

— Чей ты, Харитоша? Скажи товарищу комиссару,— вмешался усатый минер.— Где твоя родина-то?

— Была родина, да сплыла. Лесник я, из Балаклеи,— помрачнев, сказал молодой.— Слыхали такой городишко?

— Слыхал, слыхал,— поспешно подтвердил комиссар, пожалев, что ненароком затронул в душе бойца болезненную струну.

Фамилия у минера, как видно, очень впечатлительного, оказалась редкостная, приметная: Чернобай. Харитон Чернобай. Комиссар мысленно повторил его имя и фамилию дважды, чтоб удержать их в памяти.

— Что ты, парень, зажурился? Может, к весне, даст бог, вернешься в свою Балаклею банить портянки в Донце,— утешил Беседин, вопросительно поглядывая на комиссара. Он, старый воробей, разумеется, и не думал утешать своего напарника, а просто-напросто пустил пробный шар: не скажет ли комиссар что-нибудь утешительное для него самого. Ведь кто-кто, а уж он-то, большой начальник, наверняка знает, чего можно ждать к весне. Но Стругов заторопился, кивнул минерам и полез через сугроб к машине, ждавшей его на дороге у перекрестка. «Нет, дорогой мой запальшик,— с сожалением подумал Стругов,— Донца нам с тобою скоро не видать. Неизвестно еще, не придется ли тебе весною ходить со своей жунделкой за Доном».

Бой в Больше-Крепинской был лишь незначительным эпизодом зимней кампании на юге. К Новому году Красная Армия потеснила врага на большом по протяженности участке фронта — от старинного села Дмитриевка до Таганрогского залива и вышла к рубежам своей прежней обороны — берегам Миуса и Самбека.

XXI

На занятых зимою позициях у Миуса шахтерские полки, настороженно следя за противником, оставались до лета 1942 года.

Погожим майским вечером, побывав в течение минувшего дня в воинских частях, расположенных в Боково-Антраците, Нижнем Нагольчике, Ровеньках, Дьякове, побеседовав с политработниками в батальонах и дивизионах, Стругов направился к передовым секретам. Пока можно было двигаться, не зажигая фар, он доехал до неглубокой балочки, поросшей кудрявым дубняком и бересклетом. Затем вылез из машины и вместе с адъютантом стал скрытно пробираться к окопу — тесной конуре, выдолбленной на каменистом скате. Отсюда далеко вперед открывался вид на обширное пространство за рекою, на холмистую степь, где еще минувшей осенью, попыхивая синим дымком, запахивали оранжевую стерню тракторы. Теперь там, в травянистых ложбинах, на желтевших прошлогодней стерней буграх, глаз не находил ни пахаря, ни пастуха. Одичавшая, заросшая молочаем и сурепкой земля была обезображена глубокими воронками и траншеями, начинена минами и опутана колючей проволокой.

Стругова вело сюда не праздное любопытство. С той поры, как немцы были отброшены за Миус, штабы расположенных здесь советских войск не получали сколько-нибудь достоверных сведений о жизни полоненного донецкого края, мало знали и о том, что делают, к чему готовятся враги. Попытки захватить «языка» влекли за собой неизбежные жертвы. Геройски пали в бою молодая, порывистая разведчица, шахтерская дочь Нина Гнилицкая и комиссар разведчиков Спартак Железный. Ночью через линию фронта были посланы в немецкий тыл несколько отчаянных шахтеров, местных уроженцев,— не вернулся ни один. Наконец в начале мая к советским окопам прокрался через полосу вражеских укреплений парнишка лет четырнадцати. Он был уже у цели — у самых окопов, вырытых на склоне оврага у села Княгинёвка. И тут, вероятно, забыв от радости о смертельной опасности, он вскинулся над бруствером и... замертво упал на руки бойцов. Вражеский снайпер убил его с первого выстрела.

Кто был он, этот отважный мальчуган в чиненых сандалиях, с белесым чубчиком и проступившими на его побелевшем лице мелкими, точно просо, веснушками? В надежде найти хоть крохотную записку, бойцы обшарили его карманы, ощупали швы линялых штанишек, заглянули внутрь сандалий — нет, не нашли ничего. Очевидно, кто-то поручил ему передать нечто важное на словах, только на словах. Какой нужно было обладать недетской выдержкой, насколько глубоко проникнуться пониманием ответственности задания, чтобы проползти незамеченным несколько километров по межам, по кустам полыни, ухитряясь не задеть вражеской сигнализации и миновать минные поля!

Гибель безвестного героя легла гнетущей тяжестью на совесть комиссара. Ведь это он подбирал и наставлял тех, кто призван был руководить партизанами. Стало быть, неудачи подпольщиков отчасти были следствием каких-то и его промахов и просчетов. Правда, он намеревался оставить надежным людям на заранее подготовленных явках в городах и селах несколько портативных раций, но начальник областного отдела НКВД Глухенький категорически воспротивился этому. «Неизвестно, на кого эти рации будут работать. Нельзя!» — сказал он, как отрубил.

Теперь Стругов самолично объезжал передовые наблюдательные пункты, боевые охранения, секреты, надеясь хорошенько высмотреть места, откуда можно было бы наиболее безопасно пробраться в немецкий тыл. Он не уставал напоминать разведчикам, чтобы в утренние и вечерние часы они внимательней, зорче наблюдали за передовыми вражескими позициями и в случае появления перебежчика своевременно и надежно прикрыли его от немецких пуль ответным огнем.

У одного из поворотов узкого хода Стругов оставил адъютанта, а сам где ползком, где согнувшись в три погибели, прокрался в неглубокий окоп под кустом цветущего шиповника.

— Товарищ комиссар! — из-за тесноты неуклюже козырнул наблюдатель, намереваясь отдать рапорт, но Стругов схватил его за локоть, шикнул:

— Тише! Тише!.. Вечер же! Знаешь, как сейчас катится понизу звук? Расскажи тихонько, что тут у тебя нового.

Наблюдатель, старший сержант Муравьев, с худощавым лицом, с настороженными глазами, замолк в смущении, не решаясь разговаривать с начальством в столь непочтительной позе. Потом он осмелел и спросил, озабоченно оглядывая натянутую над окопом сетку с пучками колючего перекати-поля:

— Как же это вы, товарищ комиссар, рискнули завидно прийти в наш забой? Если они заметили вашу машину, то начнут шарить по всему бугру, а потом, гляди, шарахнут и по моей конуре.

— Нужны мы им! Шарахнут! — отшутился Стругов. — Снайпер нас не заметит, а стрелять из пушки по воробьям им невыгодно. Ладно, ладно, рассказывай, что тут у тебя нового, — добавил он, опускаясь на корточки и привалиаваясь плечом к хрящеватой стенке окопа.

— Все-таки я попрошу,— настойчиво сказал Муравьев, — вы, пожалуйста, пересядьте вот сюда — тут бруствер повыше. А для удобства...— он проворно пододвинул к Стругову положенный на бок коробчатый футляр стереотрубы, — садитесь, пожалуйста, на эту штуку. Ночью был капёж, так что у меня сыровато.

Об удобствах для Стругова сержант заботился, разумеется, и ради уважения к нему и потому, что час назад его кратко и строго предупредили по телефону из штаба: «Будет у тебя нынче **второй**. Смотри, отвечаешь за него головою».

Сев на деревянный футляр и с облегчением вытянув ноги на застланном повялой травой влажном дне окопчика, Стругов снял фуражку, расстегнул ворот гимнастерки и осмотрелся. Хозяин окопа был, по всему видать, большой аккуратист. Все тут у него в немыслимой тесноте было разложено и расставлено в обдуманном порядке. Посреди окопчика стояла укрепленная на треноге двурогая стереотруба, в нишах лежали гранаты-бутылочки, журнал наблюдений, солдатский котелок с алюминиевой ложкой, а на внутреннем скате бруствера была разложена приплюснутая гладким камнем и прикрытая углом плащ-палатки топографическая карта-километровка.

— Нового у нас немного, — сказал Муравьев, зорко поглядывая окрест. — Сидишь тут и каждую минуту ждешь, что оттуда ахнут по твоему гнезду — только пыль пойдет. А нынче утром крутилась над передним краем «рама»[1] — высматривала, вынюхивала. Летала низко, кажется, можно бы сбить камнем, и с нашей стороны, — он жалостливо сморщил лицо, — хоть бы один выстрел! Потом фрицы кинули к нам за бугор один-два снаряда, и все затихло. А там у них, — продолжал Муравьев, кивнув на заречье, — все роют и роют. И хитрые же, канальи! Каждые сутки по ночам батареи переставляют. Нынче засечешь ее, запишешь координаты, а на другой день на вчерашнем месте ее нет и в помине.

— Значит, говоришь, роют? — с подчеркнутой серьезностью переспросил комиссар, дабы заглушить в душе сержанта чувство досады. Он-то, комиссар, знал, что на этом рубеже советской обороны не то что маловато зенитных пушек, но подчас не хватает даже винтовочных патронов.

— Роют, готовятся к чему-то, — подтвердил Муравьев. — У них там чернозем, им зарываться легче, а у нас по всему хребту глина да камень. Сам черт не уковыряет! Мы с напарником хотели законуриться поглубже, просили у старшины хоть бы поганенькое кайло. Нету!

Стругов без ошибки уловил, что имеет дело с коренным шахтером: ведь Муравьев назвал окоп забоем, дождь — капёжем, а потом сказал «законуриться».

— Ты с какой шахты? — простецки осведомился комиссар.

— С «Берестовки».

— Постой, чей же ты там? — сказал Стругов, и в его глазах затеплились задор и нетерпение. — Ты, случаем, не сын Авдотьи Егоровны?

— Он самый, — сказал Муравьев, потупясь. — Только у моей родительницы фамилия чуть-чуть иная: Муравлеза, — пояснил он, давая этим архаичным словом понять, что причуду матери он понимает и относится к этому со снисхождением.

— Ну что-о ты ска-ажешь! — удивленно протянул Стругов, вспомнив, что причуды матери фронтовика, своенравной и острой на язык старухи, бывали и похитрее. — На каждом шагу встречаю земляков. Но как ты мог попасть на фронт? Ведь вашу шахту эвакуировали в Прокопьевск. Почему ж ты остался?

— Товарищ комиссар, я не остался, я пошел в шахтерскую дивизию, — с достоинством возразил сержант. — А вот другие с нашей шахты—те действительно остались и, наверно, кукуют, бедолаги, под немецким конвоем. Мировые ребята пропали!

— А кто, например? — спросил Стругов со свойственной ему привычкой говорить о вещах лишь сугубо предметных.

— Да возьмите хотя бы, — сказал Муравьев, — нашего механика Русакова. Умница парень, в тресте первым изобретателем считался. Я думаю, пропал безвозвратно... Говорят, работал на самом дальнем участке — где-то под Кривым Рогом...

Напоминание о том, что многие шахтеры не вернулись с оборонных работ у Днепра, всколыхнуло в Стругове горечь потерь и сожалений. Он вспомнил, что многое с начала войны складывалось не так, как виделось в мирные дни иным благодушным стратегам.

— Та-ак, — сказал он нетерпеливо, — давай посмотрим, что творится на той стороне. — Он, проворно привстав, приник глазами к окулярам стереотрубы, и правобережье Миуса — круто поднимающаяся к горизонту степь в свежих майских травах, лесистые курганы, каменный остов церкви на взгорье — все, как бы приблизившись и увеличившись в размерах, предстало его глазам в своей красе — милой до слез, бесценной, неповторимой.

Муравьев поставил локти на бруствер, поднес к глазам бинокль и, нахмурив брови, медленно повел взглядом слева направо — от синевшей вдали Саур-могилы до северной окраины Дмитриевки, где по крутосклону вилась глинистая дорога к реке, к мельничной плотине.

— Ты подумай, как закопались с-стервы! — с дрожью в челюстях выдавил комиссар. — Как будто их там и нету. А, наверно, высунись немного, убьют в два счета?

— В один счет, — хладнокровно уточнил Муравьев. — Снижут с одного выстрела.

— А ты там что-нибудь видишь? — спросил Стругов, не отрываясь от окуляров.

— Там у меня каждый бугорок, каждый кустик на примете, — скромно сказал наблюдатель. — В моем секторе я насчитываю больше сорока целей. — Взгляните. — Он потянулся к нише и подал комиссару журнал наблюдений — толстую ученическую тетрадь в розовой картонной обложке, но Стругов, не глядя, положил ее обратно.

— Показывай, где ты видишь эти цели.

Муравьев снова поднял к глазам бинокль.

— Смотрите на курган слева. Это Саур-могила. Там у немцев командный пункт.

Стругов долго, пристально всматривался в очертания кургана, начавшего уже тонуть в сумеречных далях.

— Ни черта не вижу! — сказал он с досадой, хоть признаваться в этом ему было неловко.

— А сейчас вы и не увидите, — снисходительно сказал Муравьев. — Нужно наблюдать не один день и в разное время суток, тогда заметишь, как в блиндаж приносят в термосах завтрак и обед, а от кургана ползут в зеленых маскхалатах связисты — проверяют или чинят линию. Теперь возьмите на четыре деления правее и на два — ближе. Что видите?

И Стругов, тщательно пошарив взыскующими глазами по зеленым склонам, по впадинкам и водомоинкам и бормоча: «Лапоть вправо, лапоть влево», — снова принужден был признаться, что и там не обнаружил ничего примечательного.

— Там, товарищ комиссар, — стеснительно сказал разведчик, опуская бинокль, — я подозреваю такую вещь, что о ней и говорить неудобно. На зорьке там выползают на вольный воздух какие-то бабенки, а вечером туда тянутся офицеры. Что у них там может быть? Прачечная? Пекарня? Нет, похоже, полевой вертеп. Ну и канальи!

— На карте у тебя это отмечено? — спросил Стругов со строгостью, озадачившей Муравьева.

— Это место я... крестиком, — сказал Муравьев. — Для обозначения таких вещей штабисты еще не придумали условного знака. А на карту, товарищ комиссар, — вдруг помрачнев, с тоскою в голосе признался Муравьев, — на карту я стараюсь смотреть пореже. На ней

[1] «Рама» — немецкий двухфюзеляжный самолет-разведчик.

снежнянские и чистяковские шахты помечены молоточками. Гляну на эти молоточки и — не поверите? — как в натуре, вижу свою «Берестовку»: терриконы, нарядную, наши улицы и все, все... Скоро там белая акация зацветет...— Он замолк, спазмы перехватили ему горло.

— Нехорошо, нехорошо... Что это ты, братец, ударился в лирику? — сказал комиссар скорее с сожалением, нежели с укором. — Ты скажи: вот так, напрямик, можно пробраться через линию фронта?

— Нет, тут не проберешься, — возразил Муравьев. — Тут они и колючей проволоки напетляли, и траншеи в три ряда, и всю степь нашпиговали минами. А вот западнее этого кургана, на мое мнение, можно бы попытаться...

— Почему ты так думаешь? — недоверчиво спросил Стругов, быстро повернув рога стереотрубы в том направлении, какое указал наблюдатель.

— Оттуда немцы ни разу не стреляли,—сказал Муравьев. — По-видимому, там у них оборона пожиже. А притом, — добавил он рассудительно,— посмотрите: там и кустики и впадинки, так что один-то человек, конечно, с большим риском, я думаю, может пронырнуть незаметно.

Стругов еще с минуту томительно всматривался в черневшие на склонах левее Саур-могилы байрачные перелески, мысленно прослеживая рискованный путь, по которому, быть может, придется отправиться в немецкий тыл разведчику-отчаюге. И в мыслях он уже видел этого разведчика — наблюдательного, зоркого, бдительного лесника и минера Харитона Чернобая. После встречи со Струговым в заметенной снегом Большекрепинской он был переведен по совету комиссара из минеров в разведчики и теперь проходил специальную подготовку.

За увалами меркло солнце, степь задремала, подернулась сиреневой дымкой, и над Миусом, где в зарослях терновника уже начинали греметь, щелкать соловьи, подымалась рыхлая завеса тумана. А за шахтерскими городами, на западе, ворчал гром, и в зловеще почерневшем небе проблескивал летучий огонь молний.

— Пожалуйста, усиль наблюдение в этом секторе — западнее Саур-могилы. Записывай в журнальчик и то, что тебе покажется, быть может, не очень существенным. Заговорились мы с тобой! — спохватился Стругов с досадой. — Ты от Авдотьи Егоровны-то, от мамаши, весточки получаешь?

Разведчик вздрогнул.

— Какие же, товарищ комиссар, весточки? Я думаю, эти изверги не пощадили ее. Активистка, депутат...

— Ха! — весело хмыкнул Стругов.— Так ты ничего не знаешь! Авдотью Егоровну мы отправили, можно сказать, с последним эшелоном. Она же в Караганде! Работает на шахте, десятником на погрузочной стенке. А кроме того, как и прежде — ты же знаешь ее! — хлопочет в шахтерских общежитиях, в детских яслях и, конечно, воюет с бюрократами. Нет, это я тебе ответственно говорю! — истово подтвердил комиссар, даже и в сумерках прочитав во взгляде фронтовика растерянность и недоверие. — Я оттуда, от обкомовских работников наших, письмо получил. Сменишься — пиши: Караганда, Муравлевой. Там ее разыщут наверняка.

Казалось бы, Муравьев должен был радоваться: какой тяжкий камень свалился с его сердца! А он, сгорбившись под ветками шиповника и опершись руками о края окопа, замер в тревоге, еще не совсем веря словам комиссара.

— Вот, товарищ комиссар... — с трудом выговорил он, не в силах справиться с волнением,— я ждал, что вы заметите у меня какой-нибудь непорядок, а вы мне это... про мамашу. У меня прямо сердце зашлось...

— Ладно, ладно, утрясется! — сказал Стругов, дружески похлопав разведчика по предплечью. — Ну, счастливо!.. Поползу назад, а то кашевар оставит меня без ужина, — добавил он, торопливо сунув Муравьеву руку и надеясь шуткой скрасить неловкость этой минуты.

Окончание следует.

О ПРОБЛЕМАХ СЕРДЦА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Институт кардиологии имени А. Л. Мясникова пригласил в конце января около тысячи специалистов по сердечно-сосудистым заболеваниям принять участие в научной сессии, посвященной 75-летию основоположника советской кардиологии.

Добрые слова о деятельности А. Л. Мясникова, о роли этого ученого в создании института сказал, открывая сессию, его ученик и преемник член-корреспондент АМН СССР И. К. Шхвацабая.

Успешно и всесторонне разрабатывают сейчас кардиологи новые направления в рамках основных проблем сердечно-сосудистых заболеваний, опираясь на предвидение и принципы исследовательской работы выдающегося ученого. 63 доклада — результаты нескольких лет напряженных исследований кардиологов страны по самым актуальным проблемам человеческого сердца — представлены были к обсуждению собравшихся в аудитории института.

Большой интерес вызвал доклад академика АМН СССР Е. И. Чазова об актуальных проблемах метаболизма миокарда — исследованиях процесса обмена веществ и нарушений этого обмена при заболеваниях сердца и сосудов на клеточном уровне. Новейшие методы обследования больного с помощью ультразвука и эхокардиографии, все чаще применяемый способ исследования с использованием катетера, проникающего в сердце, дают возможность глубоко и всесторонне изучить смертельного врага человека — ишемическую болезнь.

Эпидемией второй половины XX века называют ее врачи. Обогнав в печальном соревновании рак и значительно «помолодев», болезни сердца стремительно распространяются по планете, отнимая жизнь, лишая трудоспособности.

Сегодня в клиниках можно встретить больных 25—30 лет, перенесших инфаркт миокарда. Но, если еще два десятилетия назад такой диагноз звучал приговором, теперь советским врачам удается возвращать к трудоспособности 80 процентов больных, не только спасти от смерти, но вернуть человеку способность радоваться жизни, вновь обрести уверенность в себе, чувство полноценности.

В институте кардиологии для этой цели разработан комплекс современных методов восстановительного лечения.

С директором института профессором И. К. Шхвацабая мы беседовали на следующий день после завершения работы научной сессии. Я попросила профессора поделиться свежими впечатлениями.

— Прошедшая сессия особенно ценна не столько подведением итогов проделанной исследовательской работы, сколько обсуждением конкретных фактов и разработкой новых направлений по современным проблемам кардиологии, в частности, например, вопросов диагностики и лечения артериальной гипертонии. Приведенные здесь результаты лабораторных исследований по метаболизму миокарда, которые в ближайшее время найдут применение в лечебной практике, открывают перед нами широчайшие перспективы.

Интересные и перспективные предположения сделаны нами в ходе совместных советско-американских исследований. Оказалось, что если у больного ишемической болезнью сердца нарушен жировой обмен веществ, он часто обнаруживается и у его родственников.

В каждом докладе на сессии основное внимание уделялось профилактике — важнейшему принципу советской медицины. Много, но явно недостаточно сделано нами в этом направлении.

Известно, например, что малая физическая активность снижает сопротивляемость организма в два раза, курение — также в два раза. Если добавить к этим факторам избыточный вес, повышенный уровень холестерина в крови и артериальную гипертонию — риск серьезных осложнений увеличивается в 11 раз!

...С каждым днем активизируется борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Расширение и разветвление исследований привлекают к вопросам кардиологии патофизиологов, биохимиков, математиков. Укрепляются связи, научные контакты советских кардиологических центров с медицинскими учреждениями социалистических стран. На сессии присутствовали специалисты из ГДР и ЧССР. Развиваются контакты с медиками США, Франции и других стран.

Защита человеческого сердца — главная и общая задача медиков всего мира.

Виктория КРАМОВА

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

«НЕ УВЕРЕН — НЕ ОБЕЩАЙ!»

Так назывался репортаж, опубликованный в третьем номере «Огонька» за нынешний год. В репортаже было подвергнуто критике бытовое обслуживание населения в Черниговской и Гомельской областях. Речь шла о несоответствии широковещательной рекламы скромному объему услуг, о низком качестве строительных, ремонтных и прочих работ, выполняемых бытовыми учреждениями, о весьма невежливом обхождении с заказчиками.

Редакция получила ответ на свое выступление от начальника Черниговского облбытуправления тов. В. Цыганка.

«Статья «Не уверен — не обещай!» обсуждена на собрании рабочих, ИТР и служащих Черниговского ремонтно-строительного участка, а также в коллективах других ремонтно-строительных участков Облбытремстройтреста. Критика признана правильной.

За недостатки в бытовом обслуживании населения и неудовлетворительное осуществление контроля за выполнением заказов по ремонту и строительству жилья объявлен выговор главному инженеру тов. В. Г. Бернацкому и начальнику участка тов. М. М. Левину. За недобросовестное отношение к выполнению служебных обязанностей объявлен выговор технику-сметчику тов. В. В. Нестеренко.

Укреплено руководство Облбытремстройтреста. Здесь разработаны организационно-технические мероприятия по увеличению объема и расширению видов услуг, оказываемых населению. Приняты меры к сокращению сроков исполнения заказов, повышению культуры обслуживания и качества выполняемых работ.

Облбытуправление установило постоянный контроль за работой треста».

Итак, в Чернигове правильно, по-деловому отреагировали на критику и, не откладывая дела в долгий ящик, принялись за улучшение обслуживания населения. Весьма отрадно. А вот товарищи, ведающие сервисом в Гомеле, до сих пор не откликнулись на выступление «Огонька». Молчание затянулось. Чем это объяснить? Надо бы все же обнародовать свою позицию и гомельскому «Бюро добрых услуг» и кулинарам ресторана «Десна» в городке Короп, Черниговской области. Их работа тоже оставляет желать лучшего, о чем и говорилось в репортаже «Не уверен — не обещай!».

ЮМОР

Григорий КРОШИН

ВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Лешка Крюнов обошел сначала одного защитника, затем второго, потом... Ай-яй-яй-яй-яй-яй!

— Ты же видел, что справа открылся Калягин! — сказал кто-то с западной трибуны.

Лешка оглянулся: это был его начальник цеха. Завтра, конечно, закатит Крюкову очередной разнос и перестанет отпускать в рабочее время на тренировки...

Мяч снова попал в ноги Крюкову. Он поднял его над собой и прыгнул, чтобы головой отбросить мяч назад...

— Зачем наза-а-ад? — крикнул Яшка Шварц, председатель месткома.

Лешка задумался. Ведь если сейчас направить мяч к воротам, то вратарь без особого труда возьмет его,— слишком далеко до ворот. Но если отбросить мяч назад, как Лешка и собирался, то Шварц может не дать ему путевки...

Крюков мягко опустился на землю и, заметив, что вратарь противника покинул ворота, замахнулся по мячу...

— Зачем изда-ли-и-и?! — заорали с южной трибуны.

Лешка обернулся:

— А что же делать, Софья Павловна?! Вон, видите, ихний вратарь из ворот вышел!

— Ну и что же? Подведи поближе, чтобы уж наверняка.

— Поближе, поближе, — заворчал Лешка, но перечить не стал. Все-таки не чужие это люди, а будущие теща и тесть...

Он рванулся вперед с мячом и подал его на вратарскую площадку...

— Там же никого нет! — опять огорчился начальник цеха.— Эх, Леша, Леша...

Через минуту мяч снова оказался у Крюкова.

— Не водись! — крикнул тесть.— Бей с ходу, с ходу!

— Но, Максим Григорьевич, до ворот еще километр! — возразил Лешка.

— А вон Пруслину разве нельзя отдать? — предложил тесть.

— Гришке? Так ведь он плохо бьет левой.

— Ну, не знаю, отдай направо, Калягину...

— Леха!! Мне не надо!..— взмолился Калягин...

В перерыве между таймами Лешка решил, что с понедельника бросит футбол и начнет новую жизнь. «Слишком много советчиков,— зло подумал он.— Уж сегодня доиграю, но больше — ни ногой! Давно уже пора...»

— Ребята, кровь из носа,—прервал Лешкины мысли тренер,— нужен гол!

...Крюков стоял посреди поля и ждал паса. Получив мяч, он повел его через все поле к воротам противника...

— Не водись, отдай кому-нибудь! — кричал начальник цеха.

Лешка улыбнулся и почему-то повернул вдруг в обратную сторону.

— Отдай Калягину! — кричал Пруслин.

— Отдай Пруслину! — кричал Калягин.

— Чудак! — кричал тренер.

Лешка Крюков обводил одного за другим чужих и своих игроков. Заметив, что вратарь противника опять покинул ворота, он замахнулся...

— Зачем и-и-и-издали?!. — закричали в один голос тесть, теща, начальник цеха, Яшка и тренер.

Но в это время Крюков изо всех сил пробил в правый верхний угол ворот. Го-о-о-о-о-о-о-о-о-о-ол!!! Стадион словно взорвался.

— Крю-ков! Крю-ков! — скандировали трибуны.

Я. ЗИСКИНД

ТЕПЛЫЕ ПРОВОДЫ

Они вышли из вокзального ресторана и не спеша направились на перрон. Один был с чемоданом и переброшенным через руку плащом, другой с портфелем.

На платформе, у вагона, на котором было написано «Москва — Сочи», остановились. Первый опустил на землю чемодан и нетвердой рукой полез в карман за билетом. А второй сказал:

— Петя! Дорогой! Вот стою, понимаешь, и не верю, что ты уезжаешь!

Первый, продолжая искать билет, ответил.

— Уезжаю, Вася. Извини, но уезжаю.

— Какие могут быть извинения, если ты едешь на отдых? Езжай, Петя. Загорай, поправляйся, дыши свежим воздухом, ешь фрукты и будь здоров!

— Спасибо, Вася. Спасибо,— с чувством сказал Петя и обнял своего друга.

— Единственное, что обидно: расстаемся. На целый месяц.

— Меньше. На двадцать шесть дней.

— Все равно, — махнул рукой Вася.— Вот что, возьми! На память! На добрую память.— Он протянул Пете шариковую ручку.— Пиши. Каждый день. Чтоб я был в курсе.

— Спасибо, Вася,—сказал растроганный Петя и протянул ему расческу.— Причесывайся и помни, что я тебя помню.

— Спасибо. Тронут до слез!— ответил Вася и торопливо снял с руки часы.— На! На добрую память! Смотри на стрелки и помни!

— Благодарю. И ты помни, — растроганно сказал Петя и протянул Васе часы на цепочке.

— Спасибо! — приложил руку к груди Вася и сорвал с себя кепку.— На!

— Дважды спасибо! — не остался в долгу Петя и протянул Васе свою шляпу.— Носи, дорогой! Новая...

Вася секунду подумал и сорвал с себя галстук: — На!

— И ты возьми,— ответил Петя и тоже сорвал галстук.— И плащ возьми! Носи и помни.

— Спасибо! Ты настоящий друг,— всхлипнул Вася и снял с себя пиджак.— Бери! Чистая шерсть!

— И ты бери,— всхлипнул Петя, снимая свой пиджак.

— Спасибо! На! — протягивая Пете свой портфель, сказал его друг. А когда тот взял портфель, начал расстегивать пуговицы рубашки.

— Не надо, Вася, — остановил его Петя. — Не надо! Я и так верю, что ты мой лучший друг. И так же, как и ты, готов на любые жертвы! Вот тебе моя путевка, вот тебе мой чемодан, железнодорожный билет, колбаса на дорогу. Все возьми! Езжай вместо меня, поправляйся и ешь фрукты!

— Спасибо,— сказал растроганный Вася.— Для друга я готов на все!

Вася взял чемодан, билет, путевку, еду на дорогу и поднялся в вагон.

Сергей ВОРОНИН

КАК КРЫСЫ МЕДВЕДЯ ИЗ БЕРЛОГИ ВЫЖИЛИ

Однажды к медведю в берлогу прибежала переполошенная крыса. Он только-только было улегся спать на зиму. И вдруг такое неожиданное вторжение.

— В чем дело, крыса?

— Беда, просто беда! Напали на нас, норы порушили. А зима на носу, где жить? Пусти меня, я много места не займу.

— Конечно, какое ты можешь занять место,—снисходительно ответил медведь.— Живи.— И стал укладываться спать.

Но не успел и глаза прикрыть, как вместо одной крысы в берлоге оказалось пять.

— Кто это? — недовольным голосом спросил он.

— Это тетка, понимаешь, медведь, тетка и племянник ее, а те двое мои сестры. Очень хорошие, весьма порядочные крысы. В таком же бедственном положении, как и я.

Медведь чуть потеснился и закрыл глаза. И стало уже сниться ему лето с кустами малины, как вдруг он почувствовал, что кто-то кусает ухо, кто-то бегает по нему, визжит. С трудом раскрыл он сонные глаза и во мраке разглядел, что вся берлога полна крыс.

— Что это? — приподнялся в удивлении он.

— Ничего! А вот ты чего тут развалился?

— Так ведь это моя берлога...

— Слыхали, какой хозяин нашелся! Да за такие слова ему мало голову отъесть. Каков нахал! А ну! — И все, сколько было в берлоге крыс, кинулись на медведя, да так дружно, что он взревел и вылетел пулей на снег.

Всю зиму простак слонялся по морозному лесу, страдал, худел, в то время как в его берлоге вовсю размножались крысы.

УДИВИЛ...

Я ждал гостей и думал, чем бы таким их удивить. Они никогда не были в Сибири. Значит, рассуждал я, надо показать им Сибирь во всей красе, всесторонне, так сказать. Ну, снег они увидят сами, как только ступят на сибирскую землю. Много снега. И мороз сразу почувствуют. Тут сама природа о них позаботится. Денек мы, конечно, проведем на лыжах в сосновом лесу. А потом банька с березовым веником. Прекрасно. Или свозить их в горную Шорию? Это тоже несложно, поезда идут туда каждую пятницу. Что же еще? Схожу, конечно, на базар, куплю кедровых орешков прямо в шишках... Тоже хорошо. А дома угощать чем буду?

— Пельменями сибирскими,— подсказала жена.

Гениально. Именно сибирскими пельменями, правильно, такого им нигде не попробовать. И я отправился в магазин, в котором под рекламным щитом «Вкусно, быстро, дешево» продавались готовые пельмени. Домашние делать было уже некогда.

— Это действительно вкусно?— спросил я продавщицу.— У меня, знаете ли, гости издалека...

— Что за вопрос,— мило улыбнулась она,— пальчики оближете. Да смотрите, вместе с пельменями собственные языки не проглотите.

Как я потом убедился, это было дельное предостережение, потому что... Впрочем, все по порядку. Гости благополучно приехали, и первая часть программы прошла, как говорится, на «ура». Близилась очередь пельменей, которые уже заманчиво булькали в кастрюле. Наконец, точно по инструкции, началось их торжественное извлечение. И тут произошло нечто непонятное и непредвиденное: мясо пельменей почему-то выпрыгивало из своих оболочек и падало в тарелку отдельно, тесто тоже, естественно, отдельно.

— Бешбармак по-сибирски, а? — тихо радовались гости.

Я не знал, что отвечать, и готов был проглотить от досады собственный язык. На жене лица не было. Срочно засыпали новую партию пельменей. Они получились не лучше. Мы ужинали вчерашними котлетами. Гости вежливо восторгались сибирским снегом...

Наутро я по этикеткам установил автора загадочного продукта. Им оказался Новосибирский птицекомбинат. Возможно, он хотел нам, покупателям, преподнести сюрприз. Подумав, я нашел, что их непонятный продукт даже удобен, потому что из него можно готовить одновременно два блюда в одной кастрюле или даже три, если еще подавать оставшийся бульон с какой-нибудь приправой. Мне кажется несправедливым, что такое новшество существует только в Новосибирске, его, несомненно, следует распространить по всей стране. Непонятно только, почему продукт назван пельменями. Нужно бы назвать его как-то менее прозаически. Но как? Лично у меня для этого просто нет слов.

Ю. ЛУШИН

●

ЧИТАТЕЛЯМ «ОГОНЬКА» ОТВЕЧАЕТ...

Первый заместитель министра химической промышленности СССР Л. И. ОСИПЕНКО

Запланированная клякса

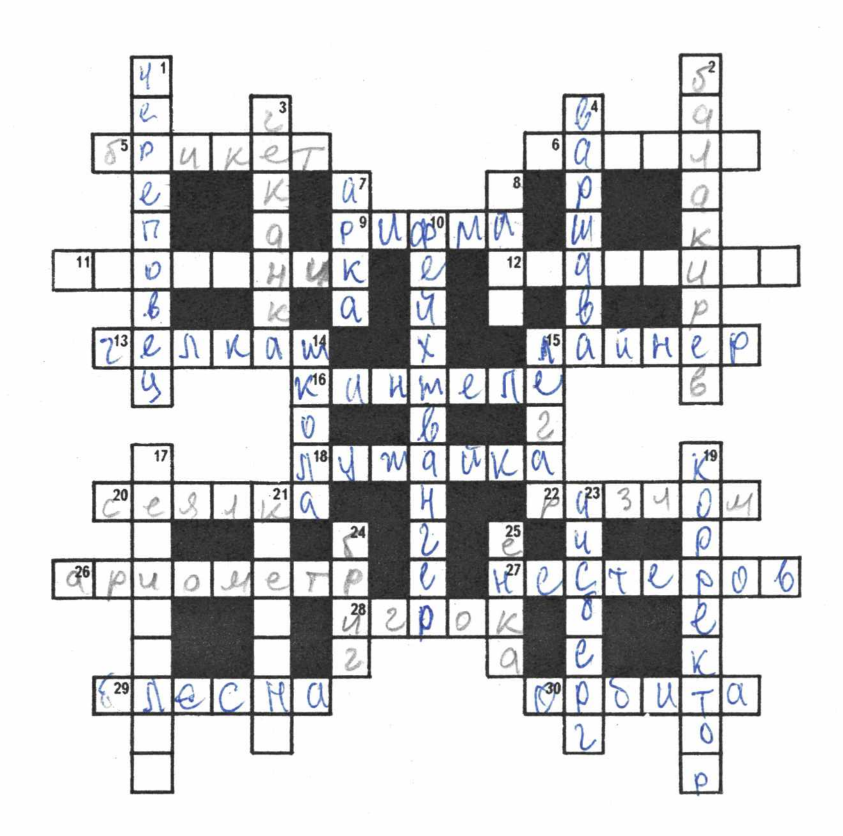
Под таким заголовком в «Огоньке» № 52 за прошлый год под рубрикой КВД — коэффициент вредного действия была опубликована корреспонденция, в которой говорилось о низком качестве чернил «радуга». Вскоре в редакцию пришло письмо из Министерства химической промышленности СССР. Первый заместитель министра Л. И. Осипенко сообщает, что затронутые в публикации вопросы рассмотрены «на специальном совещании с участием специалистов предприятий и института — разработчика рецептур чернил». Намечен план организационно-технических мероприятий, «обеспечивающих, начиная со второго полугодия 1975 года (в первом полугодии выполняются все необходимые подготовительные работы), переход на выпуск предприятиями Минхимпрома чернил новых марок шести цветов — «радуга-2». До этого чернила (одного цвета, ярко-синие) «радуга-2» выпускала лишь фирма «Мосбытхим», что, безусловно, недостаточно. Перед предприятиями министерства поставлена задача: довести в 1975 году выработку чернил «радуга-2» до 50 процентов от общего выпуска чернил».

●

НЕОБЫЧНАЯ ОХОТА

Сейчас в водах Антарктики работает Дальневосточная китобойная флотилия «Советская Россия». Один из китобойцев этой флотилии — «Внушительный». Не совсем обычна будет охота моряков «Внушительного». На судне нет гарпунной пушки, в каютах разместились лаборатории. В списке экипажа появились новые должности, новые фамилии. В рейс идут ученые Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии, а также исследователи из Соединенных Штатов Америки. «Внушительный» на протяжении пяти месяцев будет вести охоту на китов бок о бок с промысловиками. Но охотиться-то не с гарпунами, а с помощью специальных радиобуев — датчиков, снабженных питанием длительного действия, способных выдержать любое давление водяного столба. Кит с таким датчиком, сам о том не подозревая, поведет ученых за собой. Радиомечение поможет специалистам разобраться в перемещении китовых стад, в их кормовых и сезонных миграциях. Меченые киты многое расскажут людям, помогут решить вопросы, представляющие огромное научное и практическое значение.

В. Кузнецов

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Плитка из спрессованного материала. 6. Горная коза. 9. Созвучие окончаний строк. 11. Злаковое растение. 12. Картина К. П. Брюллова. 13. Рассказ М. Горького. 15. Многоместный пассажирский самолет. 16. Финский и карельский щипковый инструмент. 18. Небольшая поляна. 20. Сельскохозяйственная машина. 22. Драма Б. А. Лавренева. 26. Прибор для определения плотности жидкостей. 27. Русский авиатор. 28. Роман Ф. М. Достоевского. 29. Искусственная приманка для рыбы. 30. Путь движения небесного тела.

По вертикали:

1. Порт на Рыбинском водохранилище. 2. Русский композитор. 3. Надпись на монетах, медалях. 4. Столица европейского государства. 7. Дугообразное перекрытие. 8. Приток Дуная. 10 Немецкий писатель. 14. Учебное заведение. 15. Венгерский композитор. 17. Персонаж комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 19. Работник печати. 21. Город в Северной Италии. 23. Плавучая ледяная гора. 24. Двухмачтовое парусное судно. 25. Белорусская народная плясовая песня.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали: 3. Обсерватория. 6. «Арсенал». 8. Инсаров. 11. Кедровка. 17. Верхнее. 18. Ремарка. 19. Днепропетровск. 21. Рефлекс. 22. «Одиссея». 23. Фрагмент. 28. Рашкуль. 29. Алфавит. 30. Акселерометр.

По вертикали: 1. «Мещане». 2. Родник. 4. Буер. 5. Иран. 7. Рерих. 9. Отара. 10. Эдельвейс. 12. Диатоника. 13. Вычитание. 14. Беккерель. 15. Мережка. 16. Медведь. 19. Долгота. 20. Кусачки. 24. Рылеев. 25. Нельма. 26. Укок. 27. Наст.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Самотлор — полюс сибирской нефти. К обелиску в честь первооткрывателей Самотлора приезжают молодожены. На снимке: шофер Леонид и парикмахер Алла Михайловы утром своего самого счастливого дня (см. в номере очерк Н. Быкова «Море Губкина»).

Фото И. Тункеля.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В Бейруте и на юге Ливана (см. в номере «Бейрутский дневник»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 27/I — 1975 г. А 00516. Подписано к печ. 11/II — 1975 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. 278. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 130.

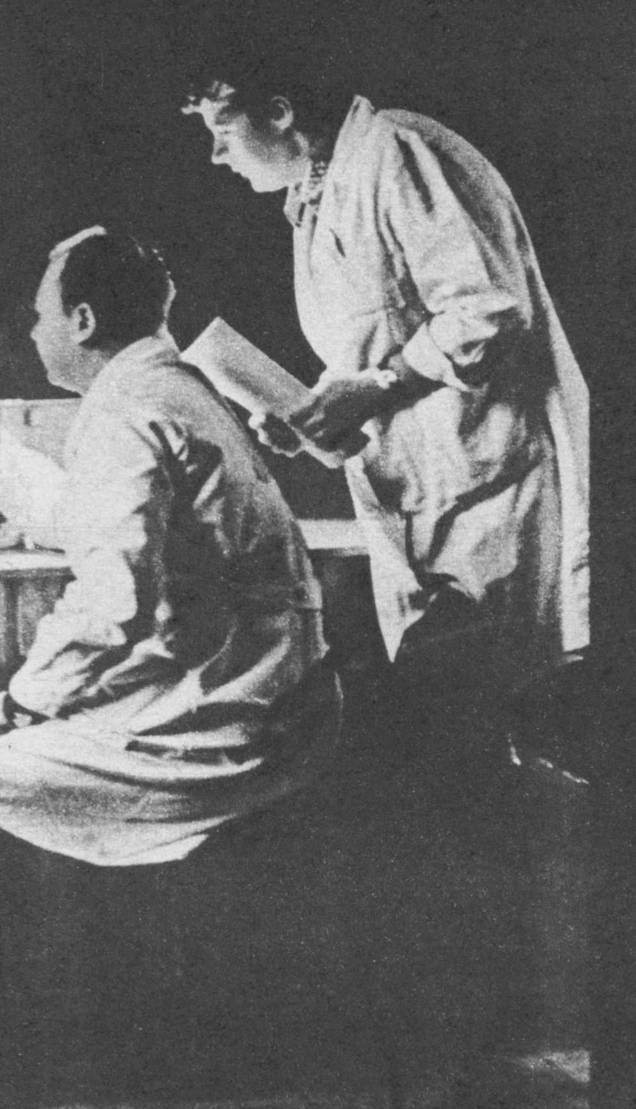
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Надежда Александровна Пучковская перед операцией.

Фото Б. КУЗЬМИНА

НАСЛЕДНИК

К. А. Кондакова успешно перенесла сложнейшую операцию по пересадке роговицы. Доктор медицинских наук, руководитель отделения ожогов глаз Г. В. Легеза и кандидат медицинских наук В. М. Непомящая дают ей последние наставления перед выпиской из больницы.

Вот так надевается роговичная контактная линза.

И ФИЛАТОВА

«Я спешил и в коридоре клиники налетел на человека — я, кажется, крепко двинул его в плечо.

Мы оба остановились.

— Да, брат,— сказал он, улыбаясь.— Вот так-то, брат.

Он хотел утешить и ободрить меня...

Он думал, что, может быть, это он меня толкнул. Он думал, что я тоже слепой».

Так начинается книга А. Турбина «Наследники Филатова», выпущенная издательством «Советская Россия» к 100-летию со дня рождения Владимира Петровича Филатова, врача и ученого, имя которого носит Одесский научно-исследовательский институт глазных болезней и тканевой терапии. Сегодня мы печатаем фоторепортаж из этого института.

Об одесском институте можно было бы рассказать очень много. Но мне хочется отослать наших читателей к работе А. Турбина, его книге о наследниках Филатова.

Когда умер Филатов, они остановили часы в его кабинете. Но они не хотели остановить время и пошли вперед, а на пути к новым достижениям трудности возрастают. Неизбежно возрастают.

Да, нелегка белая шапочка врача. Особенно в этом овеянном мировой славой институте. От знаменитой клиники и знаменитых врачей ждут чудес и ничего иного, кроме чудес: «Извольте исцелить. Вы знаменитые».

О высоком нравственном подвиге, о бесконечном риске и нежной осторожности врачей и ученых эта книга.

У меня не поднимается рука назвать ее просто научно-популярной, хотя автор со знанием дела вскрывает основы наследия Филатова, рассказывает о достижениях его института и клиники, о тех новых методах лечения, которые появились в Одессе недавно. Сказать об этом было бы только половиной правды. Главное в книге — то, что с ее страниц встают перед нами живые люди, добрые, вспыльчивые, усталые, отважные, смешливые, нежные... Этих ученых в белых халатах нельзя не полюбить.

Вот директор института, ученица великого Филатова Надежда Александровна Пучковская.

«Она вошла в операционную той веселой, легкой, спокойной поступью, какою женщины входят в свой дом, если дом ей мил,— входит, переодевается (уже и переоделась) и берется за домашние дела, которые ей ничуть не в тягость.

На ней халат очень длинный, это ее еще поднимает, а она и так, что называется, женщина видная: все в ней крупно — и фигура и черты лица, но все просто — и в ней и вокруг нее. Ни толпы сотрудников, ни наводящих почтительный трепет громоздких приборов и аппаратов...

— Свет. И стол, пожалуйста, повыше.

Инструменты, которые ей подали, довольно просты или, во всяком случае, выглядят простыми, она стала у операционного стола устойчиво, но свободно, без напряжения, и оттого работа, которую она начала делать, кажется не то чтобы простой и легкой, но спокойной, почти домашней работой.

Делает же она вот что.

Серповидным ножиком, который называется скребец, она провела несквозной надрез по кругу — по той каемке, где прозрачная (у здоровых) роговая оболочка переходит в склеру, белочную оболочку — «белок» глаза. Надрез отграничил, таким образом, всю площадь роговицы: вся ее поверхность непрозрачная, мутная (у больного), и всю эту поверхность надлежит убрать.

Да, полная послойная...

Справа от Пучковской стоит Григорий Васильевич Легеза, который сегодня ассистирует.

Вдруг Пучковская спросила:

— Какого цвета у вас глаза?

Больной услышал, но не понял. Не понял, что спрашивают у него. У него уже четыре года вовсе и нет никакого цвета глаз.

Потом глухо ответил из-под простыни:

— Карие.

И опять все молчат, а я не вижу, что они там увидели. Но почему-то спросила же она о цвете глаз!

...Значит, будет все-таки чудо. Карие глаза. Карий глаз, единственный, драгоценный...

Передо мной всплывает белое и круглое в маске лицо Легезы. Он смотрит на этот драгоценный глаз, и не скажу с каким чувством. Чуть ли не с ненавистью...

Оставшийся тончайший задний слой тоже мутный...

— Гарпун, пожалуйста,— говорит Пучковская, прежнею легкой, победоносной поступью возвращаясь к операционному столу.

Что такое? Зачем ей гарпун? Это оговорка, конечно: остается только пришить трансплантат...

Что такое!

Она отдала кому-то плоскую, с бортиком, стеклянную чашку с приготовленным зеленоватым трансплантатом и взяла гарпун.

Не хочет — понимаете ли вы это? — не хочет примириться.

Она собирается снимать еще».

Мне кажется, только из этого лаконичного описания операции становится ясным не только характер директора института академика АМН СССР Надежды Александровны Пучковской, но и те неразрывные нити, которые связывают, пожалуй, самую упрямую и самую любимую ученицу Филатова с ее учителем. Филатов не терпел слов «безнадежный», «неизлечимый». «Неизлечимая болезнь — это тоже очень относительное понятие», — говорил он своим ученикам.

В каждой строчке книги, в каждом поступке ее героев видна эта далеко не всегда прямая связь Филатова с сегодняшней жизнью института, с работой его учеников.

Когда умер Филатов, а заместитель директора Пучковская отказалась взять на себя директорство, начальство решило прислать человека из другого научного учреждения. Но под давлением товарищей Пучковская — а было ей страшно до слез — перерешила. Она взяла в свои руки дело Филатова, чтобы его продолжить. Она взялась сберечь его школу.

В книге мы видим наследников Филатова. Вот Валентина Михайловна Непомящая, сияющая, счастливая оттого, что «Сережа читает ноль — один!»; биохимик Нина Сергеевна Шульгина, экспериментирующая на кроликах. Это она однажды сказала, что «если бы не цель, если не иметь в виду людей, разве можно было бы перенести все страдания кроликов!». Но страдания кроликов не напрасны... Военный хирург майор Легеза, патофизиолог профессор Семен Рафаилович Мучник. «Если сомневаешься — надо оперировать»,— говорит он, когда риск невмешательства огромен и равен риску вмешательства. Руководитель лаборатории ультразвука Ростислав Константинович Мармур, Леонид Андреевич Линник, работающий в области новой науки — лазерной терапии, человек явно наступательного склада, Елена Михайловна Липовецкая, борющаяся с глаукомой, и доктор Варвара Васильевна Скородинская-Филатова, жена и друг Владимира Петровича, которая и сейчас в свои 78 лет — прекрасный работник клиники.

Одесский институт переживает пору зрелости.

«Зрелость — это такой опыт, который высвобождает из-под гнета схемы,— пишет Турбин.— Обладая зрелостью, то есть внутренней свободой и спокойствием, уже не занятый, не озабоченный собой и своим, человек делается внимателен, зорок к тому материалу, с которым он работает, из которого лепит, и этот материал берет свои права, выступает во всей своей неповторимости, единственности».

Эти слова А. Турбина можно с полным правом отнести и к его работе над книгой об одесском институте, о наследниках Филатова.

Они запомнили Филатова бегущим, летящим: фигура его в памяти — с развевающимися полами халата. Таков был и в старости. Так и умер: бежал, оступился, рухнул...

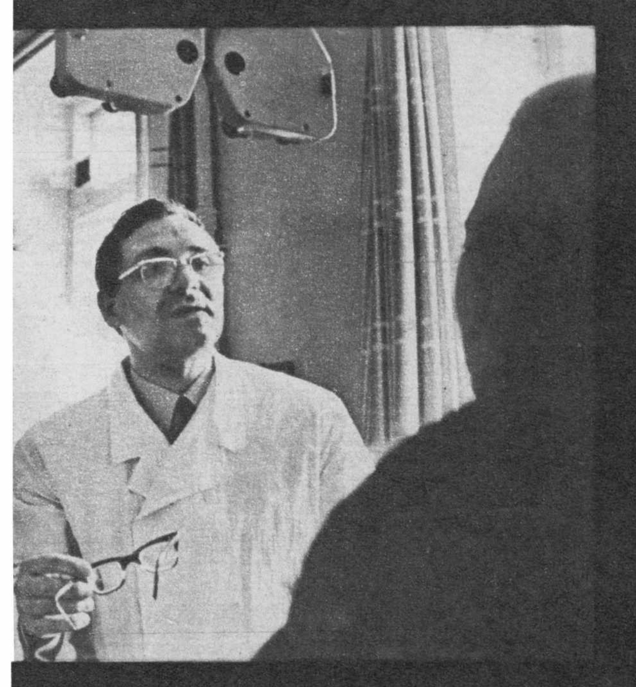
Бег пресекся, а им осталось наследство — его мысли и замыслы...

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

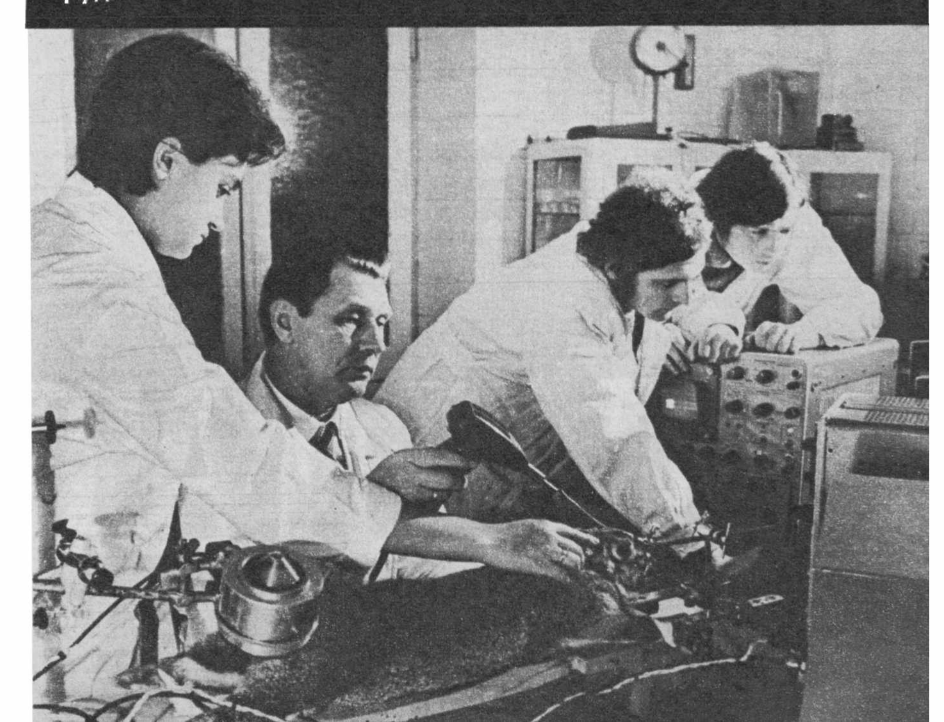

Новые методы лечения приходят в институт. Леонид Андреевич Линник проводит сеанс лазерной терапии.

Какие очки повышенной сложности подойдут теперь больному? Этот вопрос решает старший научный сотрудник, кандидат медицинских наук Игорь Афанасьевич Вязовский.

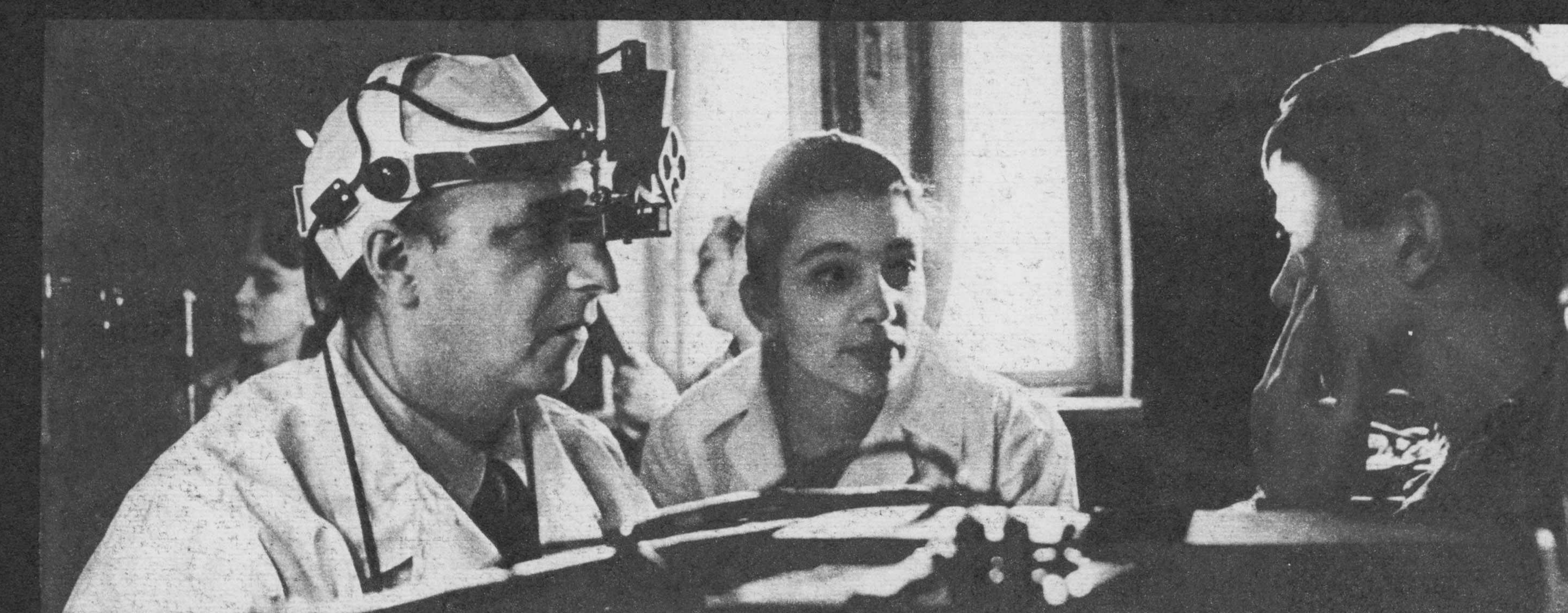

Эксперимент по воздействию низкочастотного ультразвука на глаз кролика. Руководит работой старший научный сотрудник В. П. Плевинскис.

Только напряженный взгляд хирурга выдает волнение во время операции.

Доктор медицинских наук Сергей Владимирович Филатов осматривает больных.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

